

Нематериальное *Знание, стоимость и капитал*

Андре Горц

СЕРИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ

ТЕОРИИ

ВЫСШАЯ

ШКОЛА

ЭКОНОМИКИ

L'IMMATÉRIEL

*Connaissance,
valeur et capital*

ANDRÉ GORZ

Galilée

PARIS, 2003

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ

*Знание, стоимость
и капитал*

АНДРЕ ГОРЦ

*Перевод с французского и немецкого
МАРИИ СОКОЛЬСКОЙ*

Издательский дом

Государственного университета — Высшей школы экономики

МОСКВА, 2010

УДК 330.1
ББК 65.011
Г70

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Горц, А.
Г70 Нематериальное. Знание, стоимость и капитал
[Текст] / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т —
Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та —
Высшей школы экономики, 2010. — 208 с. — (Социальная
теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0713-1 (в пер.).

Андре Горц (1923–2007) — известный французский социальный мыслитель, один из основателей «политической экологии», активный журналист и «милитантист», автор двадцати книг. «Нематериальное» — предпоследняя и одна из важнейших теоретических книг Горца. В ней автор рассматривает эволюцию труда, капитала и общественных отношений в условиях «общества знания», или «когнитивного капитализма».

Книга предназначена широкому кругу читателей — политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 330.1
ББК 65.011

ISBN 978-5-7598-0713-1

© Galilée, 2003
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ. ПРЕДИСЛОВИЕ 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 12

ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ

I. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ ТРУД 21

II. «НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ» 41

III. НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ

ЗНАНИЙ? 82

IV. НА ПУТИ К ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

ЦИВИЛИЗАЦИИ? 107

ПРИЛОЖЕНИЯ

Энцо Руллани. Когнитивный

капитализм: *déjà vu* 153

Антонелла Корсани. Капитализм,

биотехнонаука и неолиберализм. 162

Михаил Маяцкий. Когнитивный

капитализм — светлое будущее

научного коммунизма? 193

Предисловие

Книга Андре Горца (1923–2007) достаточно прямолинейна, в хорошем смысле простодушна, чтобы без обиняков вручить ее читателю. Автор, однако, малоизвестен в России, и для прояснения его позиции нелишними будут несколько слов о его жизненном и творческом пути.

Вена в преддверии «аншлюса» была не самым удачным местом для рождения Герхардта Хирша, сына еврейского (пусть и крестившегося, чтобы потрафить семье невесты) торговца древесиной. Отправленный в интернат под Цюрихом, он, уже под именем Жерар Хорст, заканчивает затем химический факультет в Лозанне. Здесь же берется за свой первый философский трактат со столь же непритязательным, сколь и амбициозным названием «Основы некоторой морали», который мыслился 24-летним философом-самоучкой как продолжение «Бытия и ничто» (книгу, которую он знал чуть ли не наизусть и, во всяком случае, лучше ее автора, как признавался потом сам Сартр). Здесь же встречается с англичанкой Дорин Кейр, которая станет подругой жизни: через 60 лет он адресует ей проникновенное «Письмо к Д. История одной любви»¹. А еще через пару лет, в сентябре 2007 г., перед лицом ее неизлечимой и прогрессирующей болезни они покончат с собой в своем доме в Вонон.

Пока же, в 1949 г., пара переезжает в Париж. Не отреагировав на пухлый трактат (он будет издан только через 30 лет²), Сартр отозвался огромным похвальным предисловием к автобиографическому роману Горца

¹ *Lettre à D. Histoire d'un amour*. P.: Galilée, 2006.

² *Fondements pour une morale*. P.: Galilée, 1977.

«Предатель». Важными были впоследствии встречи с Маркузе, Иваном Илличем. Андре Горц и Мишель Боске — два его основных псевдонима — становятся известными журналистами: один ведет экономическую колонку в «Express», другой пишет в профсоюзной прессе, потом в «Temps Modernes», в «Nouvel Observateur» (одним из основателей которого он стал), «Multitudes», «EcoRev...». С первых же социологических и «милитантистских» работ, таких как «Рабочая стратегия и неокapитализм»³, «Трудный социализм»⁴, Горц проявляет себя как оригинальный мыслитель, всегда соблюдающий с левым мейнстримом дистанцию независимости. Так, он по принципиальным соображениям не принял структурализма (читатель найдет в книге следы этой старой полемики). Или другое существенное расхождение с левыми соратниками: он отказывался признать в социализме советского типа желанную альтернативу капитализму, но видел в нем, скорее, род централизованного капитализма, в котором государство и партия берут на себя заботы по сохранению и преумножению отчуждения. Рано, задолго до появления «зеленых» на политической арене, в текстах Горца появляется составляющая политической экологии (например, тезис об «отрицательном приросте»). Однако и здесь он идет против течения, критикует примитивистов и поклонников «дикой природы»: как и в своей критике труда и пролетариата⁵, он остается верен эмансипаторскому гуманизму раннего Маркса, через призму которого он читает не только «Феноменологию» Гегеля и «Капитал», но и даже Гуссерля с Хайдеггером. Его цель, его пари — это не выход назад

³ Stratégie ouvrière et néocapitalisme. P.: Seuil, 1964.

⁴ Le socialisme difficile. P.: Seuil, 1967.

⁵ Adieux au prolétariat. P.: Galilée et Le Seuil, 1980; Les Chemins du Paradis. P.: Galilée, 1983; Métamorphoses du travail. P.: Galilée, 1988; Misères du présent, richesse du possible. P.: Galilée, 1997.

из *conditio humana*, а убеждение в возможности (и в способности общества) создать человеческую среду, способствующую развитию и свободе.

«Нематериальное» — одна из последних теоретических книг⁶ Андре Горца. В ней обсуждается проблематика так называемого «когнитивного капитализма», специфического аспекта (или фазы — здесь мнения аналитиков расходятся) современного общественного развития. Разделив со своим поколением определенные технотронные иллюзии по поводу техники, которая освободит человека от самого тяжелого труда, а его время — для творческого досуга, Горц затем подверг технику отрезвленному критическому анализу. Критика «когнитивного капитализма» продолжает ту же линию в сочетании с разбором социальных последствий растущей финансиаризации капитала. Горц не дожил до нынешнего кризиса. Тем интереснее читать его анализ «лопнувшего пузыря» 2000 г.! Тем яснее предвидимый, системный характер этого и, увы, неминуемых будущих кризисов.

Возраст, опыт придают стилю и мысли автора пронизательность, которая как будто не исключает определенной наивности. Совместный труд и прочие коллективные радости, гимн которым не раз воспевается в книге, представляются, по крайней мере на постсоветский взгляд, симпатичной ментальной утехой западного индивидуалиста. Не следует, однако, видеть в этой совместности некую бригадную утопию: она реализуется во взаимодействии умов, будь то в науке или в сетевом бескорыстии. Впрочем, всё это довольно ясно разбирается в тексте.

Когда автор пишет, что стоимость товара зависит отнюдь не только от его объективных достоинств, но и от его маркетинга, раскрутки и т.п., хочется сначала снисходительно улыбнуться над пожилым социоло-

⁶ За ней последует посмертный сборник «*Ecologica*» (P.: Gallée, 2008).

гом, едва поспевающим за уже не железным, а нематериальным конем современности. А потом хочется пригорюниться над своим уделом и даже всплакнуть над горькой долей более молодого поколения, которое не только воспринимает это положение дел как нормальное, но уже и не подозревает, что когда-то могло (или еще может?) быть иначе.

Будем надеяться, что за переводом этой книги⁷ последуют и другие публикации в России этого одного из самых своеобразных и своевременных социальных мыслителей Европы.

В качестве приложения мы публикуем три статьи, тематизирующие разные аспекты «когнитивного капитализма»: его биополитику, т.е. способ подчинить себе «жизнь», и его соотношение с научной политикой позднесоветского общества.

⁷ По просьбе Андре Горца мы учитывали изменения и дополнения, внесенные им в перевод книги «Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний» на немецкий язык («Wissen, Wert und Kapital. Zur Kritik der Wissensökonomie» / Übersetzt von Jadja Wolf. Zürich: Rotpunktverlag, 2004).

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Осознание того, что знания стали сегодня важнейшей производительной силой, вызвало перемены, подрывающие значимость ключевых экономических категорий и ясно указывающие на неотложность новой экономической теории. Переживающая сейчас подлинный бум экономика знаний — это капитализм, пытающийся по-новому определить свои основные категории: труд, стоимость и капитал, и распространяющийся на все новые области. В первых трех главах настоящего эссе предпринимается попытка показать значение этих перемен и обрисовать контуры общества знаний, чьи «зародышевые формы» (Штефан Меретц) уже вырисовываются достаточно ясно.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В экономике знаний всякий труд, будь то в перерабатывающей промышленности или сфере услуг, содержит растущую долю знаний. Однако знания, о которых пойдет речь у нас, не являются формализованными профессиональными знаниями, приобретаемыми в техникумах и институтах. Как раз наоборот: информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом всё больше пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обиходном общении и относятся к культуре повседневности.

Невозможно ни определить, ни предписать заранее, как именно трудящиеся будут вкладывать это знание в свой труд. Здесь требуется самоотдача, то, что на языке менеджеров именуется «мотивацией». Человек должен вкладывать в свой труд не просто профессионализм,

а всего себя. Именно от этого вклада будет зависеть качество результатов. Такое качество невозможно измерить общей мерой. Его оценка зависит от суждения начальника или клиентов. Любой труд будет все сильнее напоминать в этом отношении сферу услуг.

Труд, который начиная с Адама Смита считался общей для всех товаров основой стоимости, при таких условиях не поддается измерению в единицах времени. Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости. Фирмы всё больше распоряжаются ими как своим «человеческим капиталом». Вопрос о том, как капиталу завладеть человеком целиком и сделать его полностью «мобильным», решен отменой фиксированного оклада: трудящиеся должны теперь сами стать предприятием и даже на крупнейших заводах (таких как Volkswagen или DaimlerChrysler) вынуждены сами заботиться о рентабельности своего труда. Конкурентная борьба вынуждает их принимать давление логики рыночного сбыта за собственную внутреннюю мотивацию. На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д. На место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт «человек-предприятий», бесчисленных «Я-АО».

КАПИТАЛ ЗНАНИЙ

В отличие от человеческого капитала, капитал знаний — вещь отнюдь не новая. Применение знания в качестве капитала существует так же давно, как и промышленный капитализм. Только раньше это применение происходило в основном через использование «мертвого знания», овеществленного в машинах, приборах и процессах.

Однако сегодня капитализация знаний натывается на новые границы. Всякое формализуемое знание может быть отделено от своего материального и человеческого носителя, практически бесплатно размножено в компьютерной форме и без ограничений используется в универсальных машинах. Чем шире оно распространяется, тем выше его общественная полезность. Напротив, его товарная стоимость по мере распространения падает, стремясь к нулю: оно становится общим достоянием, доступным всякому. Подлинная экономика знаний была бы коммунизмом знаний, в котором обменные и денежные отношения отмирают за ненадобностью.

Поэтому, чтобы знания можно было продавать как товар и использовать как капитал, их нужно приватизировать и держать под замком. В главе II показано, как это трудно, дорого и в конечном счете неосуществимо.

Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. Затраты на их производство зачастую трудно определить, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний. Он может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое. Каждое из них может считаться ни с чем не сопоставимой уникальной ценностью.

Но именно эта несравнимость и была в конечном счете использована капиталом. Целью частных исследований почти всегда бывает обеспечение данной фирме монополии на знания, дающей ей монопольный доход. Размер ожидаемого дохода при этом куда важнее, чем общественная полезность созданного знания. Каждая фирма, вкладывая деньги в дорогостоящие рекламные

кампании и инновации, стремится упредить другие в захвате монопольной позиции. Маркетинг и реклама порождают символические, эстетические и социальные ценности. В соединении с инновационными метаморфозами продукта они оттесняют на задний план уже существующие продукты и создают для фирмы тот рынок, на котором она на краткое время защищена от конкуренции с другими фирмами. Постоянно стремление хоть ненадолго обойти законы рынка. Постоянно стремление превратить «грозящее» изобилие в новые формы дефицита и с этой целью придать товарам несравнимую, неизмеримую, уникальную ценность художественных произведений, не имеющих эквивалента, и потому предлагаемых на продажу по завышенным ценам.

Созданию максимально возможного всеобщего благосостояния предпочитается искусственное создание дефицита, позволяющее оптимально использовать капитал. Создание стоимости и создание богатства все более явно расходятся между собой, однако это не решает основных проблем капитализма, применяющего все меньше труда, распределяющего все меньше платежных средств, страдающего от переизбытка капитала и недостатка платежеспособного спроса, разваливающего несущее его общество, затраты на воспроизведение и структуру которого он пытается сэкономить, приватизируя и/или сокращая государственные службы, образование, медицинское и пенсионное страхование.

ЧТО ТАКОЕ БОГАТСТВО?

Сейчас все более очевидно, что умножение денег в таком контексте не создает богатства, что прирост экономики, основанный на разграблении общественного достояния и ликвидации со-общественной жизни, порождает нищету, а не благосостояние; что понятие «богатство» отделяется от понятия «стоимость товара»

и что вопрос «что такое богатство?» должен быть поставлен заново. Лишь какая-то иная экономика может разбить оковы, налагаемые жаждой к наращиванию стоимости на удовлетворение человеческих потребностей и раскрытие человеческих способностей.

Именно об этом, в сущности, и идет речь в так называемом антиглобалистском движении. В нем громко и ясно выражается сопротивление разрушению общественного достояния, протест против катастрофической «модернизации» пороговых стран, против приватизации как знания, так и его производства. Особенно эффективным и подрывным оказалось участие многочисленных деятелей «Движения за свободное программное обеспечение» и хакеров. Они оказывают сопротивление в важнейшей для капитала области, а именно в области производства, распространения, обобществления и передачи знаний. Это настоящие «диссиденты цифрового капитализма».

Превосходство создаваемого ими программного обеспечения доказывает, что люди наиболее полно раскрывают свой творческий потенциал тогда, когда, освободившись от необходимости увеличения стоимости и конкурентной борьбы, могут в свободном сотрудничестве применять свои знания и способности. В их практике вырисовываются те предпосылки, при которых общественные отношения знаний могли бы стать фундаментом подлинного общества знаний. В отличие от общепринятых концепций, знания выступают у них не в виде овеществленного знания, т.е. как сведения и информация, а в виде общественной деятельности, создающей коммуникативные отношения, свободные от господства и подчинения.

Осознание того факта, что не инструментализация и подчинение, а свободное самораскрытие человека со всеми его незаменимыми особенностями стало основной производительной силой, должно, по идее, открыть путь «в новую эру, требующую новых понятийных, культурных и этических рамок» (Патрик Вивре).

О РОДСТВЕ НАУКИ И КАПИТАЛА

На карту поставлено здесь не только господство, которое прежде имел над людьми капитал посредством машин. На карту поставлена также гегемония господствующего научного мышления — когнитивно-инструментальной рациональности, которая дала технике средства «порабощения и изнасилования» всего сущего (Петер Слотердайк).

Стоит подвергнуть критическому рассмотрению эту инструментализацию всего живого и человеческого, раз уж под вопросом оказалось и самопонимание науки и ее социальное распространение. Если благодаря новому определению понятия «богатство» общество заново определит себя в культурном и экономическом смысле, дух науки также должен будет получить новое определение. Ведь наука с древнейших времен была тесно связана с капиталом. Она пролагала ему путь, выводя за скобки чувственно воспринимаемый мир и интерпретируя действительность как систему, подчиняющуюся голой логике расчета, мыслимую чисто математически. Обесмысленные, электронно управляемые математические мыслительные процессы дали политической экономии иллюзорную возможность преобразовывать общественные отношения посредством вычислительных абстракций. Они создали отрезанный от живого опытного знания, недоступный чувствам системный мир. Человек в нем предстает устарелым, не отвечающим новейшим требованиям, неприкаянным существом. Ему требуются химические и электронные протезы, чтобы справиться с технической окружающей средой. Проекты искусственного интеллекта и искусственной жизни направлены на преодоление биологической ограниченности человека. Первопроходцы искусственного интеллекта — Минский, Моравек, Курцвейль, де Гарис — не скрывают своего презрения к человеческой «плотской машине». Природа, считают они, наделила вид «человек»

способностью отказываться от самого себя в пользу постбиологических форм жизни и разума, и даже с помощью компьютерной обработки раствориться в космосе в виде бессмертного духа.

То, что пишет Мойше Постоун о «форме капитала», можно отнести и к цели наук: «Ей свойственна мечта о внешней безграничности, фантазия свободы как полного освобождения от всякой материальности, от природы. Эта греза капитала становится кошмаром для всего того и для всех тех, от кого капитал пытается освободиться — для нашей планеты и ее обитателей»¹.

Вонон, июль 2004 г.

¹ Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. (Пер. на нем.: Zeit, Arbeit und gesellschaftliche Herrschaft. Eine neue Interpretation der kritischen Theorie von Marx. Fr.i.Br.: ça ira, 2003. S. 576.)

ЗНАНИЕ,
СТОИМОСТЬ
И КАПИТАЛ

К КРИТИКЕ ЭКОНОМИКИ
ЗНАНИЙ

I. Нематериальный труд

1. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Мы живем в переходный период, в котором одновременно существует несколько способов производства. Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала, все быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого главным является использование нематериального капитала. Его называют также «человеческим капиталом», «капиталом знаний» или «интеллектуальным капиталом». Этот переходный период связан с новыми преобразованиями труда. Простой абстрактный труд, со времен Адама Смита трактовавшийся как источник стоимости, сменился трудом более сложным. Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами.

В англоязычных странах говорят о возникновении «knowledge economy» и «knowledge society», в немецкоязычных — о «Wissensgesellschaft», а у французских авторов мы встречаем «capitalisme cognitif» и «société de la connaissance». Уже Маркс считал, что знания (knowledge) должны стать «крупнейшей производительной силой» и важнейшим источником богатства. «Труд в его непосредственной форме», измеримый и оцениваемый количественно, должен перестать быть мерой созданного богатства¹. Богатство должно зависеть в меньшей степени от «рабочего времени и коли-

¹ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin/DDR: Dietz, 1953. S. 593. (Далее цитаты и указанные в тексте номера страниц приводятся по этому изданию.)

чества затраченного труда» и в большей — от «общего состояния науки и прогресса технологии» (с. 592). «Непосредственный труд и его количество [исчезают] как определяющий принцип производства», превращаясь все больше в «хотя и необходимый, но подчиненный момент по сравнению с общим научным трудом» (с. 587). «Процесс производства» уже нельзя понимать как «процесс труда».

Здесь любопытна расплывчатость марксовой терминологии. То он говорит об «общем состоянии науки», то об «общем социальном знании knowledge» (с. 594), то об общем интеллекте (*general intellect*), то об «общих способностях человеческого мозга», то о «художественном, научном и прочем образовании индивида» (с. 593), вызванном «увеличением свободного времени», каковое образование влияет «на производительность труда». Появление свободного времени «для полного развития индивида» может «рассматриваться с точки зрения непосредственного процесса производства как производство постоянного капитала (*capital fixe*). Постоянным капиталом является в этом случае сам человек (*capital fixe being man himself*)» (с. 599). Идея «человеческого капитала» обнаруживается, таким образом, уже в рукописях 1857—1858 гг.

Я указал на расплывчатость марксовой терминологии, потому что современные тексты по экономике и менеджменту пестрят столь же нечеткими формулировками: «нематериальная экономика», «когнитивный капитализм», «знания как важнейшая производительная сила», «наука как движущая сила экономики»... Что в точности подразумевается здесь под знаниями и наукой? Приведем две цитаты, несколько проясняющие дело:

Сегодня источником стоимости являются интеллект и воображение. Живое знание индивида важнее, чем рабочее время машины. Как носитель своего собствен-

ного *капитала*, человек составляет часть капитала предприятия².

В этом примечательном тексте речь идет не о науке и не о научно-техническом знании, а об интеллекте, воображении и живом опытном знании, которые в совокупности и составляют «человеческий капитал». Эта терминология указывает на отход от когнитивизма и слепой веры в науку. Ведь научно-техническое знание принципиально отличается от живого опытного знания. Научно-техническое знание связано с формализованным и объективированным содержанием, которое по определению не может быть собственностью отдельного человека. Одно дело «знать» грамматические правила, а совсем другое — обладать «знанием», позволяющим говорить на языке. Чтобы уметь говорить, нужно отказаться от когнитивного подхода к языку. Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта покрывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая сюда и способность связывать новое с уже наличным опытным знанием. Поэтому выражение «интеллектуальное общество» — наиболее адекватный перевод английского «knowledge society».

А теперь вторая цитата. Это выдержка из текста неопубликованного выступления Норберта Бензеля, начальника отдела кадров в концерне DaimlerChrysler:

Сотрудники составляют часть капитала предприятия... Их мотивация и ноу-хау, гибкость, способность к новаторству и ориентация на клиентов — это сырье, из которого создаются новые продукты в виде услуг. Достижения отдельного работника все чаще измеряются не присутствием на предприятии, а достигнутыми целями и

² Centre des jeunes dirigeants, *L'entreprise au XXIe siècle*. P.: Flammarion, 1996. (Курсив мой. — *Авт.*)

качеством результатов. А поскольку при оказании услуг значительную роль играет компонент поведения, мы все больше учитываем в наших оценках также социальную и эмоциональную компетентность сотрудника³.

Бросается в глаза, что речь не идет ни о знаниях, ни о профессиональной квалификации. Для «сотрудников» одного из крупнейших мировых концернов важнейшими качествами оказываются поведение, развитие речи и воображения, а также самоотдача при решении поставленных задач. Все эти качества и способности присущи обычно тем, кто занят индивидуальными услугами и нематериальным трудом, не поддающимся количественному измерению, складированию, формализации и тем более овеществлению.

2. ТРУД — ЭТО РАБОТА НАД САМИМ СОБОЙ, САМОСОЗДАНИЕ

Информатизация промышленного производства все чаще превращает материальный производительный труд в управление непрерывными потоками информации. Пользователь должен быть постоянно сосредоточен на управлении этими потоками, проявляя внимательность и инициативность, которых от него невозможно потребовать приказом или инструкцией. Он должен сделать субъектом своего труда самого себя, т.е. обеспечить производство самого себя, постоянное самосоздание. Коммуникация и кооперация между пользователями принадлежат к самой сути такого труда. «Результаты обусловлены прежде всего системой и зависят от отношений между индивидами, — пишет

³ Bensel N. «Arbeitszeit, Weiterbildung Lebenszeit. Neue Konzepte». Выступление на Международном конгрессе «Gut zu Wissen. Links zur Wissensgesellschaft», организованном фондом Генриха Бёлля, Берлин, 4—6 мая 2001 г. См. публикацию материалов этого конгресса под тем же названием: A. Poltermann (Hg.). Münster: Westfälisches Dampfboot, 2002.

Пьер Вельтц. — Решающую роль играет не общее количество труда, затраченное индивидами, а качество и релевантность коммуникации, происходящей в рамках производственной системы»⁴. Труд уже невозможно измерить заранее заданными мерилami и нормами. «Сейчас уже нет возможности объективно определить задачу и оценить результат по отношению к поставленной задаче. Результат зависит непосредственно от людей». Для его достижения от людей требуется самоотдача. На жаргоне менеджеров это называется «мотивация». Поскольку способ, которым нужно выполнять задание, не поддается формализации, его нельзя и предписать. Напротив, теперь предписывается субъективность, т.е. как раз то, что пользователь может произвести не иначе, как «вкладывая себя» в задание⁵, вкладывая те качества, которых невозможно добиться по приказу: рассудительность, умение справляться с непредвиденными ситуациями, распознавать и решать проблемы. «Затраченное на труд время уже не может считаться мерилom созданной стоимости. Самой важной оказывается теперь способность к координации»⁶.

Поскольку невозможно измерить произведенную индивидом работу и предписать средства и методы, ведущие к запланированному результату, руководители предприятий прибегают к «руководству посредством целей»: они «ставят перед сотрудниками цели, причем последним предоставляется самим решать, как

⁴ Veltz P. La nouvelle révolution industrielle // Revue de MAUSS. 2001. No 18 (спец. номер «Travailler est-il (bien) naturel?»). P. 67.

⁵ Cp. Lazzarato M. Le concept du travail immatériel: la grande industrie // Futur intérieur. 1992. No. 10. (Пер. с нем.: Immaterialle Arbeit. Gesellschaftliche Tätigkeit unter den Bedingungen des Postfordismus / Hg. Th. Atzert // Umherschweifende Produzenten. Immaterielle Arbeit und Subversion. Berlin: ID Verlag, 1998.)

⁶ Veltz P. La nouvelle... P. 68.

этих целей достичь. Работа снова становится службой»⁷ (*servitium, obsequium*), какая причиталась сюзерену от вассалов до начала Нового времени⁸.

Эти примеры помогают понять высказывания начальника отдела кадров у DaimlerChrysler. Оказание услуг и нематериальный труд становятся господствующими видами труда, а материальный труд, напротив, оттесняется на обочину производственного процесса или просто перемещается в страны с более дешевой рабочей силой. И хотя без этого труда по-прежнему не обойдешься, а в количественном отношении он продолжает составлять львиную долю, он, тем не менее, становится «подчиненным моментом» производственного процесса. Сердцевиной создания стоимости становится нематериальный труд.

Нам важно было показать, что этот нематериальный труд в принципе базируется не на научно-технических знаниях исполнителей, а, скорее, на их способности общаться и кооперироваться с другими — способности, относящейся к обиходной культуре и не являющейся предметом обучения. В этом и состоит самое большое различие между работниками мануфактур или заводов, управлявшихся по тэйлоровской системе, и работниками эпохи постфордизма. Первые должны

⁷ Veltz P. La nouvelle... P. 69.

⁸ Великолепный пример управления посредством постановки целей в широком масштабе подала дирекция Volkswagen. Она внесла предложение не выводить за границу новый филиал с 5000 работников, если профсоюзы откажутся для этого филиала от принятой в Вольфсбурге тарификации. Вместо действовавшей в Вольфсбурге 28,8-часовой рабочей недели дирекция предложила работникам месячную зарплату в 5000 немецких марок (2,5 тыс. евро) за заданный месячный объем продукции. Если производство не достигало заданного объема, зарплаты снижались, если объем перекрывался, то вручались премии. Разумеется, рабочее время не было нормировано. Осенью 2002 г. профсоюз наконец согласился на эту модель, которая означала конец сплошной тарификации.

были отбросить свою повседневную культуру, умения и навыки, чтобы подчиниться отупляющему, оболванивающему разделению труда с его бесконечным повторением одной операции. Об этом много написано, в особенности у Адама Фергюсона и Эндрю Юра, на которых опирается Маркс в «Капитале»⁹. В 1950–1970-х годах эта борьба с общечеловеческой компетенцией, в особенности у сельскохозяйственных рабочих, повторилась посредством дисциплинарных мер почти тюремной строгости. Нужно было добиться, чтобы работник без вопросов, с регулярностью автомата, подчинялся требованиям промышленных агрегатов, задававших скорость и ритм производимых им однообразных действий.

С точностью до наоборот работники эпохи постфордизма должны привносить в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, занятиях командными видами спорта и музыкой, соревнованиях, дискуссиях, театральной и прочей самодеятельности и т.п. Во всех этих видах нерабочей деятельности они развивают в себе жизнь ума, способность к импровизации и кооперации, столь ценимые в постфордистских фирмах. Ян Мулье-Бутан называет такое «включение коллективного труда в категорию капитала, причем коллективного труда как живого труда, а не как мощи науки и машин» эксплуатацией второй степени. «Работник предстает уже не просто обладателем своей привнесенной извне рабочей силы (т.е. умений, которые определил за него работодатель), а *продуктом самопроизводства, продолжающим трудиться над самосозданием*»¹⁰.

К похожему выводу приходят также Мюриэль Комб и Бернар Асп: «Сегодня уже не отдельные трудящиеся

⁹ Ср. Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 12, 13.

¹⁰ Moulier-Boutang Y. La troisième transition du capitalisme / Éd. Ch. Azaïs, A. Corsani, P. Dieuaide // Vers un capitalisme cognitif. P.: L'Harmattan. 2000. (Курсив мой. — Авт.)

усваивают себе “культуру предприятия”, а, напротив, предприятия отыскивают во “внешнем мире”, т.е. в обиходной человеческой культуре, нужные им умения и способности»¹¹.

То, что предприятия рассматривают как «свой» человеческий капитал — на самом деле бесплатный ресурс, внешняя данность, которая возникла сама собой и продолжает производить самое себя. Фирмы лишь улавливают эту способность самосоздания и направляют ее в нужное им русло. Разумеется, этот человеческий капитал не чисто индивидуален. Самосоздание не возникает на пустом месте. Оно развивается на основе общей культуры и общего знания, распространяемых в процессе первичной социализации. Родители и воспитатели, школа и последующее образование участвуют в создании «общего интеллекта» (*general intellect*), они делают доступным и знание, и информацию, а также умение объяснить, понять, найти общий язык с другим, из чего и состоит бытовая культура. Однако индивид должен сам усвоить эту культуру и сообразоваться с ней. Общество и его составляющие не могут производить самостоятельных субъектов. Они могут лишь создавать и воспроизводить рамки, в которых субъекты в ходе социализации производят самих себя, используя язык и жесты, образцы понимания и модели поведения, принятые в их культуре и обществе. Никакая институция не может за индивида выполнить работу обучения, овладения навыками и становления. Субъект никогда не задан социально, он, пользуясь выражением Мориса Мерло-Понти относительно сознания, — существо, которое задает само себя и которое должно сделаться тем, что оно есть. Никто не может ни освободить его от этой обязанности, ни принудить к ней.

В следующей главе мы вернемся к этому подробнее. Знания, ставшие важнейшим источником созда-

¹¹ *Combes M., Aspe B. Revenu garanti et biopolitique // Alice. 1998. No. 1.*

ния стоимости, — это, прежде всего, живые знания на основе новаторства, коммуникации и постоянно заново импровизируемой самоорганизации. Живой труд по производству знаний не порождает ничего ощутимо материального. Это, особенно в сетевой экономике, — труд субъекта, производящего самого себя как деятельность. Каждый пользователь в сетевом труде постоянно соотнобразуется с другими, и вводимые им данные запускают процесс, в котором общий результат индивидуально введенных данных намного превосходит их сумму. Пьер Леви уподобляет возникающий таким образом коллективный интеллект «импровизированному полифоническому хору»¹², т.е. такой деятельности, которая приспосабливается к деятельности других, превосходит, питает ее и при этом порождает общий результат, превышающий индивидуальные возможности участников.

Перед нами отличный пример так называемых положительных внешних эффектов (экстерналий), т.е. коллективных результатов, которые возникают из взаимодействия индивидов и оказывают на это взаимодействие обратное положительное влияние. Положительные экстерналии всегда являются общепользовательными, приносят пользу каждому из индивидов; предприятие не может производить их по заранее намеченному плану, их нельзя ни купить за деньги, ни превратить в частную собственность. Общее живое знание и бытовая культура относятся к таким положительным экстерналиям¹³. Парадигма импровизирующего полифонического хора особенно хорошо приложима к виртуальным интернет-сообществам,

¹² Lévy P. *L'intelligence collective*. P.: La Découverte. 1997. P. 75f.

¹³ В прошлом говорили в основном об отрицательных экстерналиях, т.е. об отрицательных коллективных эффектах действий отдельных индивидов, таких как пробки на дорогах, разрушение окружающей среды, эрозия почвы, болезни цивилизации, обвалы на бирже и проч.

но является, по крайней мере потенциально, моделью для любой интерактивной сетевой работы. Разделение труда на специализированные и иерархические задачи потенциально устранено, и становится возможным овладение и самоуправление средствами производства со стороны самих производителей. Таким образом, потенциально отменяется и различие между работниками и овеществленным трудом, а также между овеществленным трудом и его продуктом. Ведь средства производства допускают присвоение и могут стать общественным достоянием. Компьютер предстает универсальным и общедоступным орудием, благодаря которому всякое знание и всякая деятельность в принципе могут попадать в пользование общественности. Как раз этот свободный доступ и это обобществление являются одновременно целью и практикой таких анархо-коммунистических сообществ, как «Движение за свободное программное обеспечение» и «свободный Интернет». Невольно вспоминается следующий пассаж из «Немецкой идеологии»:

Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самостоятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. [...] При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе¹⁴.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 68.

В конце этого рассуждения Маркс определяет коммунизм как «устранение труда», который «потерял всякую видимость самодеятельности» и при котором индивиды, «лишенные всякого подлинного содержания жизни», стали «абстрактными индивидами».

3. «ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ»

Растущее значение живого знания вызвало глубочайшие изменения в характере труда. Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности и мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время. Комб и Аспе пишут по этому поводу:

В этом смысле можно говорить о «тотальной мобилизации» способностей и склонностей, включая чувства и эмоции [...]. Отныне мы уже не знаем, когда мы находимся вне работы и чего от нас работа может потребовать. В предельном случае уже не субъект присваивает себе труд, а труд присваивает себе субъекта [...]. Какой бы жалкой и бессмысленной ни была деятельность, какими бы презренными и достойными осмеяния ни были ее цели, она заявляет претензии на интеллектуальную и эмоциональную энергию индивида, на его виртуозность, на то, что в его собственных глазах составляет его ценность. Однако если на работе мы проявляем свою художественную виртуозность, мы уже не можем саботировать эту работу, не вызывая презрения у самих себя и окружающих. Как может при этих условиях функционировать экономика нематериального, не подчиняя индивидов новой форме добровольного рабства? Как нам избежать того, чтобы вкладывать свое достоинство в недостойную работу?¹⁵

Во всяком случае, сейчас все крупные фирмы знают, что в рамках отношений найма не приходится

¹⁵ *Combes M., Aspe B. Revenu...*

ожидать от работников полной идентификации со своей задачей. Уже сам факт, что наем — это договор между двумя сторонами, свидетельствует о том, что эти две стороны различны, как различны и их интересы. В договоре найма скрыты потенции эмансипации, поскольку он ограничивает права работодателя и сводит обязанности наемного работника к выполнению определенной задачи. Тем самым проводится граница между сферами работы и личной, частной жизни.

Поэтому крупные фирмы стремятся превратить отношения трудового найма в отношения участия, предлагая незаменимым работникам фондовые опционы, т.е. участие в капитале и прибылях фирмы. Однако это решение имеет лишь ограниченный эффект. Чем больше труд апеллирует к дарованиям сотрудника, к его способности продуцировать самого себя, к тому, что создает «его ценность в его собственных глазах», тем больше эти способности стремятся выйти за рамки реализации лишь в пределах поставленной задачи. Работник будет постоянно стремиться доказать себе, что он стоит больше того, что делает на работе. Он захочет проявить свои умения во внерабочей или побочной рабочей деятельности, которая может считаться самоцелью. Так, журналисты пишут книги, рисовальщики из рекламных агентств — картины, а компьютерщики проявляют свою виртуозность как хакеры и создатели свободного программного обеспечения. Им важно спасти свою честь и не продать «свою душу». Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотальной утилизации, «работники нематериального труда» начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе. Ален Лебоб сформулировал эту ситуацию так: «Самые блестящие выпускники университетов отказываются работать с полной отдачей. Они делают то, что от них требует-

ся, однако свою душу хранят для себя и довольствуются тем, чтобы производить ожидаемое хорошее впечатление»¹⁶.

4. ПОЯВЛЕНИЕ САМОПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Окончательное включение самосоздания в разряд капитала натывается на преодолимую границу до тех пор, пока сохраняется различие между индивидом и предприятием и пока рабочая сила может сопротивляться своей полной мобилизации на нужды предприятия. Стоит указать на эту границу, чтобы тут же увидеть и возможность ее устранения: нужно лишь устранить различие между субъектом и предприятием, между рабочей силой и капиталом. Личность должна стать предприятием для самой себя, она должна сама рассматривать себя как рабочую силу, как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства, модернизации, расширения и утилизации. Она уже не подчинена внешнему принуждению, напротив, она превратилась в собственного производителя, работодателя и продавца, и вынуждена возложить и принять на себя все принуждение, необходимое для выживания и конкурентоспособности предприятия, которым является. Короче говоря, нужно устранить отношение наемного труда.

Именно об этом и шла речь в выступлении Норберта Бензеля, назвавшего сотрудников завода «предпринимателями». Они предприниматели не только потому, что стремятся к намеченным результатам, но и, прежде всего, потому, что сами управляют своей рабочей силой, выступающей как их постоянный капитал, независимо от занимаемого ими места в иерархии. Отношение найма должно исчезнуть, заявляли в начале 1990-х годов Чарльз Хэнди и Уильям Бриджес. Должны остаться лишь индивидуальные предприниматели, ока-

¹⁶ *Lebaube A. Premier travail // Le Monde/Initiative. 22 января 1992 г.*

зывающие индивидуальные услуги. Каждый работающий человек должен сам отвечать как за свое здоровье, свою мобильность, свою способность приноравливаться к меняющимся местам работы, так и за повышение уровня своих знаний. Люди должны управлять всей своей жизнью как человеческим капиталом, постоянно инвестировать в него средства, например на курсы повышения квалификации, и понимать, что продажная цена их рабочей силы зависит от того бесплатного, невидимого и добровольного труда, посредством которого они все время заново производят самих себя.

Крупная фирма сохранит теперь лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем. Остальную часть «своего» персонала — в 100 крупнейших американских фирмах она доходит до 90% — составит сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью, по видимости самостоятельных, и при этом высококвалифицированных специалистов. Держа таким образом большую часть рабочей силы на расстоянии, фирма может сэкономить часть производственных затрат. Расходы на повышение квалификации, медицинское и пенсионное страхование внешние сотрудники должны частично или полностью оплачивать сами. Фирма покупает их услуги, обговаривая цену, действительную только для данного сотрудника и разжигает тем самым конкуренцию между исполнителями. Работодатель обеспечивает себе возможность значительно изменять требуемый от сотрудников объем работы, не заботясь о законном рабочем времени и не затрудняясь увольнениями, набором новых сотрудников и компенсациями.

Будущее принадлежит самопредпринимателям. Их процент среди трудящегося населения стремительно растет в Великобритании, Италии и Швеции. Исследовательский фонд Немецкого объединения профсоюзов (DBG) предлагает объединить самопредпринимателей в организации, сходные с профессиональными

союзами или союзами работодателей¹⁷, чтобы дать им возможность отстаивать свои тарифы.

5. ЖИЗНЬ — ЭТО БИЗНЕС

Такое самопредпринимательство ведет к тому, что человек целиком и вся его жизнь превращаются в работу, сбываются на рынке. Жизнь становится «самым дорогим капиталом». Граница между частной жизнью и работой размывается, причем не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требуют одних и тех же умений, а потому, что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости. Всякая деятельность должна допускать превращение в бизнес и, как пишет Доминик Меда, «отношение к самому себе и к другим мыслится исключительно в модусе денег»¹⁸. По словам Томаса Аклемайера:

На фоне проникновения неолиберальной утопии даже в массовую культуру [...] уже не только люди на руководящих постах оказываются перед требованием превратить свою жизнь в предприятие («Я-АО»). [...] Приставка «само-» становится важнейшим требованием к новой основной форме рабочей силы: самоуправление, самоорганизация, самостоятельная ответственность, самоэкономизация, самоинтеграция и т.д., все это в сочетании с активным самосбытом посредством перформативных стратегий саморекламы¹⁹.

Самопродажа и даже самоотчуждение красноречиво воспеваются Пьером Леви:

¹⁷ Cp. *Wege in eine nachhaltige Zukunft*. Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, 2000.

¹⁸ *Méda D. Qu'est-ce que la richesse?* P.: Aubier, 1999. P. 136. С. 129–139 — отличное критическое резюме основных английских теорий всеобщего самопредпринимательства.

¹⁹ *Aklemeyer Th. Der Sport, die Sorge um den Körper und die Suche nach Erlebnissen // Berliner Debatte Initial*. 2003. B. 14. No. 4/5.

В будущем все будут торговать. [...] Все уже непрерывно заняты превращением всех сторон жизни в бизнес: секс, брак, зачатие, здоровье, красота, идентичность, познания, отношения, идеи [...]. Мы уже не можем точно сказать, когда мы работаем, а когда нет. Мы постоянно заняты проворачиванием разнообразных сделок [...]. Даже наемные работники становятся индивидуальными предпринимателями, управляющими своей карьерой, как маленькой фабрикой [...], постоянно готовые приспособиться к новейшим тенденциям. Человек становится фабрикой [...]. Ни семья, ни нация не могут устоять перед этим развитием²⁰.

Самопродажа распространяется на все области жизни, все измеряется в деньгах. Логика капитала, жизни, превратившейся в капитал, подчиняет себе все сферы деятельности, в том числе и те, в которых самосоздание изначально было бесцельным проявлением энергии, порождающим наилучшее развитие человеческих способностей. Вот как Пьер Леви пропагандирует тотальное подчинение самосоздания категориям рынка: «Наиболее полное “развитие личности” имеет следствием большую эмоциональную устойчивость и контактность, а также лучший контроль за интеллектом, из которых следуют и лучшие экономические результаты»²¹.

По крайней мере, так видят будущее труда неолбералы: устранение наемного труда, ставшее общим правилом «самопредпринимательство», превращение всего человека и всей жизни в капитал, с которым каждый полностью себя идентифицирует.

Это видение игнорирует не только ненадежность существования, прерывность, временность, риск, которые на современном этапе будут сопровождать всякую трудовую деятельность, и наемную, и так называемую самостоятельную. Оно умалчивает о том, что самостоя-

²⁰ Lévy P. *World Philosophie*. P.: Odile Jacob, 2000. P. 84–86.

²¹ Lévy. *Ibidem*.

тельные трудящиеся в большинстве случаев зависят от одного-единственного или от очень немногих крупных концернов, а эти концерны заставляют их чередовать периоды гиперактивности с периодами безработицы. Оно молчит и о том, что частные клиенты, которым самостоятельные труженики продают свои услуги, сами подвержены всякого рода риску и очень редко обладают постоянной платежеспособностью.

Однако дело даже не в этом. Главной аксиомой либеральных защитников общества без наемного труда является утверждение, что вместе с отношением найма исчезнет и безработица. Если кто-то и окажется безработным, то только по причине недостаточной продаваемости своих знаний, недостаточной «нанимаемости». Такие люди сами должны позаботиться об улучшении своего положения. Для этого служат тайм-ауты, паузы и перерывы в трудовой деятельности, а также все увеличивающееся «свободное время». Workfare^{22(★)} в ее блэровском варианте, распространившаяся постепенно и на другие страны, отменяет пособие по безработице, превращая его в «пособие на поиск работы», причем под поиском работы понимается самая что ни на есть обязательная и усердная работа. При этом подразумевается, что безработный обязан приобрести знания, более востребованные на рынке, чем те, которыми он уже обладает. Самосоздание становится таким же «job», как любая другая работа.

Тотальная мобилизация личности как «человека-работника» поощряется, таким образом, и на государственном уровне. Однако успехи этой политики в борьбе с безработицей, ненадежностью существования и прерывностью трудовой занятости остаются весьма скромными. И это неудивительно: ведь глав-

^{22(★)} Система социальной помощи, выплачиваемой безработным только в том случае, если они нанимаются на любую (пусть крайне низко оплачиваемую) работу. — Здесь и далее звездочкой отмечены примечания переводчика и редактора.

ная ее цель — усилить господство капитала над трудящимся населением и внушить людям, что они сами виноваты в том, что остались без работы, более того, что рабочее место нужно им самим для самоуважения, однако они просто не умеют его заслужить.

Однако не все позволяют заморочить себе голову. Мощное давление, оказываемое властью имущими на трудящееся население с целью сохранить фикцию сохраняющегося общества труда, в котором «кто не работает, тот не ест», вызывает сопротивление и обратную реакцию. С 1995 г. удивительно быстро распространяется требование достаточного и не обставленного никакими условиями «пособия на существование»^{23(★)}. Оно должно не только помочь всем справиться с прерывностью, ненадежностью, разнообразными паузами в трудовой занятости, но и позволить людям формы самодетальности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях.

6. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ПОСОБИЯ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

На самом деле параллельно существуют две концепции пособия на существование, причем иногда даже у одних и тех же авторов. Некоторые видят в нем способ спасти жизнь от товарных отношений и тотального превращения себя в стоимость. Другие, наоборот, понимают его как необходимую компенсацию за нерабочее время, которое, будучи временем на самосоздание, значительно повышает производительность труда. Эта вторая концепция содержит, надо сказать, опасную ловушку. Поскольку она исходит из того, что капиталистический процесс производства получает пользу от всех способностей, профессиональных знаний и ре-

^{23(★)} Имеется в виду гарантированное всем гражданам безусловное прожиточное пособие, или гарантированный социальный минимум, или биодоход.

сурсов, которые человек приобретает в течение своей жизни, она рассматривает жизнь в целом как производство постоянного человеческого капитала. Таким образом, вся деятельность человека, направленная на производство самого себя, сводится к экономическим целям. Поскольку все люди вносят свой вклад в общественное производство уже тем, что живут в данном обществе, они заслуживают, чтобы этот их вклад был оплачен пособием на существование.

Эта концепция не просто учитывает факт тотального использования человека в трудовом процессе, она этот факт легитимирует. Ведь если пособие на существование «оплачивает» невидимый труд как источник производительности видимого труда, то общество вправе требовать, чтобы этот незримый труд действительно как можно эффективнее способствовал увеличению продукта. Тем самым мы остаемся на уровне трудовой ценности и продуктивизма. За капиталом признается право требовать, чтобы люди развивали свои способности именно так, как это непосредственно выгодно предприятию, и чтобы — как предписывается, в частности, «Договором о мультиактивности»²⁴ в докладе Буассона — капитал имел право это развитие контролировать.

Пособие на существование приобретает смысл «покушения на ценность труда» (Комб и Асп) только в том случае, если оно ничего не оплачивает и ничего не требует. Только в этом случае его функция — ограничивать сферу создания экономической стоимости и позволять расширение видов деятельности, не по-

²⁴ См.: Commissariat général du Plan // Le travail dans 20 ans. P.: La Documentation française, 1995. Вице-президент Французской ассоциации работодателей (Medef) Дени Кеслер в ходе телевизионной дискуссии выразил удивление, что «предприниматели должны финансировать философские, социологические и психологические исследования, в то время как на предприятиях не хватает непосредственно пригодных к использованию кадров».

рождающих ничего, что можно купить, продать или обменять на другой товар, т.е. ничего, что имело бы (в экономическом смысле) стоимость.

Пособие на существование должно избавить самосоздание от экономического принуждения и облегчить развитие личности вне сферы продуктивной для капитала целесообразности. Только способности, развитие которых является самоцелью, только культура, которую невозможно описать в терминах пользы, позволяют обществу поставить под вопрос происходящие в нем изменения и вопрошать об их смысле.

В наступающей экономике знаний основной конфликт состоит в антитезе между полной инструментализацией всех человеческих способностей, с одной стороны, и «абсолютной разработкой творческих способностей человека как таковых, без сравнения с заранее заданным масштабом»²⁵, с другой. На карте стоит не больше не меньше, как право всех на неограниченный свободный доступ к не являющимся ничьей собственностью коммуникативным формам распространения знаний и культуры.

²⁵ *Marx K. Grundrisse...*, S. 387.

II. «Нематериальный капитал»

1. КРИЗИС ПОНЯТИЯ «СТОИМОСТИ»

Выражение «экономика знаний», если только это не чистая метафора, означает фундаментальные изменения экономической системы. Оно указывает на то, что знания стали основной производительной силой. Следовательно, основные продукты общественной деятельности — уже не кристаллизованный труд, а кристаллизованные знания. Кроме того, оно означает, что меновая стоимость материальных и нематериальных товаров зависит в конечном счете не от количества содержащегося в них совокупного общественного труда, а в первую очередь, от содержания в них знаний, информации и интеллекта. Уже не измеримый единой мерой абстрактный общественный труд, а содержание знаний становится важнейшей общественной субстанцией всех товаров, основным источником стоимости и прибыли, а следовательно, по мнению многих авторов, основной формой труда и капитала.

Знания, какими бы они ни были, не могут, в отличие от совокупного общественного труда, быть переведены в абстрактные единицы и измерены с их помощью. Они не сводятся к определенному количеству абстрактного труда как его результат, продукт или эквивалент. Понятие знаний охватывает широкий спектр самых разнородных способностей, не измеримых общей мерой. Таковы рассудительность, интуиция, художественные способности, образованность, обучаемость и умение приспособиться к неожиданным ситуациям. Эти способности, в свою очередь, требуют разнообразных знаний, талантов и навыков.

Разнородность так называемой когнитивной трудовой деятельности и ее продуктов, а также обуславливающих ее форм знания, делает величину и соотношение стоимости товаров в значительной мере непредсказуемыми. В таблицах расценок на труд полно противоречий. Унифицировать и стандартизировать все параметры труда невозможно. Это видно по безуспешным попыткам пересчитать их качественное измерение в количественное или провести мелочное нормирование до секунды, не способное учесть требуемое «коммуникативное» качество оказываемой услуги.

Невозможность измерить труд ведет к невозможности измерить стоимость. Когда общественно необходимое время на производство продукта неопределимо, это неизбежно влияет и на меновую стоимость продукта. Все более качественный и все менее измеримый характер труда ставит под вопрос релевантность понятий «прибавочный труд» и «прибавочная стоимость». Кризис измерения стоимости заставляет пересмотреть саму сущность этой категории, а тем самым и систему эквивалентностей, на которых основывается товарный обмен.

В экономическом смысле «стоимость» по-прежнему означает меновую стоимость одного товара по отношению к другим. Она относительна по своей сути и отвечает на вопрос не «что это за стоимость?», а «сколько это стоит?». «Стоимость» обозначает различные количества различных товаров, за которые можно выменять определенное количество какого-то определенного товара, т.е. отношение эквивалентности. Она превращает каждый товар в нечто, что можно обменять на все остальные товары в пропорциях, определяемых отношением эквивалентности.

Само отношение эквивалентности выражается в единицах особого товара, служащего мерилем денег. Стоимость денег, как и прочих товаров, — всего лишь меновая стоимость, т.е. их так называемая «покупательная способность». Таким же образом стоимость

товара «рабочая сила» равна стоимости товаров, на которые трудящийся может ее обменять, т.е. «покупательной способности» оплаты, которую он получает за реализацию своей рабочей силы¹.

Понятие стоимости в экономическом смысле как меновой стоимости применимо лишь к товарам — к предметам и услугам, произведенным с расчетом на обмен. То, что не произведено человеческим трудом, и тем более то, что не может быть произведено или обменено, а также не предназначено для обмена, — не имеет экономической стоимости. Это касается, например, природных ресурсов, которые нельзя ни произвести, ни сделать собственностью, ни «оценить». В принципе это верно также для всеобщего достояния (например, культурного наследия), которое не может быть ни распределено между собственниками, ни обменено на что-то другое. Конечно, можно завладеть природными ресурсами или общественным культурным достоянием. Достаточно приватизировать возможности доступа к нему, чтобы заявить свои права на этот доступ. В таком случае общественное достояние превращается в псевдотовар, обеспечивающий доход продавцам от доступа к нему. Мы еще увидим, что контроль над доступом

¹ Я не стану здесь вдаваться в тонкости теории стоимости и оставляю в стороне вопрос о ее сущности. Меня занимает в данном случае исключительно вопрос величины стоимости, в котором стоимость проявляется как общественное отношение. Для экономики не существует стоимости, не имеющей величины. Стоимость в экономическом смысле — это всегда стоимость товаров. Она реализуется лишь тогда, когда товар находит себе на рынке покупателя. В «Капитале» Маркс указывает, что «как общественная реальность, стоимость товара может проявиться только в общественном отношении одного товара к другому». «Стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т.е. в другом товаре» (Т. 1. С. 56, 58). Стоимость всегда выражается в отношении эквивалентности различных товаров, т.е. как величина стоимости.

является основным способом превращения нематериальных предметов в псевдокапитал.

Эти предварительные замечания дают нам возможность перейти теперь к вопросу о «стоимости» живого знания и знаний формальных. Живое знание — существенный компонент культурного наследия. Оно охватывает повседневные навыки и умения, на основе которых выстраиваются профессиональные, имеющие стоимость компетенции, представляющие из себя так называемый человеческий капитал работников.

В отличие от живого знания, научно-технические знания поддаются формализации. Эти знания можно отделить от их живого носителя, распределить и передать во всеобщее пользование. Кроме того, они создаются во «всеобщем общении» (Маркс), посредством взаимодействия и коммуникации между исследователями, учеными и техническими исполнителями. Еще Томас Джефферсон говорил, что это знание не предназначено для того, чтобы быть частной собственностью.

Кроме того, его рыночный сбыт наталкивается на следующее препятствие: формализованные знания невозможно свести к общеизмеримой общественной субстанции стоимости, без чего нельзя определить для них отношение эквивалентности. Невозможно представить себе рынок формальных знаний, на котором они продавались бы по меновой стоимости. Поскольку их невозможно измерить в величинах стоимости, оценка их представляет такие же сложности, как и оценка произведений искусства.

Невозможность выразить формализованное знание в абстрактных единицах стоимости вынуждает капитализм знаний к фиктивной и чисто умозрительной оценке «капитала знаний». Ведь он в принципе не может обращаться со знанием иначе, чем как если бы оно было капиталом. Он не может отказаться от того, чтобы оценивать, подсчитывать и присваивать эту производительную силу, которая, однако, не сводится к категориям политической экономии. Поэтому

для капитала чрезвычайно важно «капитализировать» знание, чтобы оно отвечало важнейшим условиям существования и функционирования капитала *как капитала*, а именно: знание должно экономить больше труда, чем стоило его приобретение; труд его реализации должен контролироваться капиталом; оно должно стать исключительной собственностью фирмы, которая реализует его в своих материальных или нематериальных товарах.

Но прежде чем разобраться, как именно формализуемые знания и живое знание могут функционировать в качестве нематериального капитала, нам нужно точнее определить различие между тем и другим.

2. ЖИВОЕ ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ

Живое знание — это, прежде всего, практическое умение, способность, не обязательно включающая в себя формализуемые и систематизируемые знания. Большая часть живого знания, основанного на сноровке, смекалке, навыках, никак не может быть формализована. Его нельзя преподать, ему обучаются на практике, так сказать, в школе жизни. Оно возникает благодаря способности субъекта работать над собой и создавать самого себя и распространяется таким же образом. Это относится как к спорту, так и к ручным умениям и искусствам. При настоящем овладении подобное знание так входит в плоть и кровь человека, что он не может вспомнить, как мог когда-то этого не уметь.

То же относится к неписаным законам социальной деятельности и человеческих отношений. Здесь применяются неписанные правила обихода, не требующие осознания и формализации и подобные в этом грамматическим правилам языка. Всякая разумная педагогика должна учитывать, что путь от знания, умения, навыка к познанию имплицитных законов, правил и приемов намного короче, чем обратный путь. Напри-

мер, тот, кто станет учиться языку, изучая грамматику, должен пройти долгий путь, прежде чем сможет говорить на этом языке. Напротив, тот, кто практически говорит на языке, без труда может выучить грамматические правила, задав себе вопрос, как функционирует тот язык, на котором он умеет говорить, не зная правил.

Культура тем богаче, чем с большей легкостью общее знание, из которого она соткана, способно интегрировать новые научно-технические открытия и превращать их в живое опытное знание. И напротив, культура тем беднее, чем в большей степени общество превращает общее знание в формализуемые и систематизируемые познания. Во второй половине XX в. большая и все растущая часть обиходного знания — того, которое Иван Иллич назвал «народным», — была превращена в соответствующие юридическим нормам профессионализированные знания с целью превратить их в поддающиеся тарификации услуги. Рост профессионализации дисквалифицировал навыки и отношения, основанные на обиходном знании, и заменил их профессиональным трудом с его товарными свойствами.

Однако профессионализация не справляется с тем, чтобы превратить все применяемые специалистами формы знаний в формальные сведения и приемы, соответствующие юридическим нормам. Довольно значительный остаток не поддается формализации. Продукт профессионального труда остается отмеченным личностью производшего его работника постольку, поскольку результат труда не сводится целиком к выученным и формализуемым познаниям. На самом деле этот результат — реализация знаний в той единственной форме, в которой их можно объективировать, т.е. как действие, в котором эти знания проявляются. Производство подобных действий с необходимостью включает в себя компонент самосоздания и самоотдачи. Это совершенно очевидно в профессиях, где ра-

бота связана непосредственно с людьми (образование, уход, помощь), а также в художественных сферах, таких как мода, дизайн и реклама.

Следовательно, стоимость труда тем труднее измерить, чем выраженнее в нем компонент самоосуществления и самоотдачи, т.е. чем сильнее несравнимый личный характер произведенного труда придает ему особую стоимость, выходящую за рамки обычной меновой стоимости. Крайний случай, когда личное ноу-хау превышает норму профессиональной компетентности и предстает уже искусством, а тот, кто эту работу производит, — виртуозом. Его имя оказывается сравнимым с маркой или торговым знаком. Поскольку его достижения не поддаются измерению и сравнению, они становятся источником монопольных доходов.

Формы общего знания, активизируемые в нематериальном труде, существуют лишь в живой практике и благодаря ей. Они не были приобретены или созданы в расчете на их применение в определенной работе. Их нельзя ни отделить от производящих работу членов общества, ни измерить в денежном эквиваленте, ни купить, ни продать. Они возникают из обиходного опыта общественной жизни и не могут быть приравнены к постоянному капиталу. Кристиан Марацци говорит по этому поводу в своей новаторской работе о «новом постоянном капитале, у которого отсутствуют традиционные признаки. Его нельзя присвоить, он неделим, не поддается количественному измерению и локализации. Другими словами, новый постоянный капитал состоит из всей совокупности общественных и личных отношений, из тех способов, которыми производится и воспринимается информация, которая сперва должна скопиться в рабочей силе, чтобы ее можно было затем активизировать в ходе производственного процесса»². Я бы добавил: а также помимо

² *Marazzi Ch. Il posto dei calzini. Bellinzona: Casagrande, 1994.*
(Пер. на фр.: *La place des chaussettes. P.: L'Éclat, 1997. P. 107.*)

производственного процесса. Этот «новый постоянный капитал» не представляет собой аккумулированный труд и не может принимать форму стоимости. Он является общественным по самой своей сути, общим для всех.

3. ФОРМАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ

Вопрос о соотношении формального и живого знания представляется важнейшим как с социальной, так и с культурной точек зрения. Можно ли согласовать научно-технические познания с живым опытным знанием и интегрировать их в обиходную культуру (*culture commune*)? Или они, вместо того чтобы обогащать и питать эту культуру, ведут к ее отмиранию? Ответ зависит одновременно от направления и содержания производства этих знаний, и от способности обиходной культуры к их осмыслению.

Но история индустриализации читается, в частности, как история все более глубокого расхождения между обиходной культурой и развитием научно-технических знаний. Системный характер этого расхождения ясно виден в истории мануфактуры и «автоматической фабрики», которую рисует Маркс в «Капитале» (Т. I. Гл. 12–13) с многочисленными ссылками на Адама Фергюсона, Эндрю Юра и Уильяма Томпсона. Там приводится, в частности, следующая цитата из Томпсона: «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука, вместо того чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему. [...] Познание [*knowledge*] становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно»³. Из Фергюсона Маркс цитирует следую-

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 374. Прим. 67.

щую формулировку: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией»⁴.

Как независимая от труда производительная сила, поставленная на службу капиталу, «наука [...] посредством машины воздействует [на рабочего] как чуждая сила, как сила самой машины. Присвоение живого труда посредством овеществленного труда [...], которое заложено в понятии капитала, в производстве, основанном на машинах [...], положено как характер самого процесса производства. [...] Рабочий выступает как излишний, если только его деятельность не обусловлена потребностью [капитала]. Он лишь “живое приложение к машине”»⁵.

Следовательно, научно-техническое знание, как господство над живым трудом и подчинение его машине, не только с самого начала находится на стороне капитала, но и является средством, с помощью которого постоянный капитал выколачивает прибавочный труд. Обладатели этого знания, инженеры, явно стоят идеологически на стороне капитала. Они обладают властью приказывать. Они представляют работодателя и отвечают за управление капиталом и его использование. На этом этапе формализуемое знание находится «в голове» «офицеров производства», а также в материальных средствах производства, как сила, господствующая над трудом⁶. Это знание еще не существует как «нематериальный» капитал, который отделен и отделим от своего носителя и может быть произведен помимо него.

Решающий шаг в направлении самостоятельного производства знания и его «капитализации» был сделан в 1880 г., когда Карл Дуйсбёрг, директор фирмы

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 375. Прим. 71.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат, 1969. С. 206.

⁶ Cp. Gorz A. Technique, techniciens et lutte des classes // Critique de la division du travail. P.: Seuil, 1972.

«Байер», провел индустриализацию исследовательской работы на химическом производстве. При этом производство формального знания было подчинено тому же иерархическому разделению труда, фрагментации рабочих задач и отделению интеллектуального труда от физического, что и в производстве самой продукции. И цель была той же самой: воспроизвести в сфере производства знаний тройное отчуждение, которое позволило бы капиталу с помощью мануфактур разорить самостоятельных ремесленников и сделать наемный труд всеобщим. Тогда у трудящихся были отняты средства труда, их власть над условиями и способами работы, а также власть над продуктами труда. Средства труда стали исключительной собственностью капитала, он определял труд и трудовые отношения и присваивал себе продукты производства.

Но в индустрии знаний продукты сами по себе не являются товаром. Научно-технические и формальные знания производятся не ради их меновой стоимости, а ради того, чтобы придать стоимость товару (например, лекарству), в котором воплощается знание. Их потребительская стоимость несомненна, но их денежная стоимость так же непредсказуема, как успех исследований и расходы на внедрение. Как пишет Энцо Руллани:

Ни марксистская, ни либеральная (ныне господствующая) теория стоимости не в состоянии объяснить процесс превращения знания в стоимость. [...] Действительно, затраты на производство знания крайне неопределенны (...) и, прежде всего, они принципиально отличны от затрат на его воспроизводство. Как только произведен первый экземпляр, необходимые затраты на воспроизводство других стремятся к нулю (если знание подлежит кодификации). В любом случае, эти затраты не сопоставимы с изначальными⁷.

⁷ *Rullani E. Le capitalisme cognitif: du déjà vu? // Multitudes. 2000. No. 2. (Пер. на рус.: М.: Логос. 2007. № 4, 61. С. 66.)*

Разумеется, эти замечания особенно применимы к знаниям, получившим вид компьютерных программ. Их разработка и перевод на цифровой язык зачастую стоят дорого, в то время как воспроизводиться программное обеспечение может почти бесплатно в практически неограниченных количествах. То же самое было верно и для фармацевтического производства Дуйсберга. Таблетки того или иного лекарства могут производиться в неограниченном количестве, и затраты на их производство в конечном счете невелики независимо от того, во сколько обошлась разработка действующего вещества. Поэтому и следующее замечание Рулани можно применить к любому товару, где затраты на производство отдельной единицы крайне незначительны, а материальная субстанция — лишь малоценный носитель нематериального, интеллектуального, художественного или символического содержания, как, например, в случае генетически модифицированных семян:

Таким образом, меновая стоимость знания целиком зависит от практической возможности ограничить его свободное обращение, т.е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистскими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других. Иными словами, стоимость знания не является продуктом естественной редкости, но вытекает исключительно из тех ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком. Конечно, этим ограничениям удастся лишь временно затормозить копирование, переоткрытие и вторичное овладение потенциальными производителями. Но в целом редкость знания проистекает из способности «власти», какого бы характера она ни была, временно ограничить его распространение и регламентировать доступ к нему⁸.

⁸ *Rullani. Le capitalistmo...*

Это отчасти объясняет, почему и в каком отношении «когнитивный капитализм функционирует иначе, чем простой капитализм». Прежде всего он должен найти адекватный ответ на совершенно новую ситуацию. Знания — его основная производительная сила — это продукт, возникающий главным образом из коллективной неоплачиваемой деятельности, а именно из «самосоздания» и «личного самосовершенствования». Значительную его часть составляет «общий интеллект», обиходная культура, живое, основанное на жизненном опыте знание. У него нет меновой стоимости. Это означает, что все и каждый могут по желанию свободно распространять его, например в Интернете. С другой стороны, та часть *knowledge*, которая изначально не поддается обобществлению (а именно формализованные знания, отделимые от своих производителей и существующие только в силу своего целенаправленного производства), также потенциально бесплатна, поскольку может при незначительных затратах воспроизводиться и распространяться в неограниченных количествах, не обязательно принимая денежную форму стоимости. Кроме того, благодаря Интернету такое знание общедоступно, по крайней мере в принципе, а это значит, что основная производительная сила и основной источник стоимости впервые могут быть отделены от частной собственности.

Однако собственно «революционное» новшество состоит даже не в этом. Оно заключается в том, что формальные знания, отделенные от какого бы то ни было продукта, в который они облечены или могут быть облечены, могут самостоятельно продуктивно функционировать в форме программного обеспечения. Они могут *организовывать и регулировать* сложное взаимодействие между большим числом участников и переменных. Они могут *проектировать и управлять* машинами, приборами и гибкими производящими системами. Одним словом, они могут играть роль постоянного капитала, подставляя аккумулированный,

«мертвый» труд на место живого труда как материального, так и нематериального. Поскольку предельные издержки программного обеспечения крайне невелики, оно может сэкономить намного больше работы, чем его собственная стоимость, причем в гигантских, еще недавно немыслимых масштабах. Это означает, что формальные знания *разрушают несоизмеримо больше «стоимости», чем позволяют создать*. Другими словами, они экономят огромное количество оплачиваемого общественного труда и тем самым уменьшают (денежную) меновую стоимость растущего числа продуктов и услуг.

Формализуемые знания открывают тем самым перспективу экономического развития в сторону экономики изобилия, т.е. экономики, в которой производство, требующее все меньше непосредственного труда, распределяет все меньше платежных средств. В тенденции (меновая) стоимость продуктов падает. Рано или поздно это должно привести к падению (денежной) стоимости всего произведенного богатства, к сокращению объема прибыли и, возможно, к краху производства, основанного на меновой стоимости. Экономика изобилия ведет в тенденции к бесплатной экономике, к формам производства, кооперации, обмена и потребления, основанных на общинном духе и общинной форме жизни и, возможно, на новых платежных средствах. Когнитивный капитализм *действительно* представляет собой кризис капитализма как такового. Призрак его краха бродит с 1980-х годов не только по тем странам, которые уже его переживают или приближаются к этому.

В этой ситуации перед капиталистической экономикой встает двойная проблема: платежеспособность спроса на продукты, производимые все меньшим количеством труда, «капитализация» и реализация одного из продуктов, а именно знаний, которые капитал должен присвоить себе, чтобы заставить функционировать как «нематериальный капитал».

Это присвоение не обязательно должно быть прямым. Чтобы сохранить контроль над знаниями и воспрепятствовать тому, чтобы они стали в изобилии всеобщим достоянием, достаточно обеспечить себе доступ к знанию, в особенности в Интернете. Доступ и средства доступа становятся основным предметом главного конфликта. Я еще вернусь к этому позднее. Сначала необходимо тщательно исследовать, как происходит превращение знания в нематериальный капитал и как обеспечивается реализация этого, в значительной степени фиктивного, капитала установлением монополий. Очень показательны в этой связи тенденции, которые выявляет Джереми Рифкин в своей книге «Эра доступа»⁹.

4. ПРЕВРАЩЕНИЕ ФОРМАЛИЗОВАННОГО ЗНАНИЯ В НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

От большого упоения к большому испугу

На основании большого числа наблюдений Дж. Рифкин описывает развитие «новой экономики», которую не следует путать с продвигаемой разработчиками программного обеспечения *new ecomoty* (новой экономики). Новое в ней то, что она получает «прибавочную стоимость» не из «прибавочного труда». В «новой экономике» «стоимость» продуктов должна зависеть от их уникальных качеств. Они должны обеспечить фирме клиентуру, которая из убеждения и верности покупает у нее или берет напрокат последние новинки.

Новую концепцию реализации можно вкратце описать так: нематериальная сторона продукта получает намного большее значение, чем его материальная реальность, и их символическая, эстетическая или

⁹ *Rifkin J. The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism Where All of Life is a Paid-For Experience. N.Y.: G. P. Putnam, 2000.*

социальная стоимость превосходит потребительскую стоимость и затушевывает меновую стоимость. Источник большей части прибыли заключен в нематериальном измерении товара. Его «материализация с экономической точки зрения второстепенна». Предприятия перерабатывающей промышленности становятся вассалами фирм, чья продукция и капитал в значительной мере нематериальны.

К примеру, все больше фирм берут свой материальный постоянный капитал (здания, машины, транспортные средства, оборудование) напрокат, вместо того чтобы приобретать их в собственность. «Use it, don't own it» (пользуйся, не беря в собственность) — таков популярный девиз. В США почти треть машин, оборудования и транспортных средств берется напрокат: 80% предприятий берут свою инфраструктуру напрокат у 2000 специализированных агентств. Треть промышленных предприятий производит более половины своей продукции на чужой территории. IBM и Compaq, два ведущих представителя своей отрасли, поручают производство, поставку и фактурирование своих компьютеров одному и тому же крупному предприятию — Ingram. У фирмы Nike вообще нет ни машин, ни оборудования. Фирма разрабатывает только концепцию и дизайн своей обуви. Производство, распространение, маркетинг и рекламу она поручает держателям лицензии.

Это вынесение за пределы предприятия (или экстернализация) производства и материального постоянного капитала — не простое продолжение *lean production* (изучения продукции) и *reengineering* (реинжиниринг) 1990-х годов. Ведь речь здесь идет не просто о том, чтобы по возможности ускорить оборот капитала путем отказа от складирования и от большей части постоянного персонала. Речь идет о новом разделении труда, причем не только внутри производства, но и между предприятиями и отдельными капиталами. Материальный капитал предо-

ставлен так называемым партнерским предприятиям материнской фирмы, которая играет по отношению к ним роль сюзерена: она вынуждает их, постоянно изменяя пункты договора, все время усиливать эксплуатацию своей рабочей силы. Она покупает по очень низким ценам произведенные поставщиками продукты и получает огромную прибыль, перепродавая их в качестве фирменной продукции (в случае Nike, например, это 4 млрд долларов в год только за оборот внутри США). Труд и материальный постоянный капитал на бирже оцениваются заниженно и часто вовсе игнорируются. Напротив, нематериальный капитал продается по высокому курсу без всякой измеримой основы.

Сейчас уже никто не покупает акции Apple Computer, IBM или еще какого-нибудь концерна, основываясь на оценке материальных средств производства, которыми располагает эта фирма, — отмечает Кристиан Марацци. — Важно не недвижимое имущество или оборудование предприятия, а контакты и возможности его маркетинговой структуры, опытные продавцы и организационные возможности его менеджмента и новаторский потенциал его кадров¹⁰.

Материальный капитал промышленности составлял в США в 1999 г. всего лишь треть от биржевой котировки акций. Согласно шведскому исследованию, на которое ссылается Рифкин, нематериальный или «интеллектуальный» капитал большинства предприятий представлял в том же году котировочную ценность в пять или шесть раз бóльшую, чем их вещественный и финансовый капитал. Следовательно, фирмы в целом стремились отделить свой нематериальный капитал от традиционных форм капитала.

Джереми Рифкин не стал, однако, заниматься местом этой тенденции в рамках *new economy*, которая

¹⁰ Marazzi Ch. Il posto dei calzini... P. 76.

занимала авгуров от экономики вплоть до начавшегося в 2000 г. изменения тенденции. Увлечение биржи «нематериальными активами» (их называли еще «неосязаемыми») было в 1990-е годы самым заметным протуберанцем неслыханного прежде подъема биржевых котировок. Этот подъем питался огромными размерами финансового капитала, высвободившегося в ходе реинжиниринга и лихорадочно искавшего выгодных возможностей размещения. Этот реинжиниринг, в котором важнейшую роль играла «цифровая революция», состоял в основном в «устранении излишков» в производственных структурах и факторах: административном аппарате, постоянном капитале, количестве персонала, прямых и косвенных расходах на зарплату и сбыт.

Вся эта экономия средств, разумеется, привела к тому, что объем выплачиваемой заработной платы резко сократился, а объем получаемой прибыли быстро пошел вверх. Самые богатые стали еще богаче, а 80% населения — беднее. Растущие массы свободного финансового капитала намного превзошли инвестиционные возможности реальной экономики. В поисках возможностей выгодного размещения финансовый капитал приобретал все большую самостоятельность по отношению к производству. Банки соревновались в предложении кредитов коррумпированным правительствам так называемых пороговых стран. Они помогали брать кредиты (в особенности потребительские) и американским семьям. В конце 1990-х годов частные хозяйства были должны банкам свой годовой доход приблизительно за год с четвертью.

Пока банки получали проценты, долги клиентов записывались у них в актив. Но когда клиенты уже не могли ни расплатиться с долгом, ни выплатить причитающиеся проценты, эти долги стали фигурировать в отчетах как потери. С конца 1980-х годов стало ясно, что все возрастающая часть банковских кредитов никогда не сможет быть выплачена, и даже выплата про-

центов в случае падения конъюнктуры оказывается под вопросом.

Чтобы спасти банки от грозящего краха, Международный валютный фонд (МВФ) вынужден был «пересмотреть» долги многих развивающихся стран и заставить их провести «санацию» госбюджета. Во многих случаях (последний по времени — Аргентина в 2003 г.) эта санация привела к полному экономическому краху. При этом и обремененные долгами американские семьи необходимо было поддерживать в состоянии платежеспособности и готовности к потреблению. С этой целью банки вынуждены были сами одалживать клиентам деньги, необходимые для выплаты процентов, и при этом гарантировать им новые потребительские кредиты. Только так можно было воспрепятствовать грозящему обвалу конъюнктуры.

Центральный банк США пустил в оборот огромную массу денег, чтобы банки могли продолжать выдавать клиентам, имеющим большие задолженности, все новые кредиты на выгодных условиях¹¹. В конце 1990-х годов задолженность отдельных хозяйств достигла годового прироста 4%. Дефицит американского платежного баланса, в свою очередь, достиг 4% валового внутреннего продукта. США как бы экспортировали свою внутреннюю задолженность, превратив ее в огромную растущую задолженность перед границей, и подстегивали мировую конъюнктуру тем, что стали импортировать больше, чем экспортировать.

¹¹ Разумеется, погрязать все глубже в долгах могли лишь 30% более или менее состоятельных людей. «Американское экономическое чудо порождает множество проигравших и мало выигравших, — писал Эдвард Латтвак. — 55% работающих американцев работают продавцами, курьерами, домохозяйками и домохозяевами, домашней прислугой, садовниками, нянями и охранниками. Более половины из них наняты на неопределенный срок и с очень низкой оплатой, более четверти — это *working poor*, доходы которых остаются за чертой бедности, даже если они работают в двух-трех местах». *Luttwak E. Turbo-Capitalism. N.Y.: Harper Collins, 1999.*

Чтобы обеспечить и в то же время затушевать это «бегство в будущее», активы банков непременно должны были подпитываться какими-то новыми чудесными источниками стоимости. В 1990-е годы многие считали, что такой источник найден: начался фантастический, казалось, неудержимый взлет биржи. Индекс Доу—Джонса, которому понадобилось 30 лет, чтобы подняться от 1000 до 4000, достиг в 1997 г. показателя 8000. В июле 1999 г. он уже равнялся 11 000. После того, как капитализм подвиг граждан на трату из будущих доходов, он праздновал теперь на бирже ожидаемую выгоду от ожидаемого будущего прироста. Биржа стала казаться неисчерпаемым источником дохода. Примерно треть граждан занимала у банков все больше денег на покупку акций в уверенности, что сумеет быстро покрыть задолженность частью выигрыша от быстрого роста курса.

Даже опытные финансовые эксперты верили, что открыли рог изобилия. Управляющий одним из американских инвестиционных фондов заявил, что индекс Доу—Джонса достигнет в 2097 г. показателя 750 000. Официальные эксперты, министры и владельцы концернов уверяли, что неудержимое повышение позволит в будущем финансировать пенсии по старости — если только люди, живущие на заработную плату, захотят наконец превратиться в покупателей акций.

Когда биржевые котировки фирм стали превосходить оцениваемую стоимость их материальных активов в сотни раз, эксперты стали хмурить лбы. Но что ж такого! Материальный капитал не важен. Ему противостоит неосязаемый нематериальный капитал, который невозможно оценить и который является ключом к будущему экономическому росту и прибыли. Так отделим же осязаемое от неосязаемого и станем в биржевых котировках публиковать их отдельно! От этого повышение неосязаемых активов еще ускорится. Их котировка ни при каких обстоятельствах не будет счи-

таться завышенной, поскольку неосязаемое не имеет измеримой стоимости.

НАСДАК^{12(*)} показал дорогу, и все пошли за ним. Сколько стоит *start up*? А Microsoft? Да сколько угодно. Основной капитал ничего не значит. Он может ограничиваться парой компьютеров или съемной квартирой, в которой двое друзей две недели или два семестра подряд работают над программным обеспечением, которое сэкономит его покупателям много времени и денег. Важна оригинальность, эффективность и надежность. Затраты порождает не столько разработка изобретения, сколько необходимость, дабы его продать, помешать другим изобрести то же самое или скопировать изобретенное. Затратным является главным образом *превращение изобретения в товар и его сбыт как патентованного фирменного продукта*.

Биржевая котировка изобретения отражает, прежде всего, ожидаемую от него в будущем прибыль. Нематериальность интеллектуального капитала прекрасно подходит для того, чтобы функционировать как обещание неограниченного будущего рынка для не поддающихся оценке товаров, а следовательно, как обещание неограниченной прибыли от роста котировок. Конечно, при условии, что интеллектуальный капитал является защищенной собственностью и сохраняет монополию.

Отделение материального капитала от нематериального произошло, таким образом, в контексте уже произошедшего отделения массы фиктивного капитала от реальной экономики и стало создавать деньги на рынке деривативов путем покупки и продажи по сто раз в день исключительно фиктивных денег. Фикция превзошла реальность и казалась более настоящей, чем настоящее, вплоть до того непредвиденного, но неотвратимого дня, когда «пузырь» лопнул.

^{12(*)} NASDAQ — National Association of Securities Dealers Automated Quotation.

Он начал лопаться уже в 2000 г. и менее чем за два года произвел самый крупный обвал биржи со времен кризиса 1929 г. Крах биржи неосязаемого отражает подлинную трудность приписать денежный эквивалент, т.е. «стоимость», активам, которые нельзя обменять и распределить на рынке, и которые к тому же не поддаются измерению и поэтому не имеют переводимой в денежный эквивалент меновой стоимости. В этом и заключается главная проблема, с которой сталкивается когнитивный капитализм: неосязаемый капитал не так-то легко превратить в нормальный капитал, как и когнитивный капитализм не так-то легко преобразуется в нормальный капитализм.

В сущности когнитивный капитализм представляет собой кризис капитализма.

Обвал биржи 2001–2002 гг. поначалу не вызывал депрессии, но не произвел и «санации». Уже в 2003 г. начал образовываться новый «пузырь», который в обозримое время приведет к новому краху. Капитализм ходит по краю пропасти, катя перед собой доселе невиданную гору долгов, держится на плаву за счет умножения не имеющих субстанции денег и с помощью этой ненадежной акробатики пытается уйти от стоящего перед ним вопроса *«как может продолжать существовать товарное общество, когда производство товаров использует все меньше труда и пускает в обращение все меньше платежных средств?»*.

Ответ очевиден: оно не может продолжать существовать, разве что ему удастся под разными предложениями пускать в обращение деньги, возникшие не из создания стоимости и основанные не на субстанции стоимости, и с их помощью поддерживать манию потребления. Именно это делал и продолжает делать Центральный банк США. Он распространяет потребительские деньги, основанные на спекулятивной, фиктивной биржевой стоимости (т.е. *ни на чем*), чтобы избежать краха системы. Никто не решается

признать эти потребительские деньги тем, что они есть, и назвать их настоящим именем. Впрочем, такие деньги есть лишь у владельцев ценных бумаг, т.е. отнюдь не у беднейших слоев населения. Похоже, однако, что «потребительские деньги» будут введены в ближайшие 20 лет для начала под разными прикрытиями¹³. В зависимости от способа и обстоятельств их введения они могут оказаться средством, благодаря которому капитализм переживет собственную смерть и сохранит господство товара, а с ним и символическую власть денег¹⁴, или, напротив, средством покончить с товарным и денежным фетишизмом и приступить к созданию «общинной экономики», как называет ее Оскар Негт¹⁵. Я еще вернусь к этому в следующей главе.

А до тех пор опасность краха экономики и общества, «децивилизация мира, которая уже проступает повсюду» (Роберт Курц), будет проявляться во все более острых кризисах.

В следующем разделе я изложу, как капитал попытается обойти законы рынка и стоимости, чтобы заставить нематериальные, никакой мерой не измеримые знания функционировать как капитал и источник «стоимости».

¹³ В проекте плюралистической экономики, работа над которым открылась призывом в газете «Transversales» (2002, 003), потребительские деньги, идея которых была предложена в начале 1930-х годов Жаком Дюбуэном (Duboin), — это один из четырех видов денег. Они должны не переводить в денежный эквивалент локальный взаимный обмен или кооперативную деятельность, а исключительно обеспечивать доступ к материальным или нематериальным продуктам, которые могут быть произведены только на основе макросоциального разделения труда или возникнуть без труда, а значит, и без денежной стоимости.

¹⁴ См. Gorz A. Le capitalisme mort vivant // Les Chemins du Paradis. P.: Galilée, 1983.

¹⁵ Negt O. Arbeit und menschliche Würde. Göttingen: Steidl Verlag, 2001. S. 305–307, 315–319.

Символические монополии и монопольные ренты

В книге «Эра доступа» Джереми Рифкин показывает, что материальные продукты и все бóльшая часть услуг притворяются патентованными «знаниями». Знания придают им «стоимость», совершенно несоразмерную той, что прежде называли «экономической стоимостью» (меновой стоимостью). Эти товары приобретают почти художественную, символическую стоимость, присущую вещам неподражаемым, не имеющим эквивалента.

Производство, продажа и сдача в наем патентованных товарных образов и фирменных названий развились в мощную процветающую индустрию. Производство патентованных ноу-хау, которые сдаются в наем другим фирмам и используются ими, развивается в самостоятельную индустрию: *франчайзинг*. «Стоимость» этих ноу-хау заключается в основном в эксклюзивном названии фирмы, под которым держатель лицензии может их использовать и перепродавать.

Франчайзинг распространился как в сфере услуг (в частности, в системе фастфуда), так и в текстильной, фармацевтической промышленности и машиностроении. Он представляет собой не что иное, как приватизацию определенного знания и ноу-хау, запатентованного под названием фирмы и сдаваемого напрокат другим предприятиям. Материнская фирма остается при этом единственной собственницей. Поэтому ее знание функционирует как постоянный капитал: оно повышает производительность лицензированных фирм, организует труд на них и издали подчиняет их своему господству. Совокупная прибыль материнской фирмы складывается из «сборов за лицензии». Эти сборы представляют собой на самом деле монопольную ренту. Они могут во много раз превышать затраты на «когнитивный капитал» материнской фирмы.

Перефразируя Энцо Руллани, можно сказать, что стоимость знания «полностью зависит от возможности монополизировать его использование». Вместо

того чтобы сказать о нематериальных по сути товарах, что «их стоимость заключается в знаниях», вернее было бы сказать, что она заключается в монополии на знания, в эксклюзивных качествах, которые эти знания сообщают товарам, в которых заключены, а также в способности фирмы сохранить эту монополию. Только скорость, с которой фирма разрабатывает нечто новое и выносит инновации на рынок, опережая конкурентов, позволяет ей эту монополию сохранить. Без «интеллектуальной собственности» и «секрета фирмы» не было бы и «когнитивного капитала».

Монополизация знаний, ноу-хау или идеи, была и остается трудной задачей. Она часто требует больших капиталовложений, чем производство самих этих знаний. Это в особенности верно для фармакологического производства и программного обеспечения. Microsoft, например, тратит почти треть своего оборота на рекламу и маркетинг. На идею, разработку и производство новой продукции уходит вторая треть, а прибыль составляет еще примерно столько же. Нематериальный капитал таких фирм, как Nike, Coca-Cola или MacDonalds состоит в основном в монопольной власти, которую символизируют эти названия, и в размере ренты, которую обеспечивает им эта власть. Марка фирмы уже потому представляет собой капитал, что ее известность сообщает продукции символическую прибавочную стоимость. Эта известность достигается не только подлинными достоинствами ее продукции. Ее нужно создавать значительными капиталовложениями в маркетинг и частыми рекламными кампаниями. Именно они создают образ той или иной марки и придают продукции узнаваемую идентичность и мнимое качество, составляющие монополию фирмы.

Стремление к монопольной ренте становится все неотвратимее, поскольку растущая производительность труда понижает объем прибыли, которую фирма получает от эксплуатации своего все сокращающегося персонала. Уменьшение достижимого с помощью ма-

териальных товаров объема прибыли объясняет следующую описанную Рифкиным тенденцию: промышленность уже не продает своим клиентам продукцию, а дает напрокат (leasing), т.е. делает из покупателей пользователей. Таким образом, фирма перестает быть прежде всего производителем. Она становится скорее *предприятием по оказанию услуг*, гарантирующим добротность и техническое обслуживание даваемой напрокат продукции. Таким образом, фирма остается в постоянном контакте со своими клиентами. Она может побудить их заменить взятое напрокат оборудование новыми моделями и сочетать это с покупкой дополнительных услуг. Прямой и постоянный доступ к клиентам сокращает время, необходимое, чтобы вынести на рынок то или иное новшество, и экономит значительную часть расходов на рекламу.

Развитие *лизинга* ускоряет не только циркуляцию капитала и направлено не только на завоевание клиентов. Оно должно также компенсировать быстрое сокращение производящего капитал персонала — таяние субстанции стоимости.

Большая часть прибавочной стоимости должна теперь производиться персоналом, оказывающим услуги. Вынос материального производства за пределы фирмы (экстернализация) связан с *интернализацией* услуг, которые фирмы раньше оставляли самостоятельным предприятиям. Благодаря интернализации фирмы убивают сразу двух зайцев: они увеличивают штат работников, оказывающих услуги, и в то же время рационализируют их труд настолько, чтобы он в целом создавал больше прибавочной стоимости, чем материальный производительный труд. Материальная продукция становится в конечном счете только средством для продажи услуг.

Эти услуги приносят фирме тем более высокую прибыль, чем лучше ее мнимая индивидуальность скрывает реальность стандартизации. Здесь можно вспомнить слова начальника отдела кадров Daimler-

Chrayster: труд персонала нужно измерять не в часах, а с учетом «компонента поведения, социальной и эмоциональной компетентности и ориентации на клиентов», проявляемых «сотрудниками». Покупатели ценят качество услуг выше, чем их цену, если это качество «несравненно». Покупатели услуг оценивают их на основании их потребительской, а не меновой стоимости (цены). Понятие общественно необходимого труда теряет значение для таких мнимо индивидуальных услуг. Когда продавец обращается с клиентом как с частным лицом и придает отношениям купли-продажи видимость *личных отношений*, он отменяет тем самым экономическую логику товарных отношений. Стоимость услуг, оказываемых людьми друг другу, неизмерима в том случае, если их уже нельзя рассматривать как общественный труд.

Мнимо личные отношения между оказывающим услуги предприятием и клиентами указывают на тот род отношений, которые фирма стремится создать со своей клиентурой. Сотрудникам, оказывающим услуги, поручают изображать персональных представителей фирмы. Им положено проявлять не собственную личность, а, напротив, личность фирмы. Они должны излучать стиль, поведение и язык своего «дома». Фирма должна являться в них как источник своеобразной идентичности, которую клиенты, в свою очередь, могут приобрести, покупая фирменные товары. Производство образов фирмы — самая процветающая и выгодная отрасль нематериальной индустрии и важнейший источник монопольной ренты.

Производство образов фирмы, как и индустрия маркетинга, рекламы, стиля и дизайна, выполняет двойную функцию: с одной стороны, чисто экономическую и коммерческую, с другой — политическую и культурную. С экономической точки зрения, торговая марка сообщает продукту символическую, не поддающуюся измерению стоимость, перевешивающую его потребительскую и меновую стоимость.

Фирменная вещь должна быть несравнимой и незаменимой. Торговая марка должна сообщать ей выраженную социальную, художественную или эстетическую стоимость. Она должна играть ту же роль, что и подпись знаменитого художника, подтверждающая, что данный предмет — не обычный товар, а редкий и несравненный продукт. Она придает продукту символическую стоимость, монополией на которую обладает фирма; эта стоимость хотя бы на время ставит товар вне конкуренции.

Эта символическая монополия должна постоянно воспроизводиться путем рекламных кампаний и инноваций, обновляющих эксклюзивность и уникальность фирменных товаров. Символические качества должны постоянно поспевать за движением вкуса и моды и в то же время поощрять это движение, чтобы усиливать интерес покупателей, а также повышать оборот и цену фирменных товаров. Это относится к йогуртам, стиральному порошку и продуктам глубокой заморозки в не меньшей степени, чем к так называемым потребительским товарам или индустрии моды в собственном смысле. Для этих последних затраты на рекламу и маркетинг могут достигать 40% оборота фирмы.

Поскольку символическая стоимость становится главным источником прибыли, создание стоимости переносится в ту область, где повышение производительности может не влиять заметным образом на уровень цен. Нематериальный постоянный капитал фирмы включает теперь как ее символический капитал авторитета и престижа, так и одаренность, ноу-хау и творческий потенциал персонала, создающие как бы художественное измерение производимой продукции.

Производство потребителей

При ближайшем рассмотрении воздействие нематериального постоянного капитала обнаруживается и

на совсем другом уровне: он служит *производству потребителей*. Он пробуждает или подстегивает желания, стремления, пристрастия, представления о себе и стиль жизни, порождающие тот новый род потребителей, которые «не нуждаются в том, к чему они рвутся, и не рвутся к тому, в чем нуждаются». Таково определение *потребителя*, как его понимал, а точнее сказать, открыл Эдвард Бернейс, племянник З. Фрейда, в начале 1920-х годов.

Э. Бернейс поселился в США в то самое время, когда промышленники искали средства найти гражданские рынки сбыта для огромных производственных мощностей, созданных промышленностью во время Первой мировой войны. Как им было создать потребителей для всего, что могла предложить промышленность? Бернейс знал ответ. Он разработал новую область: *Public Relations* (PR). Сперва в статьях, а потом и в книгах он разъяснял, что хотя естественные *потребности* человека весьма ограничены, его *желания* по самой своей природе безграничны. Чтобы их подстегнуть, достаточно избавиться от ложной идеи, будто покупки индивидов соответствуют их практическим потребностям и рациональным соображениям. Нужно следовать бессознательным инстинктам и иррациональным мотивам, фантазиям и несознаваемым желаниям людей. Реклама должна апеллировать уже не к практическому разуму покупателей. Она должна содержать *послание*, наделяющее самые простые товары символическим смыслом. Нужно обращаться к «иррациональным эмоциям», создавая культуру потребления и порождая типичного потребителя, который ищет и находит в потреблении средство выражения своего «глубиннейшего я» (*innermost self*), или того (как было написано на рекламном плакате 1920-х годов) «что у вас есть самого уникального и ценного, но что остается скрытым».

Бернейс без колебаний принял запрос табачной индустрии — побудить к курению женщин. «Сигаре-

та, — заявил он, — это фаллический символ, и женщины начнут курить, если увидят в сигарете средство символически избавиться от мужского господства». Прессу уведомили о сенсационном событии, ожидавшемся во время пасхального шествия в Нью-Йорке. По заранее условленному знаку двадцать элегантных молодых дам достали из сумочек сигареты и зажигалки и зажгли свои символические «факелы свободы» (*freedom torches*). Так сигарета стала символом женской эмансипации. Бернейс и табачная индустрия выиграли пари.

«Вы превратили людей в неутомимые автоматы счастья (*constantly moving happiness machines*)», — сказал в 1928 г. Бернейсу президент Гувер. Тот, со своей стороны, отлично сознавал, что превратил тем самым *граждан*, которые потенциально могли быть опасны для существующего режима, в безвредных *потребителей*. Правительство, рассуждал он, может делать, что хочет, если ему удастся сосредоточить интересы населения на индивидуальной страсти к потреблению¹⁶.

Следовательно, *потребитель*, индивидуалист по определению, с самого начала противопоставлялся *гражданину*, был, так сказать, противоядием от коллективного выражения коллективных потребностей, от социально-политических требований. И в дальнейшем рекламная индустрия продолжала играть двойную, т.е. экономическую и политическую роль. Поскольку она обращалась не к *общим для всех* фантазиям и желаниям, а лишь к стремлениям *каждого индивида* как частного лица, она внесла решающий вклад в деполитизацию населения и укрепление рыночного

¹⁶ Между 24 марта и 14 апреля 2002 г. канал BBC-2 показывал отличный документальный 4-серийный фильм, продолжительностью по 1 часу каждая, рассказывавший историю манипулирования *потребителями*, а позже избирателями, при помощи приемов маркетинга и исследования рынка: «The Century of the Self», сценарий и постановка Адам Куртис (Curtis).

и товарного общества. Ведь она обещает потенциальным покупателям не улучшение их общего положения, а, напротив, возможность для каждого избежать общей участи и попасть в число «счастливиц», которые могут позволить себе вот этот новый, лучший и уникальный товар. Реклама поощряет индивидуалистическое решение коллективных проблем.

Она обещает, что рынок может решить эти проблемы, не ограничивая независимость и личные интересы индивида. Она призывает каждого к тому, чтобы он как социальный индивид отрекся от своего социального существования. Она занимается *антисоциальной социализацией*¹⁷.

Поскольку реклама воздействует на воображение, желания, чувства, одним словом, на сферу субъективности, она относится к области художественного творчества. Однако это подневольное творчество на службе товара. Искусство рекламы, как и пропаганда в тоталитарных режимах, имеет целью отнюдь не освобождение восприятия публики от шаблонов, стереотипов и общих мест, которыми она опутана. Ее главная цель — путем распространения эстетических, символических и социальных норм — продать выдаваемые за произведения искусства товары, причем предлагаемые нормы должны быть текучи и недолговечны, чтобы их можно было вскоре заменить новыми.

Художественное творчество всегда имеет целью нарушить укоренившиеся привычки, освежая тем самым восприятие и воображение. Реклама и мода, напротив, должны *нравиться*, чтобы внедрить свои нормы. Как привилегированный распространитель этих норм, образ торговой марки участвует в захвате нематериальным постоянным капиталом власти над публичным пространством, повседневной культурой и социальной фантазией. Символический капитал

¹⁷ См.: Gorz A. *Métamorphoses du travail. Quête du sens*. P.: Galilée, 1988. P. 63–66.

фирмы как орудие, с помощью которого товар должен произвести своих потребителей, ими же самими и производится. Они осуществляют *невидимый труд* самосоздания, который «создает субъекта для объекта», т.е. порождает в отдельном индивиде такие желания, устремления и представления о себе, подходящим выражением которых якобы и является товар. Одним словом, реклама торговых марок запускает у потребителя механизм самосоздания, использующий фирменные товары как символы его, потребителя, самореализации. Благодаря власти, которую она имеет над невидимым трудом самосоздания, и благодаря скрытому насилию, которое реклама во всех областях и в каждый момент повседневной жизни производит над индивидами, символический капитал получает возможность функционировать как настоящий постоянный капитал.

В конце концов в области потребления обнаруживается то же самоподчинение, которое мы констатировали в сфере труда. Потребитель, которого побуждают к самосозданию согласно представлению о себе, заданному рекламой, и к тому, чтобы приспособлять свою заимствованную идентичность к изменению вкуса и моды, уже подготовлен к тем самообработке и самосозданию, которые делают из него пользующегося спросом и продаваемого трудящегося.

Политические следствия этой власти торговой марки прекрасно описаны Наоми Кляйн в ее книге «No Logo»¹⁸. Она описывает ландшафт своего детства, населенный образами, символами и фигурами рекламы, куда более убедительными и прочувствованными, чем природа, которой восхищались родители. Еда в радужных пластиковых упаковках казалась куда привлекательнее, чем биопродукты, которыми ее корми-

3

¹⁸ Klein N. No Logo. London: Flamingo, 2000. (Пер. на рус.: Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: Добрая книга, 2003.)

ли¹⁹. Вездесущая реклама крупных фирм завладевает всем общественным пространством, питает своими мифами детскую фантазию, формирует вкус и эстетические нормы. Она проникает и в школьные классы, и при содействии учителей дает школьникам темы для сочинений. Она колонизирует средства массовой информации и подвергает цензуре часть прессы, радио и телевидения. Она присваивает себе культурную жизнь, сперва используя произведения искусства для поддержки своего бренда, а потом, напротив, ставя клеймо бренда над выставкой произведений искусства. Воспользовавшись знаменитыми шедеврами, чтобы выдать и себя за произведение искусства, бренд затем самоутверждается как символ и критерий художественного вкуса. Все, на что бренд ставит свой логотип, считается превосходным. Бренд создает стоимость продукта, а не наоборот²⁰.

Реклама, — пишет Роберт Курц, — проявляет себя не столько в своей прямой цели — побудить к покупке определенных товаров, сколько через общее моделирование сознания, вобравшего в себя форму, «дух», специфическую эстетику «рекламы как таковой» и глядящего на мир такими глазами. [...] Моделирование не только внешних желаний и стремлений, но и чувств, покушение на бессознательное ярче всего раскрывают тоталитарный характер капитализма — и в то же время делают тоталитаризм невидимым, если покушение удастся²¹.

Власть предприятий, — как замечает Бен Багдикян, — способная пронизывать социальную жизнь сверху донизу, не знает аналогов в предшествующие эпохи. [...] Появляется возможность охватить контролируемыми образами и словами едва ли не каждого мужчину, жен-

¹⁹ Klein N. No Logo. London: Flamingo, 2000. Гл. 7.

²⁰ Там же. Гл. 2.

²¹ Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. Fr.a.M.: Eichborn, 1999. S. 571.

щину и ребенка, соответствующим образом социализировать каждое новое поколение американцев, изменять политическую повестку дня страны. Эта возможность обеспечивает влияние более сильное, чем влияние школы, религии, родителей и даже государства²².

Наоми Кляйн описывает метод и последствия этого захвата власти над публичным пространством, а также рождающееся при этом сопротивление. Развиваясь и обостряясь, конфликт, возникающий между нематериальным капиталом фирм и теми, кто оказывает ему сопротивление, во многих отношениях представляет собой классовую борьбу на новой территории: именно в области контроля над общественностью, над совместной культурой и над общественным достоянием. В этом иногда широкомасштабном сопротивлении участвуют школьные и студенческие движения, инициативы потребителей и других групп населения. Они хотят решительно отвоевать обратно публичное пространство, вернуть себе власть над своим окружением, культурой и повседневной жизнью.

Тысячи групп борются сейчас против тех сил, общим знаменателем которых является приватизация всех областей жизни и подчинение рынку всех видов деятельности и ценностей. Этот процесс выходит далеко за рамки приватизации преподавания, медицины и природных ресурсов. Он включает также превращение идей в рекламные лозунги, а улиц — в рекламные выставки. Он навязывает рекламу школам, продает как товар окружающую природу, отменяет трудовое право, патентует гены, создает генетически модифицированные продукты, покупает политических деятелей... Активисты [во всем мире] уже не ждут революции, а прямо переходят к действию по месту жительства, учебы, работы. [...] Борьба против глобализации превратилась в борьбу

²² *Bagdikjan B. The Media Monopoly. Boston: Beacon Press, 1997. P. IX. Цит. по Rifking J. Access... P. 300. (Пер. на рус.: Багдикян Б. Монополия средств информации. М.: Прогресс, 1987.)*

против частных монополий, а порой и против самого капитализма. [...] Действительно новым после «битвы в Сиэтле» 1999 г. является то, что организации по всему миру начинают объединять свою национальную и местную борьбу с глобальным видением. Нападая на крупные фирмы, они вскрывают явную взаимосвязь социальных, экологических и экономических проблем²³.

5. РЕАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И БЕЗМЕРНОЕ БОГАТСТВО: ЭКСТЕРНАЛИИ²⁴

Я поставил рядом эти цитаты из Бена Багдикяна и Наоми Кляйн, поскольку они дополняют друг друга, показывая две стороны одной медали. Речь идет о том, что капитализм захватывает последние бесплатные богатства, экстерналии, которых он не производил и не в состоянии произвести, и что этот захват повсюду наталкивается на сопротивление. Чтобы подавить это сопротивление, капитал должен добиться того, чтобы культура интериоризировала его господство над ней. Он должен овладеть коллективной фантазией, общими для всех нормами и языком. Язык — важнейшее оружие в намечающемся конфликте: от владения язы-

²³ Klein N. Reclaiming the Commons // New Left Review. 2001. No. 9.

²⁴ Позитивные экстерналии — это общепользные результаты человеческого общежития, общения, свободного обмена и спонтанной кооперации большого числа индивидов. Совокупная практическая ценность этих результатов намного превосходит сумму практических ценностей, которые получает каждый индивид от своего вклада. Стоимость возникающего в результате общественного достояния, такого как совместные знания и совместная культура, надежность, готовность к сотрудничеству, способность договориться друг с другом, по определению остается неучтенной в экономической системе, которая измеряет произведенное обществом богатство совокупным годовым товарооборотом. С точки зрения капитала, позитивные экстерналии представляют собой неисчерпаемый ресурс, которым он может пользоваться бесплатно.

ком зависит способность задумать и выразить сопротивление и его мотивы.

Слова не виноваты, если они «наивно» запутывают в капиталистические социальные отношения то, что еще несколько лет назад казалось им непричастным. Я имею в виду, например, инфляцию слова «капитал», которое теперь выражает господствующий образ мыслей: «культурный капитал», «интеллектуальный капитал», «образовательный капитал», «капитал опыта», «социальный капитал», «природный капитал», «символический капитал», «человеческий капитал», и прежде всего — «капитал знаний», или «когнитивный капитал». На последнем основаны «когнитивный капитализм» и даже «общество знаний», которое, разумеется, является капиталистическим, поскольку «знания можно рассматривать как новую форму капитала, выражающую творческий потенциал современных обществ»²⁵.

Эта «новая форма капитала» — а есть и другие — принципиально отличается, однако, от капитала в экономическом смысле. Она изначально приобретается и производится не для того, чтобы быть или оставаться частной собственностью. Напротив, знания пополняются новыми знаниями, когда их используют и сообщают другим. Изначально они накапливаются не для того, чтобы служить средством производства, а для удовлетворения страстной потребности в знаниях. Они сами по себе являются богатством и источником богатства, не производя ничего, годного на продажу. Они не умножаются, циркулируя в форме стоимости. Напротив, лишь став легкодоступными всем, они становятся источником новых знаний.

Следовательно, их свойства пункт за пунктом противоположны свойствам капитала в экономическом смысле. «Капитал знаний» может функционировать как капитал в рамках капитализма только в том случае,

²⁵ См.: Vers un capitalisme cognitif / Éds. Azais, Corsani, Dieuaide. P. 10.

если он замаскирован ассоциациями с традиционными финансовыми и материальными формами капитала. Это не капитал в обычном смысле, и он не служит в первую очередь производству товарной стоимости. Он не означает рождения гипер- или панкапитализма, напротив, в нем лежит зародыш отрицания и выхода за рамки капитализма, товарных отношений и труда как товара.

К неразберихе с «новыми формами капитала» и капиталом в смысле политэкономии добавляется смешение меновой «стоимости» в экономическом смысле, и той «стоимости (ценности)», источником которой служат знания (а также опыт, культура, общественные связи и т.д.). Стоимость «будет определяться исключительно непрерывным обновлением и творческой энергией человечества»²⁶, — пишет Антонио Негри. О том же говорит Бернар Польре: «Стоимость возникает главным образом из преобразований и инноваций»²⁷. Более глубокий уровень затрагивают слова Яна Мулье-Бутана: «Безвозмездная деятельность выше и ниже труда, который в политической экономии (всеми ее школами без исключения) считается единственно достойным вознаграждения, является основным источником стоимости»²⁸.

То есть как? О какой «стоимости» идет речь? О меновой, денежной, рыночной стоимости, которую только и знает политэкономия (все ее школы без исключения)? О стоимости редкостной новинки, которая приносит своим изобретателям ренту за новизну? Или о собственной ценности того, что желанно само по

²⁶ Negri A., Hardt M. *Empire*. Cambr. (Mass.): Harvard University Press, 2000. (Пер. на рус.: Империя / пер. с англ. под ред. Г. Каменской, М. Фетисова. М.: Праксис, 2004.)

²⁷ Paulré B. De la new economy au capitalisme cognitif // *Multitudes*. 2001. No. 5. P. 37.

²⁸ Moullier-Boutang Y. Richesse, propriété, liberté et revenu dans le capitalisme cognitif // *Multitudes*. 2001. No. 5. P. 24.

себе, и, значит, не может быть обменено как товар на другие товары? Разве слово «стоимость (ценность)» не употребляется и в смысле «богатство», как это иногда случается и с Марксом, когда он говорит о производстве «потребительских ценностей», в случае которых «меновая стоимость [должна перестать быть мерилем] потребительской стоимости»?²⁹ Другими словами, не идет ли здесь речь о стоимости, которая является уже не меновой стоимостью товаров, предназначенных для продажи, а о собственной стоимости (ценности) — «абсолютной ценности, ценности в себе», по выражению Канта, — которая, как, например, ценность произведений искусства не имеет никакого отношения к расходам на ее производство?

Все эти проблемы фокусируются в следующих словах Энцо Руллани: «В постфордизме знания также производят стоимость, поскольку создают смысл. Собственная ценность того, что создается, [...] становится так же важна, как и полученная на рынке денежная стоимость. Для музыканта, который “продает” музыку, результат измеряется [не только в деньгах, но и] в ценности работы, которая имеет смысл сама по себе»³⁰. Однако между этими двумя видами «стоимости/ценности» нет никакой пропорциональной зависимости (не говоря уже об отношении эквивалентности). Денежная стоимость никоим образом не отражает эстетическую ценность, которая, в свою очередь, никак не отражает трудовую стоимость. «Собственная ценность» по самой своей природе находится за пределами экономики. «Собственная ценность», в том числе витальные ценности в смысле Макса Шелера (сила, ловкость, здоровье, отвага), а также эстетические и этические ценности, несравнимы между собой и не могут быть

²⁹ Marx. Grundrisse. S. 593.

³⁰ Rullani E. Production de connaissance et valeur dans le post-fordisme / беседа с Антонеллой Корсани // Multitudes. 2000. No. 2. P. 109–110.

обменены на что-то другое. К ней применимо то, что Маурицио Лаццарато пишет в своем эссе о Габриэле Тарде относительно «истинностной ценности» книги: «Она по самому своему существу неуловима, не поддается присвоению, не может быть обменена, использована или поделена», причем независимо от продажной цены книги как материального товара. Эстетические и интеллектуальные создания, а также идеи не могут быть реально обменены или проданы, поскольку «тот, кто передает их другому, не теряет и не лишается того, что передает в распоряжение общества», и поскольку этот «обмен» обогащает все стороны: они обогащаются тем, что отдают. «Потребление знаний не разрушает их, а создает новые знания. Потребление и производство соединяются в потреблении знаний»³¹, а также художественных произведений и идей.

Итак, «экономика знаний» содержит в своем фундаменте отрицание капиталистической товарной экономики. Рассматривать ее как «новую форму капитализма» — значит затушевывать ее потенциал отрицания. Знание, неотделимое от способности знать, возникает одновременно с познающим субъектом. Оно является *истинностной ценностью*, прежде чем стать средством производства. Говоря точнее, не всякое знание пригодно для того, чтобы функционировать как *средство производства*, и знание, которое с самого начала и по своему назначению характеризуется лишь своей полезностью, отличается от прочего знания второсортностью или сомнительностью своей ценности. Одним словом, не все знания равноценны, а капитализм оценивает и использует то знание, чей утилитарный потенциал очевиден или хотя бы предвидим.

³¹ Lazzarato M. Travail et capital dans la production de connaissances: une lecture à travers l'œuvre de Gabriel Tarde / Éds. Azaïs, Corsani, Dieuaide // Vers un capitalisme cognitif. P. 159–160. См.: Corsani A. Ibid. P. 185; Lazzarato M. Puissances de l'invention. P.: Les Empêcheurs de penser en rond, 2000. P. 164–174.

Итак, согласно Лаццарато и Тарду, следует различать между знанием истины, знанием красоты и знанием мудрости, с одной стороны, и знанием инструментализированным, поддающимся «капитализации», — с другой. Поскольку всякое знание, даже инструментализированное (т.е. формализованное, практически-техническое), с необходимостью связано со знанием истины и способностью учиться и познавать, то всякое знание является не только источником богатства и смысла, но богатством самим по себе. Как *источник богатства* — оно представляет собой «производительную силу». Как *богатство* — оно источник смысла и самоцель. Быть производительной силой не является для знания ни *исключительным предназначением*, ни *основной целью*.

Различие между «производительными силами» и «средствами производства», между «богатством» и «стоимостью» указывает на границы инструменталистского мышления и служит обоснованием внутренней критики как когнитивного, так и промышленного капитализма. Наряду с культурой, мудростью, совместным знанием, художественными способностями и умением сотрудничать, знание является одновременно и богатством, и источником богатства, не имея само ни денежной, ни меновой стоимости. Как человеческая способность, оно является производительной силой, *не исчерпываясь этим* и не становясь необходимым *средством* производства. Значит, оно, как и другие человеческие способности, а также здоровье, жизнь и природа (ведь они тоже являются производительными силами, *не исчерпываясь этим*), относится к не поддающимся измерению богатствам, без которых не может обойтись система товарного производства, но которые не могут быть произведены ее методами и по ее логике.

Для политэкономии капитализма важнейшим фундаментом всегда было разграбление богатств в *собственном смысле* — т.е. богатств, которые не являются

ни данным природой общим достоянием, ни результатом человеческого общежития и кооперации. Важнейшая роль, которую признает за этим фундаментом Ян Мулье-Бутан, была отмечена еще Марксом в отрывке, звучащем на удивление современно:

В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая его подвижность покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть прогресс не только в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего³².

То, что Маркс называет «источниками всякого богатства», сегодня именуется «первичными богатствами», включающими как природные, так и культурные ресурсы. Сюда входят, например, здравый смысл, совместное знание, общественные позитивные экстерналии. Осознание того факта, что в основе любой экономики лежат первичные богатства, которые не производятся никакой промышленностью, не обмениваются ни на какой эквивалент и состоят из природного и культурного общего достояния, заставляет обратить внимание на «невидимую», не поддающуюся формализации «вторую» экономику. Без нее господствующая «первая» экономика не могла бы ни возникнуть,

³² Маркс К. Капитал. С. 514–515.

ни продолжать существовать. Она охватывает все не поддающиеся исчислению и оплате виды труда и отношений, где побудительным мотивом является спонтанная радость от свободного сотрудничества, свободной отдачи и общежития. Из нее возникает способность чувствовать, любить, держаться вместе и жить в мире с собственным телом, природой и людьми.

Только в этой *другой экономике*, которая в то же время является инобытием экономики, мы взаимно учим друг друга гуманности и создаем культуру совместного мышления и совместной жизни. Все более широкое разграбление и рыночный сбыт первичных богатств губят как природную среду жизни, так и культурные предпосылки общественного воспроизводства. Распад и децивилизация общества уже начались и будут продолжаться до тех пор, пока господствующий способ производства не будет заменен другим. Налицо признаки того, что перспектива такой замены зреет в недрах экономики знаний.

III. На пути к коммунизму знаний?

1. ЧТО ТАКОЕ БОГАТСТВО?

«Когнитивный капитализм» — это капитализм, переживающий крушение своих основных категорий. Эти категории — труд, стоимость и капитал — выражаются исключительно в обмене товаров и имеют общую субстанцию: измеримый в единицах времени абстрактный, товарообразный труд. Кристаллизованное в товаре среднее количество труда определяет в конечном счете отношение эквивалентности товара — его меновую стоимость.

Однако важнейшая производительная сила — знание — уже не допускает сведения к единому знаменателю и измерения в единицах стоимости и времени. Знание — это не обычный товар, его стоимость невозможно определить, его можно бесконечно бесплатно размножать, поскольку оно поддается компьютерной обработке, распространение повышает его плодотворность, приватизация снижает ее и противоречит самой сути знания. Подлинная экономика знаний должна была бы стать совместной, со-общественной экономикой, в которой основные категории политэкономии потеряли бы смысл, а важнейшая производительная сила была бы доступна без всякой платы.

Капитализм может устоять как капитализм знаний только в том случае, если он использует имеющийся в изобилии ресурс — человеческий интеллект, для того чтобы превратить это потенциальное изобилие в дефицит. Дефицит создается распылением знаний, помехами их распространению, обобществлению и закабаляющему принуждению к рыночному сбыту, которому подвергаются обладатели знаний.

Вследствие своих внутренних противоречий и непоследовательности, капитализм знаний представляется крайне неустойчивой, уязвимой, отмеченной культурными конфликтами и социальным антагонизмом формой общественного устройства. Но как раз эта неустойчивость и позволила ему развиваться в противоположных направлениях. Капитализм знаний — это не капитализм, подверженный кризисам, *он сам и есть кризис* капитализма, до глубин потрясающий общество.

Экономические симптомы этого кризиса проявились в долго продержавшемся «спекулятивном пузыре», а с 2001 г. — в том, как он лопнул. Лопнувший «пузырь» обнаружил, как трудно для капитализма превратить по самой своей сути не поддающуюся измерению и обмену стоимость «нематериального капитала» в денежную стоимость и заставить ее функционировать в качестве капитала. Денежный эквивалент как акций, так и нематериальных благ уже не соответствовал ничему, что можно измерить. Поэтому он отражал отношения силы, а не отношения эквивалентности.

Точно так же о глубинных изменениях свидетельствует то, что теперь консультанты фирм признают в позитивных экстерналиях важный источник богатства. В статье, подтверждающей в основном некоторые выводы Лаццарато, Мулье-Бутана, Негри и его коллег, Эрве Серье показывает, что предприятие вынуждено делать упор на разнообразие деятельности и многосторонние связи своего персонала, чтобы справиться со сложностью окружающей среды. Оно не может позволить себе оценивать своих сотрудников по их индивидуальному вкладу. Люди, которые при совместной работе над ими же намеченным проектом свободно координируются и соотносятся друг с другом, склонны стремиться превзойти друг друга. Как в группе фри-джаза, каждый чувствует, что другие вызывают его на соревнование: полнее проявить свои способности, понятливость, внимание применитель-

но к поставленной цели. Выживание предприятия в сложной среде зависит от этой способности самоорганизации, т.е. от способности предприятия «способствовать развитию коллективного и индивидуального интеллекта»¹.

Вклад отдельного индивида в коллективный результат при такой организации, разумеется, не поддается измерению. Понятие рабочего времени и объема работы теряют значение. Источником производительности выступает *организация, способствующая самоорганизации* и порождающая позитивные экстерналии, т.е. коллективный результат, превосходящий сумму индивидуальных планов.

Эрве Серье, как и инициаторы «свободного Интернета» и «Движения за свободное программное обеспечение», убежден в том, что «обучающая организация» может и должна стать парадигмой совершенно нового общества — «обучающего социума, где правила игры — конституция, законы и принципы коллективной жизни — должны быть устроены так, чтобы каждый гражданин мог в ходе своей деятельности учиться. Все вместе должны в ходе своей деятельности постоянно обеспечивать прирост оптимально распределяемого «валового общественного счастья». Перед нами — настоящий проект «общества интеллекта», в котором полное раскрытие способностей каждого является общей целью для всех.

Интерес статьи Серье заключается не в особо новаторском ходе мысли, а в том, что речь здесь идет о «выживании» и оптимальной эффективности. Он показывает, что экономическая разумность в эпоху «general intellect» (общего интеллекта) должна подчиняться другим мерилам и критериям, чем прежде. Ведь опти-

¹ *Sériey H. Organisation apprenante et complexité // Transversales. 2002. No. 2.* Эрве Серье — консультант по корпоративному управлению, президент консультативной компании «Картенэр».

мальная эффективность уже не достигается ни максимально возможными затратами непосредственного труда, ни максимальным вкладом каждого отдельного работника, ни даже увеличением прибыли. Следовательно, ее уже нельзя добиться, сделав измеримыми все факторы производства, чтобы максимизировать отдачу каждого. Экономическая целесообразность видится уже не в том, что раньше. Отныне она требует, чтобы обычные критерии доходности были подчинены критериям человеческого развития, т.е. принципиально другому типу целесообразности.

Таким образом, капитализм в развитии своих производительных сил достиг предела, за которым он должен был бы преодолеть себя самого, чтобы полностью использовать свой потенциал. *Потенциальный творец этого преодоления — сам «человеческий капитал», поскольку он стремится стать независимым от капитала.* Чуть позже мы увидим, с какой силой уже сейчас проявляется эта тенденция. В то же время не удивительно, что, как говорит Серье, «обучающих организаций мало». Для капитала господство над рабочей силой всегда было предпосылкой ее использования. С точки зрения капитала лучше отказаться от полной эксплуатации положительных экстерналий, чем от господства над рабочими.

Осознав решающее значение ресурсов, которые как коллективный интеллект не имеют эквивалента, не поддаются количественному исчислению и измерению, и, следовательно, не могут выступать объектами обмена на рынке, мы сразу сталкиваемся с совершенно другим пониманием богатства и целей человеческой деятельности. Обнаруживается, что существуют богатства, которые являются самоценными, и что они разрушаются экономикой, знающей лишь товарную стоимость. Подчинение всей деятельности и всех богатств духу выгоды лишает осмысленности всякую деятельность и общественные отношения и порождает негативные экстерналии, затраты на которые

система не может и не хочет оценивать. Связь между «больше» и «лучше», т.е. между «стоимостью» (в экономическом смысле) и «богатством», оказывается разорвана. Денег людям нужно все больше, а живут они, тем не менее, все хуже. Именно это обстоятельство и обыгрывает Эрве Серье, противопоставляя «валовое социальное счастье», которое, разумеется, не имеет меновой стоимости, валовому социальному продукту, измеряющему товарооборот. Богатство становится понятием, требующим нового определения и изъятия из-под власти экономических категорий².

Как исходный пункт и фундамент для этого нового определения я бы использовал тот короткий пассаж из «Экономических тетрадей», которым, словно внезапным озарением, Маркс увенчивает свой очерк истории экономических систем:

На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*³.

² Необходимость заново определить это понятие — центральная тема доклада Программы развития ООН за 1998 г., а также работ Амартия Сен. См. также: Méda D. Qu'est-ce que la richesse?; Viveret A. Reconsidérer la richesse. P.: La Documentation française, 2001; Transversales. 2001. No. 70. В продолжение доклада Вивре см. также: Roustang G. Démocratie: le risque du marché. P.: Desclée de Brouwer, 2002. P. 158–168.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

Особенно интересно, что этот пассаж определяет преодоление капитализма как необходимость преодоления продуктивизма. Экономика перестает господствовать над обществом, а человеческие силы и способности становятся уже не *средствами* для производства богатства, а самим богатством.

Источник богатства — деятельность, развивающая человеческие способности, а именно «труд» самосоздания, который выполняют индивиды, каждый в отдельности и все вместе во всеобщем и всестороннем обмене. Развитие человеческих способностей — это одновременно цель деятельности и сама деятельность. Здесь нет различия между целью и всегда незавершенным стремлением к этой цели.

Происходит фундаментальный переворот: не человек служит развитию производства, а производство служит человеческому развитию, т.е. самосозданию. Различие между производством и *самопроизводством*, или *работой над собой*, в конце концов стирается. Производительный труд осуществляется так, что он служит, прежде всего, «развитию богатой индивидуальности», «столь же многосторонней в производстве, как и в потреблении, и труд которой предстает уже не трудом, а полным развитием деятельности как таковой»⁴. Отказ от продуктивизма влечет за собой новое отношение ко времени, к собственному телу и к природе. Оно отражается в развитии «способности к досугу и наслаждению» (*Mussefähigkeit*), художественных и иных неинструментальных способностей.

2. ДИССИДЕНТЫ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Общество, цель которого — полное развитие каждого, определяет себя по существу как культурное общество, как общество, задачей и важнейшей ценностью которого является культура в смысле образованности.

⁴ *Marx K. Grundrisse. S. 231.*

Под образованностью понимается развитие способности самовыражения и сенсорных, эмоциональных и физических способностей. Мы используем слово «образованность» в том же смысле, что Доминик Меда, — как «воспитание интеллекта и постоянную обработку, углубление и оформление данных нам природой способностей и полученного нами индивидуального и социального наследия»⁵.

Если доказано, что это новое определение богатства — тот смысловой горизонт, в котором обнаруживается кризис основных категорий политэкономии и в особенности кризис понятий капитала и стоимости, то «прежде всего нужно, — как пишет Патрик Вивре, — найти людей и группы, которые играют или будут играть важную роль в распространении идеи, что человечество вступило в новую эру и нуждается в ходе этих великих перемен в новых понятийных, культурных и этических рамках»⁶. Следуя статье Эрве Серье, я предположил, что «потенциальное действующее лицо преодоления (капитализма, в ходе движения к новой экономике) — это сам “человеческий капитал”, поскольку он стремится эмансипироваться от капитала». Эта тенденция наиболее ясно проявляется в борьбе, которую ведут в самых недрах власти капитализма зачинщики «Движения за свободные программы» и «свободного Интернета». В их лице, по крайней мере, часть тех людей, которые представляют собой «человеческий капитал» на его высшем техническом уровне, сопротивляются приватизации доступа к «общему достоянию человечества» — к знанию во всех его формах. Речь идет о движении социальных и культурных диссидентов, которые открыто требуют нового взгляда на экономику и общество. Оно играет стратегическую

⁵ Méda D. Qu'est-ce que la richesse? 1999. P. 325–335.

⁶ Viveret P. L'humanité est-elle un 'bien' pour elle-même? // Transversales. 2001. No. 66. См. также: Reconsidérer la richesse // Partage. 2002. No. 158.

роль ввиду того значения, которое работники нематериального труда — американцы называют их «knowledge class» — приобретают в ходе этой общественной метаморфозы.

Петер Глотц разбирает этот вопрос в книге с красноречивым названием «Ускоренное общество. Культурная борьба в эпоху цифрового капитализма»⁷. Он наметил новый классовый анализ, основываясь на американской налоговой и социо-профессиональной статистике, на которую опираются также такие авторы, как Кристофер Лэш, Роберт Райх и Джереми Рифкин.

Факты, приводимые этими авторами, показывают, что никогда еще власть и богатство не были сконцентрированы в столь немногих руках. Менее 0,5% американцев, т.е. 843 тыс. семей, владеют 56,2% реального имущества и 37,4% финансовых активов. Под этим слоем сверхбогачей располагается слой новых работников знания, к которым принадлежат, между прочим, «аналитики символов» (symbolic analysts). Это 3,8 млн человек или 4% работающего населения. Они руководят цифровой экономикой высоких технологий. Доход этих 4% равняется доходу 51% (49,2 млн) трудящихся, стоящих на нижних ступенях пирамиды доходов. К этой элите «сектора знания» (knowledge elite) нужно прибавить еще 16% людей, занятых интеллектуальными профессиями. Итак, все работники знания составляют 20% работающего населения и делят между собой половину валового социального продукта.

Однако не стоит, предупреждает П. Глотц, торопиться с выводом, что эти 20% составляют всю совокупность работников нематериального труда или, что то же, что все работники нематериального труда попадают в эти 20% наиболее обеспеченных. Нужно иметь в виду, что более 90% плодов пятнадцатилетне-

⁷ Glotz P. Die beschleunigte Gesellschaft. Kulturkämpfe im digitalen Kapitalismus. Mü.: Kindler, 1999.

го экономического роста попали в руки 5% населения и, что еще хуже, 60% достались всего 1%. Доходы 80% населения, напротив, уменьшились, и «средний класс» значительно сократился. Поляризация населения привела к возникновению нового постиндустриального пролетариата, который, по подсчетам Глотца, составляет примерно треть населения. Этот пролетариат «включает в себя, в отличие от пролетариата индустриальных обществ, значительную часть диссидентов, которые, имея высшее образование, критически настроены к «цифровому капитализму» и его культуре «всё быстрее, всё больше». Согласно опросу «Wall Street Journal», «более 35% молодых выпускников высшей школы вынуждены были пойти на работу, которая не требует высшего образования. [...] Никогда еще со времен Второй мировой войны рынок труда для выпускников высшей школы не был так узок»⁸.

Ново и интересно в этом то, что часть высококвалифицированных специалистов по информатике объединяются с постиндустриальным пролетариатом в общем отвержении «культуры наносекунд», т.е. лозунга «быстрее!». Господствующий класс (те самые 0,5%), несомненно, сумел создать для себя научно-техническую элиту, необходимую капитализму. Однако не все, кто входят в эту элиту, даже если они полноценно участвуют в ее труде, готовы посвятить ей всю жизнь. Значительная часть компьютерных специалистов самого высокого уровня знают, что с возраста 30 или 35 лет им грозит синдром «перегорания» (burn out), своего рода душевная усталость, из-за которой работа, сложность которой раньше побуждала их к творческим решениям, вдруг начинает казаться скучной, утомительной и бессмысленной. Поэтому многие в период интенсивной работы готовятся к тому, чтобы продать созданное ими предприятие, жить на запасы капитала и лишь дважды в неделю, в основном добровольно,

⁸ Цит. по: Rifkin J. The End of Work. 1995.

осуществлять консультативную деятельность. Отношения с коллегами на личном уровне у них по большей части коллегиальные и мирные, какой бы ни была конкуренция на уровне профессиональном.

Граница между цифровой элитой и цифровым пролетариатом очень проницаема. В одной и той же профессиональной группе есть молодые миллионеры на пенсии, молодые выпускники высшей школы, которые не желают всем жертвовать ради карьеры, и фрилансеры, работающие неполное время, потому что у них мало клиентов или потому, что они не хотят бороться за место на рынке. П. Глотц пишет:

Действительная новость — это добровольный отток: все больше людей отворачиваются от культуры наносекунд. [...] Все большее число молодых людей отказываются от карьеры, повышению зарплаты предпочитают увеличение свободного времени, добровольно уходят с полной ставки на две трети и сознательно отвергают трудовые добродетели индустриализма. [...] Фенотип этой категории — учитель, работающий на 2/3 ставки и глубоко убежденный в том, что его интерес к детям и семье в сотни раз ценнее, чем работа какой-нибудь «майкрософтовской крысы», сидящей над Java-скриптом и гипертекстами. [...] Чем сильнее цифровой капитализм будет определять нашу реальность, тем больше будет так называемых downshifters, т.е. желающих добровольно «сойти с гонки». [...] Из недр этой группы возникнет и новое (по крайней мере, по-новому скомпонованное) мировоззрение. [...] Борьба между цифровым пролетариатом и цифровой элитой будет вестись не из-за отдельных технократических или экономических концептов [...], а по принципиально и эмоционально нагруженным вопросам образа жизни. [...] Предметом дискуссии окажется вся социальная этика современного капитализма⁹.

Я так подробно цитирую П. Глотца, потому что у этого проницательного наблюдателя нашего времени

⁹ Glotz P. Die beschleunigte Gesellschaft. 1999.

я обнаруживаю мою идею «постиндустриального неопролетариата», в котором я предвидел главное действующее лицо грядущего культурного антипродуктивистского и антигосударственного переворота¹⁰. Новым по сравнению с тем временем оказалось то, что в связи с развитием Интернета и «Движения за свободные программы» этот неопролетариат стал геометрическим центром, откуда и куда исходят и направляются все радикальные нападки на глобализованный и все более финансовый капитализм.

И в самом деле, свободные программы — это средство, с помощью которого можно строить сеть, но это и средство коммуникации, распространения, обобществления и производства знания, идей и деятельности. Это средство производства и обмена, которое недоступно власти капитала и стоит вне товарных и денежных отношений. Оно не просто позволяет коллективное усвоение, обобществление и свободный доступ для всех, оно даже требует их, поскольку его эффективность и его собственная ценность тем выше, чем больше количество его пользователей. Потенциально универсальное сообщество пользователей-производителей свободных программ и свободного Интернета создает общественные отношения, которые означают практическое отрицание капиталистических отношений.

Штефан Мертен, основатель группы и сайта *Oeкопих*, исследующей «альтернативную экономику и общество за пределами труда, денег и обмена», подчеркивает, что многие создатели свободных программ занимаются своей работой исключительно ради личной самореализации: «Личное самораскрытие, самосоздание является сознательной целью на всем протяжении производственного процесса»¹¹. «Разработчиком

¹⁰ Gorz P. Adieux au prolétariat. Au-delà du socialisme. P.: Galilée, 1980.

¹¹ Logiciel libre et éthique du développement de soi // *Multitudes*. No. 8. Интервью Дж. Ричардс со Ш. Мертенем. 2002.

свободной программы движет исключительно желание общаться, действовать совместно, осуществлять социализацию и специализацию не за счет обмена услугами, а через отношения симпатии», — пишет и Маурицио Лаццарато¹².

А вот, как анализирует тот же аспект финский социолог Пекка Химанен:

Для хакеров вроде Торвальдса [одного из главных инициаторов «Движения за свободные программы»] исходным пунктом являются не деньги и не работа, а страстная увлеченность и потребность создать совместно с другими нечто общественно ценное, вызывающее уважение коллег. Деятельность хакера основана на этике добровольного сотрудничества, в ходе которой каждый меряется с другими качеством и потребительской стоимостью вклада, брошенного в общий котел и добровольно соотносит свои действия с действиями других. Здесь ничего не производят в расчете на рыночный сбыт. Меновая стоимость совершенно не учитывается, важна лишь потребительская стоимость, которая по самому своему существу неизмерима. Здесь нет принципа «даю, чтобы мне дали», как «нет и ни малейшей потребности в обоюдности: здесь дают, что хотят, и берут то, что каждому нужно» (Мертен). В отличие от «цифровой аристократии», сообщество хакеров отвергает всякий продуктивизм в принципе. Разные стороны жизни — работа, семья, друзья, хобби — комбинируются так, чтобы работа никогда не занимала центрального места. [...] Средоточием жизни является удовольствие и индивидуальное творчество¹³.

Итак, в этике и эстетике хакеров, точнее «Движения за свободные программы», мы находим *практическое применение концепции богатства, «отбросившего ограниченную буржуазную форму»* (Маркс): «труд»

¹² Lazzarato M. Travail et capital... / Éds. Azaïs, Corsani, Dieuaide // Vers un capitalisme cognitif.

¹³ Himanen P. L'éthique hacker. P.: Exils, 2001.

превращается в «индивидуальную деятельность». Производство служит «развитию основной производительной силы — человека» и — тут нам вспоминаются последние слова «Коммунистического манифеста» — «самораскрытие других людей является условием самораскрытия индивида».

«То, что в других местах называют хобби, здесь — вершина развития производительных сил», — пишет Штефан Меретц в короткой статье, резюмирующей основные темы обширной, доступной в основном в Интернете литературы.

Наблюдая за «Движением за свободные программы», понимаешь: антагонизм существует не между трудом и капиталом, а между самораскрытием и самосбытом. Свободное программное обеспечение может развиваться лишь вне кибернетической машины стоимости. Если самораскрытие хочет быть неограниченным, ему нужен контекст, освобожденный от тирании стоимостной оценки. Свободное программное обеспечение неэкономично, более того, оно антиэкономично — и именно в этом его превосходство¹⁴.

Другими словами, оно находится за пределами логики товара, меновой стоимости и сбыта и радикально противится ее господству.

Развитие свободного способа производства в «Движении за свободные программы», замечает Меретц далее, «не случайность» и «не аномалия капитализма. Такое развитие возникает с необходимостью», поскольку человек не только является, как это было раньше, основной производительной силой *в себе*, используемой для отчужденной цели «труд», но и *познает себя*

¹⁴ Meretz S. Freie Software. Über die Potenziale einer neuen Produktionsweise // Widerspruch. 2003. No. 45. Подробное рассмотрение намеченных здесь тем см.: Zur Theorie des Informationskapitalismus // Streifzüge. 2003. No. 1/2; а также основанный Ш. Мертенсом интернет-форум www.oekonux.de.

в экономике знания как основную производительную силу и осознает тот факт, что его самораскрытие превращается в важнейшее основание богатства и создания богатства. Тем самым «свободный способ производства» — это «одновременно *результат* и *конец* капиталистического развития».

Отношения знаний и производство знаний указывают выход из товарных отношений и товарного общества, стоит им получить возможность свободного развития без принуждения к рыночному сбыту. Разработчики «свободных программ» и «свободного Интернета» непосредственно ощущают конкретные возможности этого выхода и в то же время натываются на границы, которые стремится поставить их деятельности правящая власть. Это борьба за все общество в целом. В этой борьбе участники «Движения за свободные программы» всегда стоят одной ногой в лагере противника. Они постоянно сталкиваются с распространителями коммерческого программного обеспечения, поскольку не могут жить совсем вне денежных, товарных и обменных отношений, хотя и ощущают возможность выхода за эти пределы в своей работе. Как и прочие «работники умственного труда», они ощущают свое положение как постоянное испытание на прочность, а понуждение к рыночному сбыту — как невыносимое ограничение своего потенциала.

Перед ними встает вопрос, как распространить принципы свободного способа производства на прочие виды общественно значимой деятельности, как превратить «труд» во всеобщий коммуникативный процесс взаимопонимания, который бы воспринимался всеми участниками как их общее достояние, а результаты в принципе не допускали бы приватизации. По вопросу, что, как и с какой целью производить, объединенные в единую сеть производители-пользователи должны иметь возможность договориться между собой без посредства рынка, и «с само-

го начала, — пишет Вольф Гёринг, — предпринимать производство как общую деятельность. Таким образом, деньги станут не нужны и у капитала будет выбита почва из-под ног»¹⁵.

Капитализм знаний порождает в себе и из себя перспективу своей возможной отмены. В его недрах зреет зародыш коммунизма, «реально существующая анархо-коммунистическая экономика безвозмездной отдачи», как называл ее Ричард Барбрук, оспаривающая у капитала стратегически важную область распространения знаний и доступа к ним. Мы говорим не о чисто умозрительной перспективе. Мы говорим о практике, проводимой на самом высоком уровне людьми, без творческого коммунизма которых капитализм уже не может обойтись. Ш. Меретц пишет:

Ростки нового всегда пробиваются в недрах старого. Они набирают силу, приобретают внутри старой системы функцию, которую уже нельзя игнорировать, затем их роль становится ведущей и в конце концов они пре-

¹⁵ *Göhring W.* E-Commerce und was kommt danach? (май 2000), а также: *Die gesellschaftliche Bedeutung von Informations- und Kommunikationstechnik als besondere Produktivkraft.* (сентябрь 2002), Fraunhofer Institut für autonome Intelligente Systeme AIS, D-53754 Sankt Augustin (см. также www.ais.fraunhofer.de/~goehring). Процесс взаимной договоренности должен происходить, разумеется, не только между отдельными производителями, но и, главным образом, между муниципальными кооперативами снабжения и самоснабжения, а также — на областном уровне — между входящими в общую сеть муниципальными группами. Ср.: «Прочные нетоварные структуры возникают только в том случае, когда выстраивается глобальная сеть местных и областных производственных объединений, которые поддерживают друг друга, обмениваются опытом, знаниями и производственными навыками, и «last but not least» со временем образуют важный противовес распадающимся рыночным и государственным структурам. [...] Против них возникает множество жалоб, за них приходится бороться». *Trenkle N.* Die globale Gesamtfabrik: ein irres Unternehmen // *Krisis.* 1995. No. 15.

вращают старую систему целиком в нечто новое, где все подчинено новой доминантной функции. Описанное развитие типично для *диалектических* процессов развития. [...] Конечно, «Движение за свободные программы» как таковое и как зародышевая форма свободного обобществления сможет утвердиться только в том случае, если оно действительно сделает шаг от *вещи в себе* к *вещи для себя*, — а никаких гарантий этого не существует¹⁶.

3. «ДРУГОЙ МИР ВОЗМОЖЕН»

Позже нам придется остановиться подробнее на вопросе о сущности, передаче и способах раздела знаний. Пока нам важно отметить, что активные сообщества свободных программ принадлежат к сети воинствующих движений, которые хотят продемонстрировать возможность другой жизни и другого мира. «Реально существующий анархо-коммунизм» «свободных» — это практика, а не программа. *Практика и есть программа*. Цель не лежит за пределами действия. Именно по этому принципу действуют и другие участники движения против «превращения мира в рынок»: они хотят «изменить мир, не захватывая власть»¹⁷, а делая власть господствующих учреждений и структур беспредметной и необоснованной; противопоставляя мировому влиянию капитала все расширяющиеся автономные сферы; возвращая себе то, что капитал отнял у граждан. Такое впечатление, что «Движение за свободные программы» и другие движения, такие как «Reclaim the Street», «Ya Basta!», «People's Global Action»,

¹⁶ Meretz S. Produktivkraftentwicklung und Aufhebung. Die Keimformhypothese im Diskurs // Streifzüge. 2001. No. 2, или www.opentheory.org/keimformdiskurs.

¹⁷ «Change the World without Taking Power» — это название книги Джона Холлоуэя (Holloway) (London: Pluto, 2002), содержание которой, однако, не оправдывает названия. Зато книга Benasayag M., Sztulwark D. Du contre-pouvoir (P.: La Découverte, 2000) полностью соответствует по тематике заголовку Холлоуэя.

«Un autre monde est possible» («Другой мир возможен»), «Via campensina» или «Запатистская освободительная армия» (которая, кажется, не произвела ни единого выстрела, однако сумела сплотить дюжину других движений вокруг общей хартии), — все суть составляющие одного и того же движения, постоянно разделяющегося и вновь объединяющегося, чьей общей матрицей являются свободные сети: неиерархические, горизонтальные, децентрализованные сети, которые строятся на принципе консенсуальной демократии, по которому каждое предложение должно быть взвешено, обсуждено, разработано и обогащено общими усилиями всех.

Не приходится ждать революции, которая насильственно свергнет существующую систему извне и сверху¹⁸. Как пишет Паскаль Жоливе по поводу книги Химанена:

Капитализм может функционировать только в том случае, если существуют поля деятельности, в которых человеческое поведение освобождается от капиталистической логики. [...] Этот парадокс — один из центральных для нашей эпохи. [...] Проблема, с которой сталкиваются предприятия в новой цифровой экономике, состоит в том, что успех капитализма возможен лишь в том случае, если среди большей части исследователей сохраняется коммунизм¹⁹.

«Коммунизм исследователей» или анархо-коммунизм свободных сетей, конечно, представляет собой парадигму возможного нового мира только в том случае, если распространится в социальном теле и ускорит его реструктуризацию. Изменения мирового масштаба станут возможны только в том случае, если

¹⁸ Cp.: We Are Everywhere. The Irresistible Rise of Global Anti-Capitalism. London: Verso, 2003.

¹⁹ Jollivet P. L'éthique hacker de Pekka Himanen // Multitudes. 2002. No. 8.

их поддержит определенного типа коалиция. Если революции совершаются, то они совершаются союзом самых угнетенных с теми, кто острее всех осознает отчуждение за себя и за других. Этот союз проявляется в многоликом движении за «новый мир», за иную глобализацию. Многообразие его компонентов обеспечивает целая армия дружественных ему интеллектуалов: экономистов, писателей, художников и ученых. Они становятся радикалами, общаясь с оппозиционными профсоюзами, постиндустриальными неопролетариями, культурными меньшинствами, обезземеленными крестьянами, безработными и лишенными прав. Культурный конфликт в реальности связан в весьма политическими темами. Эксперименты с альтернативным образом жизни и новыми общественными отношениями в трещинах распадающегося общества подрывают и делают необоснованным контроль, которому капитализм подвергает человеческий дух и плоть. Принуждения и ценности капиталистического общества перестают восприниматься как естественные и высвобождают энергию воображения и желания.

4. МНОГОЗНАЧНОСТЬ «ПОСОБИЯ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ»

Может показаться парадоксальным, что я продолжаю поддерживать требование «пособия на существование» и при этом радуюсь перспективе общества по ту сторону рынка, денег и отношений обмена. Однако не трудно показать, что требование пособия на существование — это, по сути, прямая атака на закон стоимости и общество товара и труда. Ведь это требование означает, что «труд» как источник богатства все больше теряет значение, и между богатством и «ценностью» разверзается все более глубокая пропасть. Оно также означает, что смысл и качество жизни все больше и больше зависят от подлинных богатств, которые не производятся и не приобретаются в форме

товара и стоимости, а возникают исключительно в результате свободной деятельности, не имеющей целью ни умножение денег, ни заработок. Следовательно, вполне очевидно, что пособие на существование — это не обычные деньги, и оно не может финансироваться из дополнительного налога на выколачиваемую предприятиями прибавочную стоимость. Экономика, производящая все больше товаров посредством все меньших затрат производящего капитал труда, экономика, которая благодаря повышению производительности даже при росте производства распределяет все меньше платежных средств, не может финансировать растущие социальные выплаты налогообложением зарплат и прибавочной стоимости.

Следовательно, заработная плата — переменный капитал — не может оставаться важнейшим средством распределения произведенного богатства. Деньги в их традиционной форме должны быть дополнены или заменены другими средствами распределения. Их мистический ореол гаснет. Требование пособия на существование указывает, по сути, на необходимость новой экономики, на конец денежного фетишизма и рыночного общества. Оно предвещает падение политэкономии, основанной на непрочном фундаменте труда, и отчасти подготавливает к ее краху. В нем содержится огромный эвристический потенциал.

Поэтому современное требование пособия на существование не имеет почти ничего общего с его прежними формами, ориентированными на государственно-социальное перераспределение вновь созданной стоимости. Большая часть его современных сторонников указывает на то, что оно способно объединить в антикапиталистической перспективе широкий спектр общественных сил.

Привлекательность и обаяние требования пособия на существование состоит как раз в том, что оно позволяет заключить политический союз весьма разнород-

ному спектру реформаторских сил, от обществ защиты окружающей среды и природы, профсоюзов, женских объединений и представителей благотворительных ассоциаций до настроенных против всяких учреждений рабочих групп на предприятиях, организаций безработных, получателей социальной помощи и мигрантов. Как раз возникновение такого общественного союза «прогрессивных сил» представляется в настоящее время важнейшим условием, позволяющим хотя бы помыслить возможность выхода за пределы капитализма²⁰.

Чтобы принять такую перспективу, требование должно относиться прежде всего к гарантии *достаточного* дохода. Ведь недостаточное обеспечение основного дохода означает дотацию в пользу работодателя: оно позволяет ему получать труд по ценам ниже прожиточного минимума. Гарантия безусловного и достаточного дохода должна сразу же обозначить, что зависимый труд — не единственная форма создания богатства и не единственный вид деятельности, имеющий признанную общественную значимость. Гарантия достаточного дохода должна поддержать растущее и потенциально господствующее значение этой другой экономики, которая создает подлинные, не поддающиеся измерению и обмену богатства. Она должна характеризовать разрыв между созданием богатства и созданием стоимости. Она должна привлечь внимание к тому, что пособие по безработице не означает ни бездействия, ни бесполезности для общества, а лишь бесполезность для прямой рыночной реализации капитала.

Коллективное сознание, пропагандируемое движениями и профсоюзами безработных, а именно, что все мы «потенциальные безработные, временно трудоустроенные и получатели пособия по безработице», означает не только то, что всем нам нужна защита на

²⁰ Hentel R. Exit Paradise. Die strömende Linke und das Existenzgeld // Express. 1999. No. 4.

случай перерывов в трудовой деятельности, но и то, что мы имеем право на социальное существование, не исчерпывающееся этой трудовой деятельностью и не совпадающее с ней. Это означает, что все мы не прямым и не видимым глазу образом вносим вклад в производительность экономики, в том числе и в периоды перерывов и нерегулярности трудовой деятельности. Общественно производимое богатство — это коллективное достояние, где особый вклад каждого отдельного члена коллектива сегодня меньше чем когда-либо поддается измерению. Право на достаточный, безусловный и всеобщий доход отвечает в конечном счете обобществлению части того, что сознательно или бессознательно произведено каждым.

Поскольку растущая часть «рабочей силы» уже не нужна и бесполезна для производства «стоимости», человеческая деятельность может и должна развиваться вне отношений капитала и против них, выражаясь в создании ценностей в себе и не переводимого в денежный эквивалент богатства. Достаточный и гарантированный доход — условие такого развития. Это подтверждают тексты движения «АС!»^{21(★)}, как и дальнейшее распространение «хакеровской этики». «Для большинства (безработных), — говорит, например, Лоран Гийото, — речь идет не о том, чтобы отстаивать иллюзорный возврат к полной занятости, а о том, чтобы найти и испытать полноценное применение для своей жизни»²². Документ движения «АС!» поясняет:

Для нас гарантированный доход — это не милостыня и не деньги «за безделье», что означало бы обязательство «что-нибудь делать» (т.е. работать!). Для нас гарантированный доход — это наше право. И если мы этого права

^{21(★)} «Agir Contre le Chômage!» (Действовать против безработицы). Игра слов: «АС!» читается как Assez!, т.е. хватит, довольно.

²² Интервью Я. Мулье Бутана с Р. Гийото из движения «АС!»: Futur antérieur. 1997–1998. 43: 3.

требуем, то потому, что мы так или иначе участвуем в создании общественного богатства — или, по крайней мере, могли бы в нем участвовать, если бы у нас были необходимые для этого средства. [...] Мы производим безвозмездное общественное богатство [...], которое в различных формах состоит из коллективной самоорганизации, систем взаимопомощи и взаимоподдержки, которые помогают нам справляться с повседневными проблемами, обмениваться знаниями и организовывать начинания, помогающие нам избавиться от нищеты и скуки. [...] Мы хотим создать для себя средства, позволяющие развернуть деятельность, обогащающую бесконечно более, чем та, которой нас заставляют ограничиваться²³.

В этом тексте обращает на себя внимание переход от экономического обоснования гарантированного дохода к его неэкономическому, политическому обоснованию. Сначала он обосновывает право на гарантированный доход тем, что безработные производят «безвозмездное общественное богатство». Значит, гарантированный доход следует рассматривать как «оплату» производительной деятельности? Но эта идея тут же отбрасывается: произведенное общественное богатство состоит из различных форм социальных связей, ценных самих по себе. Но если людям платят за то, что они производят эти социальные связи, то это производство становится *условием* гарантированного дохода. Из-за этого он не только перестает быть безусловным, но и более того: употребление этого дохода получателями оказывается подчинено административным предписаниям или, по крайней мере, контролю. Это возвращает нас к концепции «социальных работ», за которые выплачивается «социальная оплата».

Поэтому, если идея связать гарантированный доход с «обязательством что-нибудь делать» и с оплатой

²³ Commission revenu «AC!». 24 октября 1998. (Пер. на нем.: Hg. H.-P. Krebs, H. Rein // Existenzgeld. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2000.)

этого «чего-нибудь» отвергается, значит, безусловно гарантируемое пособие на существование относится к «средствам, позволяющим развернуть деятельность, обогащающую бесконечно более [чем и т.д.]», т.е. такую деятельность, которая *является* не поддающимся измерению и обмену богатством. Это напоминает разрыв между экономическим богатством в форме стоимости и богатством, «отбросившим ограниченную буржуазную форму». Здесь перед нами то же переворачивание отношений деятельности и дохода, что и в «Движении за свободные программы». Доход понимается уже не как вознаграждение или оплата за создание богатства, а как то, что позволяет развивать деятельность, *производство которой само по себе является продуктом*. Доход — это то, что «позволяет творцам творить, а изобретателям изобретать. То, что позволяет большому числу действующих лиц, которые не нуждаются для совместной работы ни в предприятиях, ни в цеховом мастере или работодателе, изобретать общество и создавать социальные связи в форме сети безвозмездной совместной работы»²⁴.

Одним словом, гарантированный доход призван обеспечить возможность разнообразной деятельности вне рынка, конкуренции и нормирования, ту деятельность, которая не может быть предметом обмена и не производит ничего, что можно было бы обменять, измерить или перевести в денежный эквивалент. В этом заключается значение принципа безусловности: он должен защитить самооценку не поддающейся измерению деятельности от всякого предварительного социального определения и предписания. Он должен воспрепятствовать тому, чтобы эта деятельность предписывалась сверху как условие права на пособие на существование и чтобы ее превратили в *средство* зарабатывать на жизнь. Он должен воспрепятствовать

²⁴ Moulier-Boutang Y. Propriété, liberté et revenu dans le 'capitalisme cognitif' // Multitudes. 2001. No. 5.

тому, чтобы добровольная деятельность была вменена безработным в обязанность. Он должен превратить «развитие всех творческих способностей» в «самоцель, не измеряемую никаким заранее заданным мерилom», и которую преследуют, потому что *хотят этого*, а не потому, что человек должен превратиться в работника, самостоятельно сбывающего свою продукцию.

Уже в 1968 г. в статье «Гарантированный основной доход необходим, но недостаточен» Михаэль Опилка замечал, что основной доход должен «выходить за пределы капиталистически-индустриальной системы». В частности, он должен быть связан с «осуществимым правом на собственные средства производства», иначе он остается «в тенетах капиталистической логики»²⁵. Иначе говоря, он должен указывать на «свободный способ производства» и, как говорит Гийото, *«дать нам средства, позволяющие развернуть деятельность, бесконечно более богатую содержанием»*. Поэтому так называемое пособие на существование нельзя рассматривать как обычные деньги на потребительские расходы, посредством которых неработающие покупают на рынке все необходимое. Свой настоящий смысл оно получает только в том случае, если дополняется созданием объединенных в сеть муниципальных кооперативных учреждений самообеспечения на основе высоких технологий, «коммунальных кооперативов», как называл их Мюррей Букчин^{26(*)}, которые договариваются о цели и координации своего производства.

Пособие на существование служит в этом контексте не продолжению зависимого от товара существования, а в конечном счете распределению предметов, которые могут производиться только в порядке над-

²⁵ *Opielka M., G. Stalb G. / Hg. G. Vobruba. Das garantierte Grundeinkommen. Fr.a.M.: Fischer, 1986.*

^{26(*)} Murray Bookchin (1921–2006) — видный американский либертариист и политический эколог русского происхождения.

регионального разделения труда и без которых локальное самообеспечение оказывается невозможным. «Неверно было бы полагать, будто создание самостоятельных структур воспроизводства, представляющих из себя нечто большее, чем выведенное из-под контроля государства управление по делам бедняков [...], может установиться мирно наряду с находящейся в постоянном кризисе логикой товарного производства и политики»²⁷, — пишет Норберт Тренкле. Они обретают свое настоящее значение «на фоне фундаментального кризиса мирового рынка», который в обозримом будущем будет углублен намечающимся кризисом энергоносителей. В ситуации тотального экономического краха (как в Аргентине в 2001–2002 гг.) они могут получить весьма быстрое развитие.

²⁷ *Trenkle N. Die globale Gesamtfabrik...*

IV. На пути к постчеловеческой цивилизации?

1. КАКОЕ ЗНАНИЕ? КАКОЕ ОБЩЕСТВО?

Предшествующая глава подвела нас к пониманию того, что настоящим обществом знания был бы некоторый коммунизм знания, в котором создание богатства было бы равнозначно свободному всестороннему развитию человеческих способностей, включая способность к досугу и наслаждению. Свободный способ производства знания вылился бы в общинную экономику, где социальные отношения были бы противоположны товарно-денежным отношениям стоимости в политэкономии капитализма.

Общество знания было бы «обществом культуры» в том самом смысле, в каком определяет «культуру» Оскар Негт: как «почву социальных смыслов» и «царство самоцелей»¹. Очевидно, что знание, о котором здесь идет речь, не сводимо к формализуемым сведениям и технологиям информационных знаний, присущим «информационному обществу», которое часто отождествляют с обществом знания.

Знание, если понимать его как «информацию», «исчезает за аппаратом, необходимым для его овеществления», — пишет Райнер Фишбах². — Оно предстает субстанцией, которую можно извлекать из человеческого мозга и перегонять в аппаратуру, позволяющую

¹ Negt O. Arbeit und menschliche Würde. Göttingen: Steidl Verlag, 2001.

² Fischbach R. Die Phantome der Wissensgesellschaft // Widerspruch. 2003. No. 45.

манипулировать знанием, транспортировать и консервировать его», превращая в прибыльный патентованный фактор производства. В таком случае знание трактуется как комплекс формализованных сведений, как мертвое, оторванное от всякого носителя и отрезанное от социальной жизни средство производства, которое, как и мертвый труд, накопленный в машинах, предназначено для использования и извлечения прибыли. Для своего продуктивного использования мертвое знание уже не нуждается в том, чтобы его кто-нибудь знал и понимал. Производство знания, которым занята индустрия знания, направлено на то, чтобы сделать человеческие способности по возможности заменимыми, вплоть до искусственного интеллекта и искусственной жизни — пока не окажется, как предвидел Гюнтер Андерс^{3(*)}, что «человек устарел».

Существует кровное родство между инструментально-когнитивной отделенностью формализованного научного от живого опытного знания, с одной стороны, и господством капитала, нацеленным на абстрактное приумножение стоимости, с другой. Оба методически исключают все, чего не могут формализовать и «рассчитать». Мы еще вернемся к этому. Для общества знания, стремящегося освободиться от абстрактного господства товарно-денежных, стоимостных отношений, вопрос об отношениях живого и формализованного, осознанного и бессубъектного знания неизбежно оказывается ключевым.

Каковы же последствия обесмысливания и деперсонализации знания и мышления для нашего самосознания? Как изменяется в результате наше видение таких понятий, как личность, сущность, культура, интеллект?

^{3(*)} Гюнтер Андерс (1902–1992) — философ, журналист, пацифист. Ученик Гуссерля, Хайдеггера, Кассирера. Родственник В. Бенямина и первый муж Ханны Арендт. Здесь имеется в виду его книга «Устарелость человека» (*Die Antiquiertheit des Menschen*. 2 Bde. München: C. H. Beck, 1956, 1980).

Начнем с интеллекта и понимания.

Интеллект предполагает взаимодействие различных форм знания. Он включает в себя способности обучения, суждения, анализа, логического мышления, предвосхищения, запоминания, расчета, толкования, понимания, воображения, адекватного реагирования на непредвиденное и т.д. Интеллект развивается только через упорное преследование цели, требующее развития этих способностей.

Даже современные так называемые нейронауки пришли недавно к заключению, что «интеллект не может существовать иначе, как в телесном воплощении»⁴. Телесно-чувственное восприятие, телесно обусловленные эмоции, аффекты, потребности, ожидания, страхи и прочее всегда играют определенную роль в интеллектуальной деятельности. Без их участия исчезает способность оценивать, интерпретировать, принимать разумные решения, учиться на опыте. Без их участия от интеллекта остается лишь способность считать, комбинировать, анализировать, сохранять информацию — одним словом, машинный интеллект.

Научно-техническое знание не обязательно предполагает интеллект. Оно значительно беднее, чем этот последний. Оно игнорирует важные с политической точки зрения вопросы, например, какие знания для нас необходимы или желательны? Что стоит знать? В свою очередь, ни один социальный проект не может базироваться на формализуемом знании. Здесь нужно снова обратиться к принципиальному различию формализуемого научного и живого жизненно-обиходного знания.

Формализуемое знание всегда относится к реальному или нереальному, материальному или нематериальному предмету, положенному как самостоятельный, существующий вне меня. Он считается познанным, если его предметность описана, как меня никоим об-

⁴ Ribolits E. Mythos Intelligenz // Streifzüge. 2003. No. 2.

разом не предполагающая. Недопустимо, чтобы она каким-то образом зависела от меня; я ни в коей мере не должен брать на себя ответственность за нее.

Все предметы, соответствующие одним и тем же понятийным определениям, считаются *тождественными* между собой, сколь различны бы они ни были с жизненно-обиходной точки зрения. Это отождествление предмета через его определение — явно абстрактная социальная конструкция. Наука знает о природе только то, что может постичь, опираясь на принципы и законы, с которыми она к природе подходит. Наука принуждает природу, говаривал Кант, отвечать на вопросы, «которые ставит ей разум», и способна узнать о природе только то, о чем готова спрашивать на основании собственных принципов. Следовательно, понятийные определения, посредством которых опознается предмет знания, заданы культурно и социально. Они придают предмету идентичность, не обладающую очевидностью живого опыта.

Научное знание — результат социального процесса обучения. Прежде всего, это знание общественно значимых определенностей, на которых базируется социально признанное постижение действительности. Это определенности, которые принимаются в данном обществе в данное время и преподаются в школах, в то время как интуитивное знание о чувственно познаваемой реальности самих вещей приобретает в основном во внешкольном опыте и, по крайней мере в некоторой своей части, подвергается со стороны системы образования цензуре и обесцениванию. При благоприятных условиях изначальное опытное знание находит свое выражение в искусстве.

Наше первое, изначальное отношение к миру — это не знание, основанное на формализованных сведениях, а знание интуитивное, донаучное. Мир открывает нам себя изначально в своей чувственно познаваемой реальности, мы «понимаем» его телесно, развиваем и формируем его применением своих способностей

чувственного восприятия, которые, в свою очередь, развиваются благодаря работе познания мира. Мы знакомимся с миром через свое тело, а с телом — через действия, раскрывающие мир, сами раскрываясь в нем. Этот чувственно познанный, телесно пережитый мир, как говорил Гуссерль уже в 1906 г., «единственно реальный, реально данный в чувственном восприятии, единственно познаваемый мир — мир нашей повседневной жизни»⁵.

Без этого донаучного знания не было бы ничего внятного, понятного, осмысленного для нас. Это «почва нашей уверенности в чем бы то ни было» (Гуссерль), фундамент очевидностей, на котором строится наше существование. Оно обнимает все, что мы знаем и умеем, не прибегая к формализуемому знанию, как, например, ходить, ориентироваться, говорить, обращаться с предметами, понимать метаязык выражения лица и интонаций. Языком социальной жизни и обращением с существующими в ней вещами мы овладели в процессе пользования. Наши неформальные знания — это своего рода материал нашего сознания, основа, на которой происходит развитие личности — или не происходит, если такой основы нет.

Качество любой культуры и цивилизации зависит от динамического равновесия, которое она способна создать между интуитивным жизненно-обиходным знанием и знанием формализуемым, научным. Это качество зависит от синергии, позитивного взаимодействия, устанавливающегося между развитием того и другого. Оно зависит от того, повышает ли прогресс науки качество жизни, качество быта. Оно зависит от социальной и природной окружающей среды, способствующей развитию человеческих способностей бла-

⁵ *Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie // Vorlesungen 1906/1907. Husserliana XXIV. S. 48f.* (См. комментарий: *Boehm R. Topik. Dordrecht: Kluwer, 2002, являющийся продолжением его Grundlagen des Zeitalters. Den Haag: Nijhoff, 1974.)*

годаря богатству своих форм, красок, звуков, материи, своей пространственной организации, обустройству жилищ и оборудованию, многосторонностью и доступностью общения и коммуникации.

Направлены ли знания, позволяющие помыслить то, что не понятно интуитивно, на то, чтобы дополнить, скорректировать, расширить жизненно-обиходное знание? Открывают ли они новые смысловые горизонты, делают ли их доступными всем и каждому? Может ли дальнейшее развитие науки ориентироваться на желания, потребности, стремления, возникающие из жизненного обихода? Стремится ли наука к синергии с неформальным знанием или относится к нему с презрением, претендуя на монополию истинного знания?

Эти вопросы являются ключевыми для культурной, социальной и политической критики, лежащей в основе экологического движения. Я уже имел случай показать, что это движение изначально имело целью не «охрану природы», а сопротивление частному присвоению и разрушению того общественного достояния, которое представляет собой мир жизненного обихода как таковой⁶. Это растущее сопротивление относится как к мегатехнологиям, так и к спекуляции землей или к тем государственным и частным силам, которые отнимают у жителей их жизненную среду, будь то через химическое и шумовое загрязнение, асфальтирование или превращение в дефицит бесплатных природных ресурсов, таких как свет, воздух, вода, тишина, пространство, леса и проч. Акции протеста, на первый взгляд локального и чисто культурного характера, приняли выраженный политический характер в 1970-е годы после того, как группа британских ученых, а вскоре и американцы, действовавшие по поручению Римского клуба, показали, что способ развития индустриальной экономики таков, что он разрушает природные основания жизни

⁶ Gorz A. L'écologie politique entre expertocratie et autolimitation // Actuel Marx. 1992. No. 12.

на земле и ведет к тому, что люди при постоянно растущих затратах живут все хуже.

Так была разорвана связь между «больше» и «лучше». Разрыв между капиталистическим созданием стоимости и подлинным богатством, о котором шла речь в предыдущей главе, связан, судя по всему, с разрывом между нарастающей массой научных знаний и повседневной жизнью. Высокотехнологичные аппараты, относительно которых считалось, что они должны господствовать над природой и подчинять ее господству человека, стали обособившейся силой, которая подчиняет человечество логике капитала, по сути враждебной жизни.

Развитие научно-технических знаний, кристаллизовавшееся в техническом оснащении капитала, породило не общество знания, а общество невежества⁷. Хотя большинство людей *знают* все больше разных вещей, *понимают* и *вникают* они во все меньшее их число. Специалисты усваивают раздробленные специальные знания, однако их взаимосвязь, значение и следствия, а также та «независимая комбинаторика, которая управляет техникой»⁸, от них ускользают. Общее интуитивное повседневное знание дисквалифицируется огромным числом профессиональных экспертов, претендующих на монополию в области знания. Иван Иллич называл это «лишением дееспособности со стороны экспертов», которые закрепляют своим вердиктом неспособность человека отвечать за себя в непонятном мире.

Техническая наука породила мир, который невыносим для человеческого тела, калечит его, насилует навязанным поведением, ускорением и интенсификацией требуемых реакций. Противоречие между телесными потребностями и живым знанием, с одной стороны, и

⁷ Benasayag M., Sztulwark D. Du contre-pouvoir. La Découverte, 2000.

⁸ Ibid. P. 111.

«потребностями» техно-экономической мегамашины, с другой, приняло масштабы, губительные для здоровья человека. «Человеческое тело, — пишет Финн Боуринг, — мешает воспроизведению машин. Согласно наивному описанию Джорджа Дайсона, люди стали “узким местом” в циркуляции и обработке информации и знаний: “с точки зрения машин, мы и воспринимаем, и производим знания хуже их”»⁹.

Как первым заметил и описал Гюнтер Андерс, человек «устарел». Приходится успокаивать, «оглушать» доведенную до истощения нервную систему химическими протезами, а производительность мозга повышать протезами электронными. Наука и капитал объединились в этом общем предприятии, хотя цели у них разные. И только экология в самом широком смысле слова пытается творить науку, служащую развитию жизни и такой окружающей среды, которая способствовала этому развитию. Но тут сразу вспоминается манифест, в котором около сорока знаменитых ученых обвиняли экологию в том, что она враждебна науке, потому что у нее целостный подход. Ведь она хочет понять живое, не для того чтобы подчинить его себе, а для того чтобы защитить. Только она понимает науку как компонент культуры, долженствующий расширять жизненно-обиходное знание и служить поискам хорошей жизни.

2. ОБЕССМЫСЛИВАНИЕ. НА ЯЗЫКЕ БОГА

Разрыв между научно формализуемым знанием и чувственно познаваемой действительностью имеет долгую историю. По Гуссерлю, она начинается

с галилеева переистолкования природы и ее математизации, [...] чьи превратные следствия [...] смогли вплоть до сего дня господствовать во всем дальнейшем

⁹ Bowring F. Science, Seeds and Cyborgs. London: Verso, 2003. Гл. 11. Цитата из книги Джорджа Дайсона взята из книги Dyson G. Darwin Among The Machines. London: Penguin, 1997.

развитии рассмотрения мира. Я имею в виду знаменитое учение Галилея о *голой субъективности специфически чувственных качеств*, которое в скором времени было последовательно развито Гоббсом как учение о субъективности всех конкретных феноменов чувственно созерцаемой природы и мира вообще. Феномены существуют только в субъектах; они разворачиваются в них только как каузальные следствия процессов, происходящих в истинной природе, которые, со своей стороны, существуют только в математических свойствах. Если доступный созерцанию мир нашей жизни всего лишь субъективен, то все истины до- и вненаучной жизни, касающиеся ее фактического бытия, обесцениваются¹⁰.

Поэтому возникает необходимость освободить познание «из темницы плоти» и, отключив чувства и опытное знание, «думать без тела», как называл это Декарт.

Эрих Хёрль начинает свои стимулирующие «Историко-эпистемологические исследования» с Лейбница¹¹ и описывает, между прочим, «эпистемический переворот», начавший около 1850 г. победоносное шествие формального, бессубъектного, выражаемого языком математических вычислений, мышления, которое сейчас (а именно, в трудах Клода Леви-Стросса и появлении искусственного интеллекта) достигло своей кульминации.

Хёрль говорит следующее: «Поскольку символическое мышление обходится без наглядности и не основывает своих выводов на очевидности, Лейбниц называл его *слепым*. Эта сущностная слепота служила фундаментом математизированной науки и была условием [...] того универсального языка вычислений, ко-

¹⁰ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. 1936. § 9i. (Пер. на рус.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004.)

¹¹ Hörl E. Die heiligen Kanäle. Berlin: Diaphanes Verlag, 2004.

торый основан на свободном от истолкования, чисто формальном обращении со знаками и абстрагируется от всего, кроме символов»¹².

Слепое мышление бессубъектно, лишено наглядности, не привязано ни к каким изобразимым или представимым объектам. Оно «свободно как от внешнего, так и от внутреннего опыта», и оперирует только знаками и отношениями. Оно «действует, по Гуссерлю, согласно правилам игры [...], точно так же, как в картах или шахматах. *Изначальное* мышление при этом отключается»¹³. Речь идет о «мышлении без мышления», т.е. мышлении, для которого не нужно ни мыслящего субъекта, ни понимания, функционирующего, можно сказать, как «символическая машина», чьи регистрируемые с помощью символов процессы действительно «порождают прямой эффект в реальности без обходного пути через сознание» (Хёрль), т.е. могут функционировать наподобие механизма.

Эпистемическая революция достигла важнейшего поворотного пункта в трудах Джорджа Буля¹⁴. Уже Кеплер и Галилей были убеждены, что математические законы, благодаря которым можно доказать и вычислить движение неба, — это язык, «на котором Бог создал Вселенную». Согласно Лейбницу, суть всякого мышления — логический процесс, законы которого суть законы Вселенной. У Буля математическое доказательство радикализуется: все операции разума в принципе переводимы на универсальный язык символической алгебры. «Предметом собственно науки является познание законов и отношений», которые имеют универсальное значение. Эта универсальность законов предполагает, что алгебраическое мышление

¹² Hörl E. Die heiligen Kanäle. Berlin: Diaphanes Verlag, 2004.

¹³ Husserl E. Die Krisis... 1936. § 9g.

¹⁴ См.: Boole G. An Investigation in the Laws of Thought on which are founded the Mathematical Theories of Logic and Probabilities. Dover, 1854.

может охватывать не только те уровни реальности, которые недоступны и непонятны для чувственного опыта и непредставимы для наглядного мышления. Алгебраическое мышление должно быть также в состоянии *изобретать* и воплощать принципиально внеопытные сущности — сущности, которые называются на сегодняшнем языке «виртуальной реальностью» и могут быть воплощены в мире посредством информатики. Другими словами, возможны мыслящие машины, в которых мышление обладает непосредственной эффективностью и с помощью которых «специфически божественное» в человеке, как это тогда называли, а именно способность к логическому мышлению, может порождать новые, более высокие формы жизни.

Спустя сто лет, в 1956 г., Ньюэлл и Саймон добились первого практического подтверждения пророчеств Буля: они создали вычислительную машину, доказавшую одну из теорем «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда. Иначе говоря, они создали *мыслящую машину*, которая в глазах этих пионеров искусственного интеллекта доказывала, что человек способен создавать машины, функционирующие так же, как его разум. Они верили, что «люди в один прекрасный день научатся переносить в машины свои души», как выразился Алан Тьюринг¹⁵.

Примечательно, что булева идея эпистемического переворота родилась в эпоху, когда несомненный прежде гносеологический примат наглядности и образного мышления переживал серьезный кризис, неудержимо углубляющийся и по сей день. Во времена Буля физика как раз открывала пласты реальности (а именно, электромагнитные поля), постижимые лишь математически и непредставимые для наглядного мышления.

¹⁵ Turing A. Computing Machines and Intelligence / Ed. E. Feigenbaum // Computers and Thought. N.Y.: McGraw-Hill, 1963.

Более того, система капиталистической экономики, которая непрерывно, можно сказать вынужденно, воспроизводит предпосылки своего функционирования, сама подобна кибернетической символической машине. Прогрессирующая «математизация» научного мышления проходит в условиях прогрессирующей математизации общественных отношений. Сам капитализм был победным шествием символического и формального, сметающим на своем пути не поддающиеся расчету, связанные с опытом и переживанием грани социального жизненного универсума. Законы его движения основаны на отношениях, которые можно выразить лишь алгебраически и которые совершенно безразличны к вещественным предметам производства. Эти подчиняющие себе все, оторванные от чувственного опыта символические вычисления становятся просачивающейся в жизненный мир дисквалификацией самого этого мира. Понятие стоимости и всеохватывающие отношения стоимости недоступны наглядному мышлению. Последствиями этой недоступности выступают денежный и товарный фетишизм, превращение жизни и личности в деньги. Усложнение системы страхования, администрирования и финансов способствовало обособлению экономики и превратило расчеты в необходимый способ доступа к подчиненной абстракциям социальной реальности.

Капитализм с самого начала неуклонно стремился к тому, чтобы подчинить людей власти мыслящих машин и машинного мышления. Абстрактное вытеснило конкретное и оплело жизненный мир паутиной алгебраических уравнений, которые благодаря своей структурной эффективности кажутся более реальными, чем паутина живых социальных связей.

Обособление экономики и сопровождающее ее политическое бессилие общества сделали невозможным естественное вхождение науки в культуру. Наука, попав в струю продуктивистской динамики утилизации,

также обособилась от социально-политических задач. Вопрос о «подлинном смысле», «конечной цели», к которой стремится наука, уже не ставится, так же как не ставится для капитализма вопрос о «конечной цели» экономического роста. Гуссерль пишет, что «конечная цель, которой с самого начала должна была служить новая наука о природе, [...] вырастающая из донаучной жизни и ее окружения, [...] все же с необходимостью должна была находиться в самой этой жизни и быть связана с ее жизненным миром». Однако математизированная наука, увлекшись своими обесмысленными методами, настолько замкнулась для смысловых связей жизненного мира, «что настоящий, изначально-подлинный смысл этой теории остался *скрыт* от физиков, даже великих и величайших, — и иначе и быть не могло»¹⁶. Гуссерль желает ученым вернуться мыслью к этому *«настоящему, единственно подлинному смыслу»*. Он, очевидно, не хочет замечать, что настоящий смысл достижений математического мышления как раз и состоит в его обособлении от вопросов смысла, ставимых жизненным миром, и возвращение мыслью к этому последнему противоречило бы всей логике научной активности Нового времени. Ведь для идеально-типического ученого его математизирующая деятельность *действительно* бесцельна. Она является для себя самой конечной целью. Это аскеза, посредством которой «познающе-действующий» (Гуссерль) избавляется от природной обусловленности и принадлежности телесного человека природе и растворяется, воссоединяясь с космосом, в бессубъектном и беспредметном математическом языке, на котором Бог создал Вселенную и *который сам есть Бог* («в начале было Слово... и Слово было Бог...»).

Математическое мышление — это аскетическое искусство упражнения в избавлении от желаний и по-

¹⁶ Husserl E. Die Krisis... 1936. § 9h.

требностей, чтобы в качестве чистого духа слиться с космосом. Ниже мы еще встретимся с этим пантеистическим экстазом в сочинениях «великих и величайших» пионеров искусственного интеллекта.

Поэтому «возвращение мыслью к конечной цели» для идеально типического ученого невозможно. Его аскеза — уже осуществление этой цели. Приписывать ему еще и другую мотивацию, «необходимо относящуюся к этой жизни», значило бы подозревать в нем субъективные человеческие побуждения, которые он с презрением отвергает. *Он вовсе не хочет быть человеком.* Я имел возможность лично констатировать это нежелание в беседах с Клодом Леви-Строссом — вероятно, крупнейшим виртуозом бессубъектного формализующего мышления. Он вообще отрицал свое наличие как человека. Мои возражения, что он же сию минуту со мной говорил, он отверг с насмешливой невозмутимостью: его высказывания — лишь переключения нейтронов в «его» мозгу (по сути, он не имел права говорить о «своем» мозге).

Последнюю главу своей книги Эрих Хёрль посвящает Леви-Строссу и Лакану. Здесь он вкратце формулирует, в чем состоит наука — я сказал бы, скорее, «дух науки»: «Чтобы пробиться к реальности, нужно сначала отбросить опыт. [...] Между опытом и реальностью существует пропасть. Нужно по возможности устранить из мира внутреннюю жизнь человека ради безобразности чисто символического мышления. Поворот в математическом мышлении должен вообще устранить понятие человека. [...] Перед наукой стоит задача уничтожения человека».

Именно эта цель и стоит при создании искусственного интеллекта и искусственной жизни.

3. НАУКА И НЕНАВИСТЬ К ТЕЛУ

Наука — уникальное предприятие, которое откровенно хочет освободить «разум» от его фактичности

и сравниться с Богом. Протест против телесного существования, конечности и смерти выражается в ненависти к природе и погруженности жизни в природу, в отвращении к факту рождения из тела женщины и к тому, что зачатие произошло путем случайной встречи яйцеклетки с семенем. Особенно грубо проявляется ненависть к природным фактам жизни, и тем самым к материнству, в стремлении «науки» заменить женскую матку искусственной. Реализация этого «экзогенеза» проходит под предлогом «освобождения женщины от тягот беременности». Это стремление — лишь прозрачное прикрытие другой цели, а именно научно-технической рационализации человеческого размножения.

Джозеф Флетчер, гарвардский профессор, специалист по биомедицинской этике, от имени «большинства эмбриологов и плацентологов, занимающих ответственные посты» утверждает: «Мы установили, что матка — это темное и опасное место (*dark and dangerous place*), область повышенного риска. Мы должны желать нашим потенциальным детям находиться в таком месте, где за ними можно оптимальным образом наблюдать и сохранять их». Оплодотворение *in vitro*, искусственная прозрачная матка, медицинское наблюдение беременности — вся область размножения должна оказаться под мужским контролем, стать делом специалистов. Ее необходимо рационализировать, подчинить норме и вырвать у природы, и прежде всего необходимо раз и навсегда отобрать у женщин (которые всегда считались иррациональными существами, подчиняющимися лишь эмоциям и страстям) ту власть над детьми, которую дает им беременность. У матерей должна быть экспроприрована социальная власть, которую грозит предоставить в их распоряжение беременность. Эта экспроприация, т.е. попросту отмена беременности, будет достигнута, добавляет Флетчер, «когда клонирование людей будет доведено до совершен-

ства и экзогенез станет предпочтительной заменой реимплантации»¹⁷.

Стремление Флетчера и ему подобных уничтожить случайность, уничтожив природу, ясно показывает родство, изначально существующее между духом науки¹⁸ и духом капитализма. Для обоих природа — прежде всего источник случайностей, риска и помех. Ее нужно по возможности укрощать, покорять и поработать путем рационального упорядочения мира, уничтожающего неуверенность и непредвиденность. Их лозунг — «порядок и прогресс» (Огюст Конт): поставлена задача уничтожить внешнюю природу и заменить ее в рамках запрограммированной и саморегулирующейся мировой машины на машин-людей и людей-машин. В XIX столетии это было идеалом союза науки и капитала в цивилизации инженеров. Этот идеал принял более радикальную форму: сейчас речь идет о том, чтобы (заново) создать мир, а не просто упорядочить его. Основа этого союза — родство между духом науки и духом капитала — по-прежнему сохраняется и позволяет науке и дальше стремиться к автономии.

Планируемое осуществление экзогенеза, а затем, как мы уже видели, искусственного интеллекта и искусственной жизни — образцовый пример в этом отношении. Речь идет не больше не меньше как об *индустриализации* (вос)производства человека точно таким же образом, как биотехнологии индустриализируют (вос)производство пород животных и растений. Они заменяют естественные породы искусственными, созданными генной инженерией. Уничтожение при-

¹⁷ *Fletcher J. The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette. Buffalo, N.Y.: Prometheus, 1988; цит. по: Bowring F. Science, Seeds and Cyborgs. Ibid. Ch. 10. Об откровенно женоненавистническом («мачистском») характере науки см.: Noble D. The Religion of Technology. The Divinity of Man and the Spirit of Invention. London: Penguin, 1999.*

¹⁸ Я употребляю сочетание «дух науки» в том смысле, какой придает ему Макс Вебер, а не в смысле научного духа.

роды проводится не по демиургическому плану науки, а по замыслу капитала заменить исконные богатства, от природы безвозмездно доступные каждому, искусственными, рыночными богатствами. Мир нужно превратить в товары, производство которых монополизировано капиталом, благодаря чему он получает господство над человечеством.

У нас уже имеется рынок спермы и рынок яйцеклеток, рынок суррогатного материнства (т.е. рынок маток), рынок генов, рынок стволовых клеток, рынок зародышей и (нелегальный) рынок органов. Продолжение этой тенденции ведет к выставлению на рынок якобы генетически «оптимизированных» детей любого возраста, а в конечном счете — к появлению рынка клонированных или полностью искусственных человеческих или «постчеловеческих» существ, а также искусственных экологических ниш на этой или какой-нибудь другой планете.

Капитал и наука взаимно поддерживают друг друга в своих целях, которые хоть и различны, но имеют много общего. Оба стремятся к чистой власти (в аристотелевском смысле) как к самоцели. Оба равнодушны к любой другой задаче и любой определенной потребности, поскольку неопределенная власть денег, с одной стороны, и теоретического знания, с другой, — выше всякого определения, будучи способна на все. Оба заслоняются деперсонализирующими приемами вычислений от возможности рефлексивного возвращения к себе самим. Однако этот союз науки и капитала с недавних пор обнаруживает трещины. Ведь если для капитала исключена возможность когда-либо избавиться от зависимости по отношению к науке, то у науки есть возможность эмансипироваться от капитала.

Эта перспектива встает на горизонте тех исследований по созданию искусственного интеллекта и искусственной жизни, которые потенциально ведут к постприродной, постбиологической и постчеловеческой цивилизации. Эта новая эра заявила о себе, не при-

влекая сперва большого внимания, когда в середине XX в. Шеннон и Тьюринг изобрели первые «машины, способные подражать работе мозга», и, как тогда думали, даже превосходить его возможности. Следующим сигналом было почти одновременное с этим открытие структуры ДНК, о котором Роберт Синсгеймер говорит: «Мы можем утверждать, что открыли язык, на котором Бог создал жизнь»¹⁹. Тем самым история природы как будто подошла к концу. Ожидалось, что «человек» станет наряду с Богом «со-творцом Вселенной», включая жизнь и себя самого. Наука, по мнению Элвина Андерсона²⁰, занята сейчас тем, что «выполняет поставленную Богом задачу»²¹.

С этого момента наука осознала изначальный смысл своих планов и осмелилась со всей прямотой выразить свое отвращение к биологической жизни и природе. Одна из самых показательных в этом отношении книг принадлежит перу Джона Д. Бернала, английского биолога и пионера рентгеновской кристаллографии, внесшей решающий вклад в расшифровку молекулярной структуры ДНК. В работе под названием «Мир, плоть и дьявол» Бернал заявил, что «природа, тело, а также желания и эмоции» являются врагами «рациональной души». «В принципе, прогресс направлен на то, чтобы заменить окружающую среду, предлагающую различные возможности путанно и без разбора, искусственной средой, обладающей последовательной целенаправленностью. С течением времени будет все меньше необходимости принимать природу, ценить ее и вообще понимать. На ее место заступит необходимость

¹⁹ Sinsheimer R. The Strands of Life. Berkeley: University of California Press, 1943. P. 3.

²⁰ Профессор генетики в Миннесотском университете и соавтор (Bruce Reichenbach) книги «On Behalf of God: A Christian Ethic for Biology» (Grand Rapids: William Eerdman, 1995).

²¹ Цит. по: Noble D. The Religion of Technology...

точно определять, как именно целесообразнее всего устроить контролируемую человеком Вселенную»²².

Конечно, этот контроль над Вселенной не может принадлежать всем людям. Поэтому Бернал предусматривает появление элиты, состоящей из ученых, «из трансформированных людей, чьи способности намного превосходят способности нетрансформированного человечества». Они должны стать «виртуально бессмертными», чистым теоретическим интеллектом, оставившим свое тело «далеко позади» и создавшим себе новое, «механизированное тело».

С точки зрения эволюции, нормальный человек оказался тупиком. Механический человек, на первый взгляд представляющий из себя разрыв с органической эволюцией, на самом деле в большей степени продолжает эволюционную традицию. [...] Однако новая жизнь, которая не перенимает ничего из материи и все из духа прежней жизни сама будет лишь ступенью. В конце концов [...] наступит время, когда и само сознание прекратится или растворится в человечестве, превратившемся в чистый интеллект. Оно полностью освободится от связанности с организмами, станет массой атомов в пространстве, которые общаются друг с другом посредством излучения и в конце концов, вероятно, полностью растворятся в чистом свете²³.

4. ОТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА К ИСКУССТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Этот призрак эфирного бессмертного разума обнаруживается тридцать лет спустя у пионеров искус-

²² Bernal J. The World, the Flesh and the Devil. An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul. Bloomington: Indiana University Press, 1969; цит. по: Noble. The Religion of Technology... 3

²³ Bernal J. Ibid. См. также: Moravec H. Robot: Mere Machine to Transcendent Mind. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

ственного интеллекта, в частности у Ганса Моравека²⁴. Первые исследования по созданию машин, способных подражать человеческому разуму и превосходить его, проводились корпорациями MIT и RAND и финансировались DARPA (Defense Advanced Research Project of Artificial Intelligence) при Пентагоне. Официальное введение программы искусственного интеллекта произошло в 1956 г. на конференции в Дармутском колледже. Конференция предложила «положить в основу исследований следующий тезис: все аспекты обучения и прочие аспекты интеллекта могут быть описаны достаточно точно, чтобы изобрести машину, способную их воспроизводить».

На конференции и в последующей работе доминировала личность Марвина Минского. Он высказывал свое презрение к «машине из мяса» (meat machine) под названием мозг и отвращение к «кровавому мессиву» (bloody mess) человеческого тела. По его мнению, «возможно полное освобождение мысли от мыслящей личности. [...] Самое важное в процессе усовершенствования мышления — попытка деперсонализировать себя изнутри». Как и Ньюэлл и Саймон, он не видел различия между человеческим разумом и машиной по обработке данных, «продуцирующей мышление». Оба относятся к «одному и тому же роду», а именно, к программированным машинам. «Наш мозг — это та же машина. [...] Наша способность создавать искусственный интеллект может однажды достичь такой высоты, что мы окажемся способны создавать искусственных ученых, художников, композиторов и личных друзей»²⁵.

²⁴ Ганс Моравек — директор и один из основателей Mobile Robot Laboratory Университета Карнеги-Меллона, крупнейшего мирового центра по исследованиям в области роботов.

²⁵ *Minsky M. Thoughts about Artificial Intelligence /* Hg. R. Kurzweil // *The Age of Intelligent Machines*. Cambr. (Mass.): MIT Press, 1990; цит. по: *Noble D. The Religion of Technology...*

В конце 1970-х годов в Калифорнии появляется идея, что бессмертный «разум» или бессмертную «душу» можно загрузить в машину, чтобы вечно жить в кибернетическом пространстве, и что тело уже устаревает. В 1984 г. Шерри Тёркл опубликовал эпохальный сборник интервью с рядом ученых²⁶. Большинство участников выразило убеждение, что машинный интеллект превосходит человеческий. По их мнению, в будущем машины сбросят с себя зависимость от людей, а люди смогут сохранить превосходство только в том случае, если будут жить в симбиозе с машинами. Один исследователь из DARPA поведал: «Моя мечта — создать собственного робота. Я дал бы ему свой интеллект, сделал бы его своим разумом ... видел бы в нем самого себя [...]. Создать нечто подобное [...] — самое важное, что может сделать человек». Другой выдающийся пионер искусственного интеллекта, президент Thinking Machines Inc., мечтает о том, чтобы его двойник-робот сказал ему в момент рождения: «Ты хорошо поработал. Я горжусь тобой».

Вера в возможность перенести человеческий разум на неорганические носители в виде микросхем возникла на самом деле как побочный продукт военных исследований. Вначале речь шла о том, чтобы создать некий центр, способный расшифровывать для оборонной системы SAGE информацию о самолетах противника. Затем самолет-бомбардировщик F-14 (и, конечно, все следующие модели) был снабжен такой высокотехнологической системой вооружения и таким высокоскоростным потоком информации о локализации целей, что использование этой информации превосходило человеческие возможности. Пилоты вынуждены были «расширять» свои способности путем симбиоза с компьютерами.

Идея, что интеллект может не только использовать компьютер себе в помощь, но и быть перенесен в ком-

²⁶ *Turkle S. The Second Self. N.Y.: Simon & Schuster, 1984.*

пьютер, достигает фантазмагорической кульминации у Ганса Моравека, спроектировавшего сложнейших роботов для NASA. В «Mind Children»²⁷, а затем в «Robot: Mere Machine to Transcendent Mind» он обсуждает возможность «трансплантации» разума путем подключения пучка нейронов мозга к компьютеру, который в результате, как он пишет, окажется способен «освободить человеческое мышление от его прикованности к смертному телу», сохранять интеллект в памяти компьютера, неограниченно размножать и в любой момент вызывать обратно к жизни.

Наивная вера, что мозг полностью «содержит» разум в виде программы, которую можно переносить и копировать, как компьютерную программу, — не личная особенность Моравека. Она присутствовала и у Бернала, для которого «важен только мозг» (the brain is all that counts), способный функционировать в отрыве от тела. Она проявляется и у Фредкина (MIT и Стэнфордский университет), верящего в возможность «планетарного алгоритма», обеспечивающего «мир и гармонию на земле». Для него создание искусственного интеллекта — третья и последняя стадия эволюции после создания планеты Земля и жизни. На этой стадии разум освобождается от материального мира и «творец совпадает с творением».

С самого начала пионеры искусственного интеллекта определяли человеческий разум как «запрограммированную машину», сопоставимую с компьютером. Они понимали мышление как последовательность операций, причем Бернал в начале 1950-х годов полагал, что эта последовательность поддается анализу в рамках двоичного счисления и описанию в цепочках да/нет, образующих компьютерную программу. Позже они показали, что почти все задачи можно разрешить, описав их подобным образом (и они поддаются тако-

²⁷ Moravec H. Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence. Camb. (Mass.): Harvard University Press, 1988.

му описанию); они показали, что «мыслительные машины» быстрее и надежнее, чем человеческий интеллект, упорядочивают, координируют, запоминают и обрабатывают большой поток информации и что способность мыслительных машин к вычислению и прогнозу, и даже их способность к интерпретации, намного превосходит или может превосходить человеческое мышление — конечно, при условии, что смысловые связи заданы однозначно.

Однако они никогда не ставили себе самого важного вопроса, а именно, вопроса о способности тщательно анализировать проблему, отделять существенное от несущественного, осмысленное от бессмысленного, выбирать и устанавливать цель, а потом добиваться ее, и менять свое поведение ввиду непредвиденных обстоятельств. Еще более старательно они избегали вопроса о причинах и критериях, по которым выбираются цели, проблемы и решения. Так от чего же зависят этот выбор и эти критерии? Если интеллект функционирует как запрограммированная машина, то кто написал программу? Пионеры искусственного интеллекта попросту игнорировали все те вопросы, которые указывают на сознающий живой *субъект*, на субъект, который потому мыслит, вычисляет, делает выбор, действует, добивается цели, что *ощущает* желания, потребности, надежды, страхи, наслаждение и боль — одним словом, потому что он представляет собой *нуждающееся существо*, которое всегда желает чего-то и которому всегда чего-то не хватает, потому что оно чем-то еще не является или чего-то еще не имеет. Это существо в силу своего ощущения нехватки, *чувства неполноценности*, всегда существует для самого себя в будущем и неспособно совпадать с самим собой в неподвижной полноте бытия²⁸.

²⁸ См.: Sartre J.-P. L'Être-Pour-Soi. *L'Être et le Néant*. P.: Gallimard, 1943. (Пер. на рус.: Жан-Поль Сартр. Бытие и ничто.

Это чувство неполноценности владеет, очевидно, и пионерами искусственного интеллекта. Такова онтологическая структура сознания. Но нужно добавить: сознания как способности, неотделимой от тела, — такого сознания, которое с самого рождения испытывало холод, жажду, голод, стремление к защищенности и безопасности. Чувство, что тебе чего-то недостает, и потребность превзойти себя для восполнения этого недостатка принадлежат к самой сущности живого сознания. На этой основе развивается и интеллект, и именно из нее он черпает свой основополагающий жизненный импульс. Напротив, механистическое понимание интеллекта предполагает изначальное наличие этого импульса, как будто он от века запрограммирован в мозгу и нуждается лишь в пробуждении. Однако интеллект как раз и не представляет собой заранее написанную программу: он может быть только живым; он может быть только как способность *упорно работать над собой и производить себя*. Эта способность «приспосабливать себя к собственному недостатку» (Сартр), представляющая собой, по сути, способность творчески трудиться, фантазировать, сомневаться, изменять себя, одним словом, определять самого себя, — не может быть описана посредством программы. Она не поддается программированию, поскольку мозг — это не единство написанной и размножаемой программы. Мозг — это живой орган живого тела, орган, который *непрерывно программирует и перепрограммирует самого себя*.

Все это в определенном смысле не укрылось и от Ганса Моравека. Его исходный тезис гласил, как и у других пионеров искусственного интеллекта, что интеллект, переложенный на цифровой язык, будет освобожден от своего тела, своей фактичности и своей конечности. Его попытки помыслить такой интеллект доказывают

Окончание сн. 28

Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр.; предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000.)

против его воли, что интеллект, «освобожденный» от телесной жизни, — это интеллект без стремления, без целеполагания, без эмоций и без чувства времени, чистая бесцельная потенция, которая «столь мало отличается от небытия, как это только можно себе представить», как говорил Поль Валери²⁹. Такой интеллект не живет и не существует.

Поэтому Ганс Моравек представляет его себе в «Mind Children» как нечто вроде космического излучения, которое вне времени распространится по Вселенной. Оно «превращает безжизненное в разум» и «способно превратить всю Вселенную в мыслительную сущность, в чистую единицу мозга». Иначе говоря, это чистая виртуальность всякого возможного сущего.

Но если речь идет о существующем, действующем в пространстве и времени интеллекте, способном обучаться и обогащаться опытом, то такой интеллект требует живого тела. Точнее, он должен создать себе по своей мерке тело и жизнь. Стало быть, чтобы создать искусственный интеллект, нужно создать искусственную жизнь (Artificial Life). Исследования пионеров искусственного интеллекта, в особенности Моравека, но и Курцвайля, постепенно ориентируются на роботов и на создание машин, обладающих всеми особенностями живого интеллекта и жизни: способностью самосохранения, саморегуляции, роста, развития, самопорождения, самовоспроизведения или самосоздания. Это те самые свойства, которые, как показал Эдгар Морин³⁰, делают жизнь в первую очередь автопоэзисом, самотворением; именно за их счет она ни к чему не сводима и ничем другим не объяснима. Жизнь объяснима только из себя самой.

Исходным пунктом программы искусственной жизни стала теория способных к самовоспроизводству клеточных автоматов Джона фон Неймана. NASA за-

²⁹ Valéry P. Variété I.

³⁰ Morin E. La vie de la vie. P.: Seuil, 1980.

интересовалась ею в 1980 г. Предполагалось разработать фабрики, способные к самовоспроизводству, саморасширению, самостоятельному устранению внутри себя неполадок и дальнейшему развитию. Эти полностью автономные универсальные фабрики предполагалось в будущем установить на других планетах, откуда они могли бы «овладеть Вселенной». В 1985 г. Министерство авиации США решило создать в Лос-Аламосе собственный исследовательский центр по проблемам искусственной жизни, где фон Нейман и провел остаток дней, занимаясь разработкой ядерного оружия. Первая конференция по искусственной жизни в Лос-Аламосе сформулировала свою задачу так: «Искусственная жизнь — исследование искусственных систем, имеющих характеристики естественных, живых систем. Микроэлектроника и генные технологии скоро дадут нам возможность создавать новые формы жизни *in silico* и *in vitro*».

Однако пионеры искусственного интеллекта и искусственной жизни стремились и к более высокой цели: для них речь шла о том, чтобы вообще устранить природу и человека как биологический вид и создать «по ту сторону человечества» «суперцивилизацию» роботов, которая сформировала бы Вселенную по своему подобию и «превратила человеческое существо в нечто совершенно иное»³¹.

5. УСТАРЕВАНИЕ ТЕЛА И ЧЕЛОВЕКА КАК БИОЛОГИЧЕСКОГО ВИДА

От машины-человека к человеку-машине

Не так уж важно, насколько все эти футуристические фантазии об искусственной жизни серьезны и

³¹ Cox E., Paul G. Beyond Humanity: Cyber-Revolution and Future Mind. Cambr. (Mass.): Chs. River Media, 1996.

осуществимы. Важно намерение, т.е. дух науки, который в этом намерении отражается. Судя по всему, он отражается в нем столь убедительно, что знаменитые представители американской интеллектуальной элиты всерьез обсуждали проблемы постбиологической и постчеловеческой цивилизации, в которой главную роль играли бы во всех отношениях превосходящие человека роботы. Сотрудники ведущих университетов — несомненные корифеи в своих дисциплинах — представляли проекты, объединявшие искусственный интеллект, искусственную жизнь, генные и нанотехнологии. Эти проекты казались завершающей стадией фундаментального проекта науки: освободить рациональное мышление от природы и человеческой ограниченности. Приверженцы этого проекта формулировали его в духе неогегельянства, ницшеанства или спиритуализма. Однако, взглянув на их формулировки в контексте нашего времени, понимаешь, что фундаментальный проект (он же «дух») науки сумел (и *осмелился*) прийти к полному сознанию-в-себе. В самом деле: этот проект во всех своих формулировках и следствиях неотделим от духа гипер- и постмодерна, для которого самоопределение, равенство, свобода, права и достоинство человека — презренные иудео-христо-кантианские атавизмы. Затея, направленная на то, чтобы освободить интеллект от биологической ограниченности и рулетки наследственности, не является, если верить ее энтузиастам, нарушением законов природы. Напротив: человек для природы — существо, через которое она осознала самое себя и получила возможность (заново) создавать самое себя, стать собственным творцом. Нас уверяют, что создание искусственного интеллекта и искусственной жизни — это не что иное, как *последний акт* в драме эволюции, благодаря которому природа овладевает собой через посредство человека, которому она дала возможность такого овладения.

Технику следует понимать как природу, создающую самое себя через посредство человека. Природа находится в процессе превращения в научное знание, а формализованное знание становится природой. Различие между бытием и мышлением (между «быть» и «мыслить») скоро будет устранено.

Подобные теории — не идеологические прикрасы научного проекта, направленного на вполне земные цели. Они позиционируются как смысл и основной импульс этого проекта. Такие вопросы, как: «к чему все это?», «какую пользу может получить от этого человечество?», «какую цивилизацию и какое общество готовит нам наука?», «по каким критериям хочет она пересоздать человека, жизнь и природу?» — считаются признаком тупоумия спрашивающего. Энтузиасты искусственного интеллекта и искусственной жизни считают себя намного выше пресмыкающегося по голой земле человечества. Биологическую эволюцию человека они считают тупиком (Курцвайль), а развитие интеллекта на технологической основе — осуществлением законов эволюции. По их мнению, эволюция в известном смысле воспользовалась человеком, чтобы создать нечто, превосходящее человеческий интеллект. «Путь проложен, у нас нет выбора», — говорит Курцвайль. А Моравек открыто называет будущих роботов носителями разума, превосходящего человеческий. Юго де Гарис видит себя «четвертым всадником Апокалипсиса, мрачным всадником на бледном коне, воплощением той войны», которую ведут против вида «человек» освобождающиеся роботы³².

Все они убежденно заявляют, что в течение XXI в. мир окажется во власти мыслящих машин и что люди, «в той мере, в какой они еще останутся, займут под-

³² *de Garis D.* Интервью в *Le monde interactif* от 27 сентября 2000 г.

чиненное место»³³. Эти люди полагают, что по закону Мура вычислительная сила компьютеров возрастет между 2020 и 2030 гг. в 10^6 раз и что «роботы, покинув лаборатории, станут господами тех, кто их придумал» (де Гарис). К этому времени нанотехнологии позволят создавать «наноботов» размером с молекулу, «которых мы будем посылать себе по системе кровообращения в мозг, где они смогут прощупать все, синапс за синапсом, один нейромедиатор за другим», — уверяет Курцвайль. По его словам, «тогда мы сможем создать точную копию человеческого мозга» и повышать его интеллект добавлением «миллиардов искусственных нейронов». Поскольку биологический интеллект развивается очень медленно, тогда как «машинный нарастает по экспоненте», машины «очень скоро станут умнее любого человеческого существа». Это вынудит людей имплантировать себе все больше искусственных нейронов, чтобы не дать себя подчинить. В конце концов «небиологическая составляющая нашего разума [...] окажется доминирующей. Перед нами окажутся существа-машины, в которых нет решительно ничего биологического. [...] При этом они будут производить вполне человеческое впечатление»³⁴.

В целом получается, что люди, чтобы не потерять контроль над своими роботами, снабженными значительно более мощным интеллектом, вынуждены будут сами превращаться в роботов. В конце концов исчезнет разница между роботами-людьми и людьми-роботами.

Вся эта «эволюция» описывается Курцвайлем как неизбежная и естественная. Она покончит с тем человеческим обществом, которое еще будет существовать

³³ Warwick K. In the Mind of the Machine: The Breakthrough in Artificial Intelligence; цит. по: Bowring F. Science, Seeds and Cyborgs.

³⁴ Kurzweil R. Was bleibt vom Menschen? / Die Zeit. 1999. No. 16 (интервью).

к тому времени. Курцвайль цитирует в своей книге большой отрывок из «Манифеста» Теодора Качинского^{35(*)} (по прозвищу Unabomber)³⁶, в котором он утверждает, что человечество волей-неволей придет к тому, что постепенно, неосознанно передаст машинам все полномочия решать и действовать. Ведь мир, в котором все большее количество функций выполняется крупными системами мыслящих машин, становится настолько сложным, что контролировать его смогут только машины. Сохранится ли у людей возможность контролировать мыслящие машины, если те возьмут на себя функции координировать материальные и нематериальные потоки, распределять и регулировать их? Это вовсе не очевидно. Зато очевидно, что лишь «крошечная элита» будет обладать компетенцией, позволяющей управлять крупными системами машинного интеллекта. Поэтому власть этой элиты над «массами» будет абсолютной. В человеческом труде не будет уже ни малейшей надобности. «Массы» будут лишь бесполезной нагрузкой для системы. Элита сможет выбирать: уничтожить их, свести «к положению домашних животных» или дать им для времяпрепровождения какое-нибудь безобидное занятие, пишет Качинский. А Курцвайль дополняет картину предложением вживить в мозг этих ставших бесполезными людей «наноботов», чтобы контролировать их мысли.

Рэй Курцвайль, со своей стороны, трактует «технологическую элиту» как «преторианскую гвардию», как касту «верховных жрецов высоких технологий», контролирующую и направляющую остальных, в основ-

^{35(*)} Другие возможные написания: Качинский, Казинский. Математик, известный прежде всего как нео-луддит, «анархо-примитивист» и эко-террорист, арестованный в 1996 г. и осужденный на пожизненное тюремное заключение.

³⁶ Оригинал «Манифеста» Качинского против индустриального общества был опубликован в сентябре 1995 г. в «New York Times», «Washington Post» и «Time Magazine». Его можно прочитать в Интернете на сайте www.unabombertrial.com.

ном «менее умных», людей. Таким образом «эволюция» общества и цивилизации будет полностью подчинена «эволюции» мыслящих машин. Де Гарис убежден, что такие машины уничтожат людей, если выиграют войну с ними. Сам он — на стороне машин. Ганс Моравек предсказывает, что «биологическое человечество» в конце концов проиграет битву за контроль над природными ресурсами. «Биологическим видам ни за что не выжить в борьбе с конкурентами более высокого порядка». Только постчеловеческие киборги, которым их небιологические протезы позволят не сдаться машинам, имеют шанс остаться в живых.

Так или иначе, но конец человека как вида уже заложен в программу. «Эволюция» обрекает человека на создание античеловека, который уничтожит своего создателя. Наука осуществляет свой исходный проект: она избавляется от человека как вида.

Садистическое удовольствие, с которым представители технологической элиты излагают свои апокалиптические видения, весьма красноречиво. Я не решился бы выдумать все это, чтобы нагляднее показать дух науки. У меня было бы при этом чувство, что я грубо преувеличиваю его ненависть к природе и жизни. Вероятно, бóльшая часть постбиологических и постчеловеческих пророчеств окажутся инфантильными фантазиями, а искусственный интеллект и искусственная жизнь не сдержат тех антиутопических «обещаний», которые видят в них их энтузиасты. Однако нет никаких оснований быть в этом уверенным. «Путь проложен», как выразился Курцвайль. Другие люди используют другие средства, чтобы двигаться по нему дальше.

Генетическое перепрограммирование — кого и кем?

План улучшить человеческий род не нов. Изменились лишь аргументы в пользу евгеники. Вэнс Паккард цитирует по этому поводу книгу сэра Фрэнсиса Гальто-

на, одного из первых защитников евгеники в XIX столетии: «Возникла необходимость улучшить человеческую породу. Средний человек слишком низмен для современной культурной повседневности»³⁷. Следовательно, улучшение человека отвечает не его собственным потребностям, а потребностям машин. Финн Боуринг пишет, что биологическое устройство человека — это «препятствие, которое, с точки зрения машины, должно быть устранено»³⁸. Курцвайль говорит то же самое другими словами: «В следующем столетии будет достигнут предел, когда знания и способности среднего человека станут уже недостаточными. Тому, кто в эту эпоху захочет принять участие в экономической жизни, придется вооружить свой мозг искусственным интеллектом»³⁹. Техническая наука в союзе с капиталом сделала мир не пригодным для человеческой жизни. Человека нужно изменить. В конце концов машины станут господами, а люди — их подданными.

Элвин Андерсон и Брюс Рейхенбах заявляют в своей книге: «Мы обладаем невероятной властью пересоздать человека, каким мы хотели бы его видеть на земле [...]. Мы можем так генетически запрограммировать грядущие поколения, чтобы они отвечали заданным характеристикам»⁴⁰. Но кто такие мы? Кто кого пересоздает и по каким критериям?

Генная инженерия отвечает, прежде всего, спросу теневого рынка, питающемуся иллюзиями «науки» об определяющей роли генов⁴¹. Этот спрос производит

³⁷ Цит. по: Packard V. The People Shaper. Boston: Little, Brown and Co., 1977.

³⁸ Bowring F. Science, Seeds and Cyborgs...

³⁹ Kurzweil R. Was bleibt vom Menschen?

⁴⁰ Anderson E., Reichenbach B. On Behalf of God...

⁴¹ См. блестящее разоблачение мифа о роли генов в передаче наследственных свойств в книге Kupiec J.-J., Sonigo P. Ni Dieu ni gène, pour une autre théorie de l'hérédité. P.: Seuil 2000. См. также Bowring F., Science, Seeds and Cyborgs.... Ch. 6:

нормальное и вменяемое впечатление, поэтому общество молчаливо принимает и признает его. Генная инженерия отвоевывает себе место постепенно. Даже клонирование человека можно преподнести безобидно: зачем лишать возможности иметь биологическое потомство тех, кто иначе не мог бы его иметь? И почему те, кто этого хочет, не имеют права на двойника?⁴² Разве не нормально, что родители хотят обеспечить детям по возможности отборный «генетический капитал»? Нетрудно догадаться, что на первом месте среди тех наследственных(?) качеств, которые якобы усиливают генные технологии, стоит «производительность». Социальный дарвинизм обрел себе мощный рычаг.

Вернемся к вопросу о «нас». Генная инженерия, как и искусственный интеллект, и искусственная жизнь, — это проект, позволяющий «нам» избавить «нас» от случайности фактов, составляющих наше существование. «Мы» создадим «нас» заново и тем самым превзойдем или вовсе отменим *conditio humana*. Это пересоздание выдается за высшую стадию производства самих себя. Однако здесь таится грамматический софизм. Ведь если я работаю над собой и произвожу самого себя, то я изменяю себя «автотехнологией» или «автоманипуляцией», как говорит Петер Слотердайк⁴³. У меня развиваются способности, которых прежде не было и возможность которых возникла во мне лишь благодаря работе автодидакта, вслепую нащупывающего цель. В отличие от этого генная инженерия отнюдь не автотехнология, это гетеротехнология.

Когда Эдгар Морэн пророчествует, что «власть разума над генами скоро превзойдет власть генов над

«Здоровье, болезнь и социальное преобразование: границы генетического детерминизма».

⁴² В ходе проводившихся в США опросов приверженцы клонирования нередко ссылались на детскую мечту о двойнике.

⁴³ Sloterdijk P. Die Domestikation des Seins // Nicht gerettet. Versuche nach Heidegger. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2001.

разумом, а власть разума над мозгом — власть мозга над разумом»⁴⁴, имеет ли он при этом в виду *свой* мозг и *свой* разум? Если да, то ничего нового в этом нет: «У йогов чисто духовные упражнения посредством мозга оказывают выраженное влияние на работу сердца»⁴⁵. Есть и более простые примеры: я изменяю и усиливаю способности моего мозга любыми приемами обучения и мнемотехники, разными упражнениями, направленными на то, чтобы достичь совершенства в каком-нибудь искусстве или спорте. Все это собственная работа над собой и производство самого себя посредством «аутотехнологии». И как раз от этой-то работы производства самих себя нас хотят избавить, заменив их гетеротехнологиями внешнего вмешательства в мозг и (якобы) в геном. Наука предлагает нам *предоставить* производство нас самих дипломированным специалистам и стать потребителями и покупателями «повышения» наших способностей.

Курцвайль предполагает, что имплантация миллиардов искусственных нейронов поможет «нам» повысить «наш» интеллект и восприимчивость; но создание и имплантация этих нейронов опять-таки не имеют ничего общего с работой над собой, с производством самих себя. Такое усиление способностей, если оно и в самом деле имеет место, порождается гетеротехнологией, так что получатель никак не участвует в труде эксперимента и обучения. Когда Курцвайль обещает, кроме того, что перенос информации из компьютерной программы в мозг даст возможность за считанные секунды прочитать книгу или изучить иностранный язык, он на самом деле обещает, что обучение, упражнение, работа над собой станут не нужны, и при этом не задается вопросом, как человек будет *интегрировать* новые знания, обращать их в опытное знание, в умение и способность действовать. Например, как

⁴⁴ Morin E. L'humanité de l'humanité. Seuil, 2002.

⁴⁵ Ibidem.

должен мозг со шведским ртом говорить по-китайски, а мозг с руками боксера — играть на фортепьяно? Это обещание предполагает, что мозг, мгновенно увеличивший свои способности, будет реализовывать эти способности с помощью протезов, заменяющих телесное знание, — говорить по-китайски он будет при помощи речевого робота, играть на фортепьяно искусственными руками и т.д. Так «мы» превратимся в киборгов. Вместо труда производства самого себя нам останется покупка протезов, с помощью которых любой сможет бесконечно трансформировать, усиливать и изобретать себя в произвольном направлении. Ему нужно только слиться с механическими продолжениями своего существа.

Впрочем, энтузиасты искусственного интеллекта и идеологи киборгов предостерегли нас: по их словам, нет никакой разницы между субъективностью человека и субъективностью машины. Компьютерный продукт — такой же субъект, как любой другой. «Машина — это не Оно, которое непременно нужно оживлять, обожествлять или покорять. Машина — это часть нас самих, один из аспектов нашей телесности», — говорится в знаменитом тексте Доры Харауэй 1991 г.⁴⁶ Это означает отрицание различия по существу между биологической телесностью и телесностью машины. Через биологическое, природное тело мы являемся данностью для самих себя. Тело — естественная контингенция, порожденная случайностью нашего рождения.

Что же до тела-машины, то его производят другие с определенной целью, например, чтобы дать нам захватывающее чувство громадного ускорения и большой скорости или экономии времени, или сверхчеловече-

⁴⁶ *Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. London: Free Association Books, 1991.*

ской силы и ловкости. Да, быстроходные автомобили и умные приборы служат словно продолжение нашего тела. Научившись хорошо с ними управляться, мы как бы сливаемся с ними в одно. Но, в отличие от нашего биологического тела, их произвели другие люди, и они же, *эти другие, задали* те увеличенные возможности, которые мы благодаря этому получаем. Другие дали нам средства сделать то или быть тем, кем мы, по их мнению, желаем быть или должны желать. *Мы ими запрограммированы* или, по крайней мере, они нас предусмотрели⁴⁷. В качестве киборгов мы используем машины, продолжающие наше тело, не зная, как они работают и как устроены. Эти машины отличаются от тех навыков и умений, благодаря которым во всяком человеке выработался человек: благодаря машинам мы не производим сами себя, *мы даем им нас произвести*.

Разница между естественным телом и телом, перепрограммированным наукой, очень ясно видна в случае генной инженерии. С точки зрения науки, перед ней стоит задача путем расшифровки человеческого генома и его модификации избавить человечество от природных случайностей и риска, заложенных в половом размножении. Человечество получит возможность выбирать и заранее программировать свои признаки. Вместо того, чтобы быть плодом случайности, наследственные предрасположенности могут быть заданы, оптимизированы и даже изменены произвольно, по выбору «самых людей». Говорят, будто бы таким образом природа с помощью человека осознает самое себя и создает себе средства избавить свое развитие от игры случая. Разница между искус-

⁴⁷ Эта плодотворная идея принадлежит Ивану Илличу. См.: *Illich I. La Convivialité*. P.: Seuil, 1973. В этой книге он называет те орудия, которые не программируют свое использование и пользователя, конвивиальными (дружелюбными), а те, которые действуют противоположным образом, — гетерономными.

ственным и естественным, между культурой и природой, как будто исчезает.

Что «научная» идеология приписывает генам детерминирующую силу, которой они на самом деле не обладают, нам здесь пока не важно. Изменение наследственных предрасположенностей ставит этические, социальные и иные проблемы независимо от того, отвечает ли результат заявленным целям. Для начала, раз модификация генома объявляется выбором «самых людей», нужно заметить, что это ни в коем случае не тот выбор, который человечество может сделать в лице каждого отдельного человека. *Те, кто хочет пересоздать заново человечество или отдельных людей, — это не те, кого пересоздают (или хотят пересоздать).* Те, кого пересоздают, никакого выбора не имеют, их пересоздадут до их рождения в силу чужого выбора и по критериям, о которых сами они не могут судить. Какова бы ни была на самом деле степень эффективности генной инженерии, в ней всегда третьи лица хотят заранее решить, как будет выглядеть еще не рожденный индивид. Предполагаемое генетическое предопределение сыграет свою роль, даже если его причинная эффективность равна нулю.

Ханс Йонас рассмотрел этот аспект в статье о клонировании:

Неважно, имеет ли генотип хоть малейшее значение для формирования личности. Ее судьба задается уже теми соображениями, которые мотивировали клонирование. Сами эти соображения становятся действующей силой [...]. С экзистенциальной точки зрения важно, что клонированный человек думает — вынужден думать — о себе, а не то, что он «есть» по существу. Одним словом, он изначально лишен свободы, заключенной в неведении⁴⁸.

⁴⁸ Jonas H. Biological Engineering — A Preview // Philosophical Essays: From Ancient Creed to Technological Man. Prentice Hall

Конкретно это означает, что родители ждут от генной инженерии определенного влияния на личность ребенка и воспитывают его в соответствии с теми предрасположенностями и призванием, которые они, как им кажется, задали путем генного вмешательства. Тем самым до крайности усиливается то, что Кант называл «диктатом рождения». Вряд ли ребенок, подрастая, сможет при таких условиях ощутить себя творцом собственной жизни. Все события и все свои решения он будет сопоставлять с тем, что считает своей генетической судьбой. Он будет непрерывно спрашивать себя: «Запрограммировано это решение заранее или я принял его свободно? Владеет мною чужая воля или я волен выбирать свободно?»

Хабермас пишет:

Когда ребенок, подрастая, узнает о замысле, в силу которого другой человек модифицировал его генетические предрасположенности, [...] ощущение собственной сделанности может перекрыть чувство естественного телесного бытия. Тем самым стирание различия между естественно выросшим и сделанным проникает и в собственную экзистенцию. Это может вызвать головокружительное сознание, что из-за генного вмешательства, предшествовавшего нашему рождению, наша собственная природа, которую мы привыкли ощущать в своем распоряжении, возникла из инструментализации некоторого фрагмента внешней природы. [...] В силу генетического программирования возникают [...] во многих отношениях асимметричные отношения — своеобразный патернализм. [...] В рамках евгенистической практики действия подобного рода создают [...] социальные отношения, отменяющие обычную «взаимность» между равными⁴⁹.

Окончание сн. 48

[N.J.], 1974; цит. по: *Bowring F. Science... Ch. 9 «Генетическая дискриминация и политика воспроизводства».*

⁴⁹ *Habermas J. Die Zukunft der menschlichen Natur: auf dem Weg zur liberalen Eugenik? Fr.a.M.: Suhrkamp, 2001. См. также: Robin J. Changer d'ère. P.: Seuil, 1989.*

Ребенок всю жизнь будет ощущать чужую власть, вписанную в его гены.

Если генная инженерия будет подчиняться желаниям родителей, то, кроме того, возникнет рынок (якобы) генетических свойств. В результате появится два рода людей: «генетически оптимизированные», с одной стороны, и «дикие», с другой. Генная инженерия будет действовать как орудие социальной селекции и иерархии. Если же генную инженерию социализировать, она станет орудием нормализации и стандартизации. В каком бы направлении ее ни применять, граждане всегда будут иметь дело с государством, которое их зачало или участвовало в зачатии.

Из этой западни нет выхода. Неустрашимые биологические случайности защищают нас от человеческого произвола. Мы — плоды случая, а не чужой воли. Если же наследственность будет задаваться человеком, нас будет биологически предопределять чужая воля. Исходит ли это предопределение из благих или же деспотических побуждений, результат один и тот же: генная инженерия проникает в глубины нашего представления о самих себе. Никто уже не сможет утверждать, что он сам себе господин и сам себя сделал. Генная инженерия подрывает ощущение уникальности, автономности и ответственности, присущее каждому человеку. Тем самым уничтожается именно то, что мешает программировать или селекционировать людей в интересах общества или какого-нибудь класса, или касты. Уже одна только *вера* в эффективность генетической модификации способна создать новые формы рабства и послужить обоснованием и легитимизацией новой кастовой системы, даже если эта эффективность — чисто мнимая.

Независимо от того, определяется ли генное вмешательство родителями или обществом, оно в любом случае является отказом от принципа «все люди рождаются равными». Оно означает конец великих мифологических традиций, обосновывающих единство

народа или культуры исходным единством происхождения всего человечества. Без общности происхождения, без общего понимания всеми каждого невозможны ни культура, ни цивилизация, не может быть ни предков-основателей, ни традиции, передающейся из поколения в поколение. Без родственных связей, без родословной и без идентифицируемых родителей ребенок никогда не сможет почувствовать, что появился на свет, *потому что его желали*, и будет всю жизнь мучиться сомнениями в своей законности, своем праве на жизнь и своей принадлежности к человечеству. Без родословной, без связи с предками, с предшествующими поколениями и легендарными основателями не может существовать никакое общество. Рождение еще не гарантирует вхождения в человечество. Каждый должен добиваться его сам — собственными усилиями⁵⁰.

6. АЛЛОТЕХНОЛОГИИ И ГОМЕОТЕХНОЛОГИИ: «РЕФОРМА РАЗУМА»

Самопорождение вида «постчеловек» могло возникнуть как проект и идея лишь в обществах, где слои населения, являющиеся потенциальными гегемонами, не ощущают себя больше принадлежащими к какому бы то ни было обществу. Роберт Рейх заявлял о таком отщепенчестве той части технологической элиты, которую можно назвать «аналитиками символов» (*symbolic analysts*). Петер Слотердаик предпринял аналогичный анализ в антропологической перспективе: «Часть современного вида “человек” под руководством евро-американской его фракции начала против себя самой процесс, исходом которого может стать новое определение человека». Ниже он поясняет, как ни в коем случае нельзя понимать это новое определение: «Порождения техники [...] не дают больше эффекта

⁵⁰ См.: Vacquin M. Main basse sur les vivants. P.: Fayard, 1999 (Гл. 15 и заключение).

освоения и приручения внешнего мира. Напротив, они увеличивают количество внешнего и не поддающегося ассимиляции. Область живой речи сужается, зато расширяется сектор машинного языка». Иными словами, обращаясь с миром как с внешней материей, подчиняемой «чуждым или безразличным [ему] целям», технологическая наука создала с помощью своих «аллотехнологий» «механизированный, превращенный в вещь, изнасилованный мир, который человек уже не может осознавать и переживать как “родину”, как “дом”. Самое яркое отличительное свойство современного *modus essendi* — это бездомность человека»⁵¹.

У Эдгара Морэна мы находим очень сходный анализ, хотя и основанный на совершенно другой философии:

Человеческий разум потерял контроль над своими созданиями, а также над наукой и техникой. Социальные и исторические организации не помогли его отвоевать. Да, разум контролирует создаваемые им все более мощные машины, но логика этих искусственных машин, со своей стороны, все больше контролирует разум инженеров, ученых, социологов и политиков, а также всех тех, кто, подчиняясь господству вычислений, оставляет без внимания всё, что не поддается числовому измерению, т.е. чувства, страдание и счастье человеческого существа. Таким образом, эта логика переносится на понимание общества и управление им и распространяется на все области жизни. Искусственный интеллект уже наложил свой отпечаток на разум наших правителей, а наша система образования способствует влиянию этой логики на наш собственный разум. Таким образом разум получает величайшую силу и в то же время испытывает в этой величайшей силе величайшую слабость. [...] На поле разума сегодня идет битва, и проблема изменения всего нашего мышления, т.е. интеллектуального переворота, приобрела жизненную важность⁵².

3

⁵¹ Sloterdijk P. Die Domestikation des Seins...

⁵² Morin E. L'humanité de l'humanité... P.: Seuil, 2002. P. 242–243.

Как раз в связи с интеллектуальным переворотом статья Слотердайка заслуживает самого пристального внимания. Он говорит, что отношение человека к миру с начала неолита отмечено «аллотехнологиями», т.е. насилием над природой вещей, понимаемых как материя, как «ресурсы», которыми нужно овладеть. Природу «порабощают» и используют для целей, ей глубоко чуждых. В прежнем понятии материала всегда присутствовала идея, что материю «ввиду ее сопротивления и неподатливости»⁵³ необходимо подчинять насильственно. Аллотехнологии в целом принадлежат тому, что Жак Робэн называет «энергетической эрой», эрой, завершающейся моментом, когда человеческому разуму открывается доселе неизвестное измерение материи: информация. И тогда человечество вступает в новую эру, «информационную».

Выводы Петера Слотердайка сходны с анализом Робена. Аллотехнология становится «устаревшей технологией» с того момента, как выясняется, что в природе «есть информация» и «самоорганизующиеся системы» и «что там в материю несомненно вплетен и пребывает в ней “разум”, или рефлексия, или мышление». Этот разум превращается в «связанную с вещью память» или «объективированную рефлексия». «Информированная материя», мыслящие машины, «создающие полное впечатление планирующего интеллекта и способности к диалогу», гены, «минимизированная форма информированной и информирующей информации», гены, которые суть «не что иное, как “приказы” синтезировать биомолекулы», — все это лишает смысла дуализм, строго различающий «душу и тело», «дух и материю».

На этапе принципа «существует информация» традиционный образ техники как гетерономии и порабления материи и людей все более утрачивает убедительность. [...] Мыслящие технологии ведут к появлению

⁵³ Sloterdijk P. Die Domestikation des Seins...

недеспотической формы оперативности, которую мы предложили бы назвать гомеотехникой. Она по самой своей сути не может хотеть ничего иного, кроме того, чем «сами вещи» по своей сути являются или могут стать. [...] Гомеотехника продвигается [...] исключительно по пути ненасилия над тем, с чем сталкивается. [...] Она вынуждена [...] обращаться к со-мыслящим, со-информативным стратегиям. Она имеет характер скорее кооперации, чем господства⁵⁴.

Однако прорыву гомеотехнической культуры препятствует, тормозя его, «привычка насильственного поведения по отношению ко всему сущему», то, что сторонники критической теории называли когнитивно-инструментальным мышлением: «альянс самых высоких технологий и вульгарнейшей субъективности». «Привычки и побуждения к насилующему упрощению сложных отношений, сложившиеся за целую эпоху, не могут вдруг взять и исчезнуть». «Деспоты и насильники в области гомеотехники» будут прибегать к «аллотехническим привычкам», другими словами, использовать гены как сырье и применять «антропопластическую» инженерию как средство господства. «Можно ожидать, — добавляет Петер Слотердайк, — что эта привычка угаснет в обозримом времени из-за неудач и растущей нетерпимости к ней общества». Однако резонно «задаться вопросом, не обладает ли именно гомеотехническое мышление — которое до сих пор принято было относить к таким рубрикам, как экология и комплексная наука, — потенциалом, способным вызвать к жизни этику отношений, свободных от вражды и господства»⁵⁵.

⁵⁴ *Sloterdijk P. Die Domestikation des Seins...*

⁵⁵ *Ibidem.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Когнитивный капитализм: déjà vu?*¹

1

Почему мы говорим сегодня о когнитивном капитализме? В сегодняшнем переизбытке речей об «экономике знания», «экономике, основанной на знании» часто забывается самый важный вопрос: почему именно сегодня ощущается потребность связать производство экономических ценностей с производством знания? Почему эта потребность стала столь ощутимой сегодня, а не, скажем, десять или двадцать лет назад?

В самой связи экономики со знанием нет ничего нового. Эта связь весьма ощутима уже со времени широкого использования машин (т.е. науки и технологии, воплощенных в машинах) в ходе промышленной революции, а затем в тэйлоровской научной организации труда. Вся история промышленного капитализма двух последних веков была историей постепенного распространения навыков предвидения, планирования действий, расчета экономического и социального поведения благодаря знанию. «Двигатель» накопления капитала был доведен до совершенства научным позитивизмом XIX в., воспринявшим наследие Просвещения и вписавшим знание в воспроизводство. Знание было поставлено на службу производству как знание детерминистское, призванное установить контроль над природой с помощью техники и над человеком с помощью иерархии. Результаты в смысле практических преимуществ оказались колоссальными (рост

¹ Multitude. 2000. No. 2.

производительности и доходов), но дались ценой утраты освободительной силы разума, который после векового порабощения был, казалось, готов творить, чувствовать, воображать и общаться, отбросив узкие рамки утилитаризма. Сведя же знание к простому средству технического расчета и контроля, модернизация урезала многообразие и неопределенность мира ради его соответствия нуждам производства. Другими словами, модернизация редуцировала сложность (разнообразие, изменчивость, неопределенность) природной среды, биологического организма, мыслящего духа и социальной культуры к меркам капиталистической фабрики, т.е. — радикально. В течение двух последних веков роль знания свелась к наблюдению за миром и к применению природы и человека к производству. Не вполне достигнув своей цели, оно в ходе этого процесса стало неотъемлемой частью промышленного капитализма наряду с машинами, рынками и экономической рациональностью. В современном капитализме знание превратилось в производственный фактор, столь же необходимый, как труд и капитал. Точнее, в фактор промежуточный. В этом отношении напоминая машину, знание накапливает в себе стоимость труда (и других производственных факторов), необходимых для его производства. Затем знание, в свою очередь, вступает в производство, управляя машинами, руководя процессами, производя пользу для потребителя. В производственном цикле промышленного капитализма труд порождает знание, а знание, в свою очередь, порождает стоимость. Поэтому, чтобы прирастать, капиталу нужно (согласно марксистской терминологии) «подчинять» не только «живой труд», но и знание, которое он порождает и которое вбрасывает в цикл. Трудности такого «подчинения», как раз препятствующие простому сведению знания к капиталу, и придают смысл идее когнитивного капитализма. В самом деле:

1. Внутри производственного цикла стоимости знание представляет собой весьма строптивного посред-

ника, поскольку превращение знания в стоимость следует своим очень специфичным законам. Эти законы сильно отличаются от тех, которые представляла себе и либеральная, и марксистская мысль в своих теориях стоимости. Поэтому когнитивный капитализм функционирует иначе, чем просто капитализм.

2. Их различие легко заметить по тому факту, что знание и его материальный носитель разделены процессами виртуализации, и что знание стало (вос)производимым, подлежащим использованию и обмену в отрыве от капитала и труда, которые его произвели. Невозможно адекватно понять постфордизм, широко использующий виртуализированное знание, без теории когнитивного капитализма.

3. Превращение знания в стоимость, особенно когда оно берется в виртуальной форме, порождает целый ряд *mismatchings* (несообразностей) в стоимостном кругообороте. Процесс превращения знания в стоимость ни линеарен, ни постоянен во времени. Напротив, он неотделим от нестабильности, разрывов, катастроф, разнообразия исходов. Как раз постфордистская точка зрения и позволяет увидеть в препятствиях к стоимостной метаморфозе знания некоторые «кризисные пространства». Но именно в них, если понять их так же и как пространства свободы, могут сложиться новые решения и оригинальные институциональные преобразования. Вот почему представляется оправданным столько говорить о когнитивном капитализме.

2

Знание не есть ресурс редкий по природе, его редкость сугубо искусственна. Будучи посредником, знание не могло бы оказать влияния на теорию стоимости, если бы оно было лишь неким полуфабрикатом, служащим лишь «сохранению» и «передаче» стоимости капитала и труда, его породивших. Но это не так.

Ни марксистская, ни либеральная (ныне господствующая) теория стоимости не в состоянии объяснить процесс превращения знания в стоимость. В самом деле:

- у знания, несомненно, есть потребительная стоимость (для пользователей, для общества), но она не имеет базовой стоимости издержек, которую можно было бы использовать как эталон для определения стоимости меновой. Поэтому оно функционирует либо как издержки маргинальные (неоклассическая теория), либо как издержки на воспроизводство (теория марксистская). Действительно, затраты на производство знания крайне неопределенны (процесс обучения по природе своей не может исключить случайностей и непредвиденностей) и, прежде всего, они принципиально отличны от затрат на его воспроизводство. Как только произведен первый экземпляр, необходимые затраты на воспроизводство других стремятся к нулю (если знание подлежит кодификации). В любом случае, эти затраты не сопоставимы с изначальными;

- потребительная стоимость знания также не может служить точкой отсчета, на которую может опереться стоимость меновая, как это происходит в случае маргинальной полезности в неоклассической теории стоимости. В самом деле, какой бы ни была потребительная ценность чего-либо для потребителя, в режиме свободной конкуренции меновая стоимость товара, издержки на воспроизводство которого ничтожны, стремятся к нулю. Таким образом, меновая стоимость знания целиком зависит от практической возможности ограничить его свободное обращение, т.е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистскими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других. Иными словами, стоимость знания не является продуктом естественной редкости, но вытекает исключительно из тех ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком.

Конечно, этим ограничениям удастся лишь временно затормозить копирование, переоткрытие и вторичное овладение потенциальными производителями. Но в целом редкость знания проистекает из способности «власти», какого бы характера она ни была, временно ограничить его распространение и регламентировать доступ к нему.

3

Экономия скорости. Стоимость когнитивных активов, гарантированная этой формой искусственной редкости, структурно склонна со временем к снижению. Экономические ценности вписаны во время и варьируются в зависимости от него. В этом смысле экономика знания является экономикой скорости: стоимости нельзя хранить вечно — они убывают по мере роста скорости процесса. Чтобы извлечь стоимость из знаний, нужно ускорить их потребление за счет их как можно более широкого распространения. В силу этого распространения и параллельно с ним знание приобретает все более социальный характер. По мере исчезновения препятствий к доступу оно становится общим достоянием потенциальных пользователей и конкурентов. Распространение и социализация — два параллельных процесса. Однако собственник (или обладатель) знания должен удерживать разрыв между ними, ускорять первый и замедлять второй. Стоимость, достигаемая производителям, зависит в каждый данный момент от того разрыва, который им удастся удержать между скоростью распространения и скоростью социализации. Способность заключать сделки (взаимозаменяемость) между различными звеньями цепи и различными факторами задает — посредством цен на знания, которыми обмен был произведен на «промежуточных» рынках, — распределение доступной стоимости между фирмами, с одной стороны, и между факторами, с другой.

4

Знание придает форму накоплению капитала. Отношение между меновой стоимостью и знанием сильно осложнено тем, что оно подчинено мультиплицирующему эффекту распространения и демультиплицирующему эффекту социализации. Когнитивный капитал распространяет на знания стоимостные законы, т.е. логику убывающей во времени прибыли, логику ускорения его распространения, ограничения его социализации, редукции всеми средствами его способности к взаимозаменяемости элементов. К тому же речь идет о процессе, которому всегда в большей или меньшей степени свойственна неопределенность. Не существует оптимальной манеры использовать знания, чтобы извлечь из них максимум выгоды, ибо каждый агент должен открыть сам, на свой страх и риск, пространство различных возможностей распространения, социализации и субституирования — замены во всей цепочке поставок.

В самом деле, накопление знаний и стоимости, ими производимой, есть экспериментальный процесс, зависящий от контекстов и с не известными наперед результатами. Он ничего общего не имеет с гомогенностью денежного капитала, который стремится все предусмотреть и уравнивать доходные ставки различных абстрактных единиц капитала. Когнитивные процессы не приемлют единых ответов. Разнообразие ситуаций и возможных стратегий вносит структурные и постоянные различия между разными элементами когнитивного капитала, каждый из которых изначально включает в себя различные знания, находит свойственные себе пути стоимостного роста и, в конце концов, достигает отличной от других доходной ставки.

Принципиально ново здесь отсутствие реальной абстракции (сведения работы к рабочему времени), благодаря которому марксистский капитал осущест-

влял подчинение «живого труда», сводя его к денежному капиталу. Подчиняя знания, когнитивный капитал остается контекстуальным и дифференцированным, хотя он частично и использует абстрактное знание. Таким образом, он вступает в явное противоречие с уравниванием доходных ставок, гомогенизирующим финансовый капитал и придающим ему форму капитала денежного. Это объясняется ситуативной, специфической, частично самоотнесенной природой когнитивного капитала, уравнивать который и управлять которым стремится финансовый капитал. Денежному капиталу, по сути, удастся настоять на своей гомогенности только за счет отделения уровня финансового от уровня производственного, на котором когнитивные капиталы остаются глубоко дифференцированными. Обе «души» капитала, т.е. форма знания (капитал когнитивный) и форма денежная (капитал финансовый) не сливаются, не растворяются одна в другой. Они остаются отличными, что служит основой для целого ряда несоответствий (mismatchings).

5

Типичные несоответствия когнитивного капитализма. В рамках когнитивного капитализма внутренняя логика введения знания в стоимостной оборот явно противодействует агентам (в первую очередь, предприятиям, но и работникам, потребителям и т.п.), которые должны его производить и потреблять. Иными словами, создается несоответствие — некий род mismatching между теми стоимостями, которые участвуют в цикле накопления знаний, и теми, которые участвуют в образовании стоимости. В чем причина этих несоответствий?

- Стоимость, которую можно извлечь из произведенных знаний, не максимизирована, поскольку их распространение остается ниже потенциально возможного.

- Если в силу самого недостаточного распространения, отсутствуют достаточные гарантии отдачи, то новые инвестиции в знание просто не будут производиться вообще или же будут производиться в недостаточных для нужд общества размерах. В первом случае мы имеем нерациональную трату средств, неэффективное использование имеющегося ресурса. Во втором мы получаем недостаточное накопление, как в плане когнитивном, так и в плане стоимости: производительность и произведенный доход растут медленнее, чем в том случае, когда расходы на обучение повышались бы в необходимом ритме. В обоих случаях возможно воздействие, вмешательство: фирма может воздействовать организационными и институциональными инновациями, способными ослабить эффект mismatching; в политическом плане аналогичные инновации могут дать возможность контроля над mismatching и обеспечить социальные инвестиции.

В функционировании когнитивного капитализма возникают, по меньшей мере, три основные разновидности несоответствий в зависимости от возможных противоречий, а именно:

(1) между распространением и усвоением. Знание порождает собственную ценность, если его распространяют, но распространение снижает степень его усвояемости; (2) между временем жизни и временем производства. Время жизни тратится на сложную учебу, требующую медленного темпа. Время же производства, напротив, задается скоростью упрощенного обучения, что порождает отчуждающий мир вещей и типов поведения, странный по отношению к «жизненному миру»; (3) между риском и когнитивными инвестициями. Индивиды, фирмы и целые регионы не застрахованы от ошибок, когда они пытаются сориентироваться в сложных ситуациях, в которых сохранение стоимости их собственного ресурса не гарантируется. Преследуя цель минимизировать риск, они сокращают инвестиции в новые знания и таким

образом сталкивают сами себя на обочину процесса социального обучения и производства стоимости.

6

Набросок возможных капитализмов. Различные решения этих трех проблем неизбежно дадут различные возможные варианты когнитивного капитализма. Конкретная расстановка сил и их борьба могут приводить и к смене парадигм, к переходу от одной связанной системы управления когнитивными потоками к другой, от одного типа когнитивного капитализма к другому.

Перевод Михаила Маяцкого

АНТОНЕЛЛА КОРСАНИ

Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ, ЗНАНИЕМ И ЖИЗНЬЮ В КОГНИТИВНОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Не образуя законченной теории, подход с позиций когнитивного капитализма, объединяющий теперь целый ряд исследователей¹, является гипотезой для понимания мутаций современного капитализма, соответствующих переходу к новому этапу капитализма, для характеристики которого как раз и используется термин «когнитивный капитализм». Наряду с различиями и разногласиями, имеющимися между исследователями, всем им общи две концепции: все они видят в когнитивном капитализме мутацию не менее важную, чем переход от торгового к промышленному капитализму, и все они считают знание ос-

¹ См. особенно: *Nouvelle économie politique* (dir. A. Corsani) / *Multitudes*. 2000. No. 2; *Vers un capitalisme cognitif* / eds. Ch. Azaïs, A. Corsani, P. Dieuaide L'Harmattan 2001; *Corsani A., Dieuaide P., Moulier Boutang Y., Paulré B., Vercellone C. Le capitalisme cognitif comme sortie de la crise du capitalisme industriel : un programme de recherche // Actes du Forum de la Régulation*. 2001; *Lazzarato M., Puissance de l'invention. Les Empêcheurs de penser en rond*. 2002; *L'età del capitalismo cognitivo* / éd. Boutang Y.M. Ombrecorte. 2002; *Sommes-nous sortis du capitalisme industriel?* / éd. C. Vercellone. *La Dispute*. 2003; *Lazzarato M. Les révolutions du capitalisme. Les Empêcheurs de penser en rond*. 2004; *Corsani A., Moulier Y. Boutang e.a. Capitalismo Cognitivo, propiedad intelectual y creacion colectiva*, Mapas 2004; *Conoscenza e finanza nell'epoca postfordista* / ed. C. Vercellone. *Manifestolibri*. 2006.

новой этой новой формы капитализма. В данной статье мы ставим целью раскрыть новое отношение между капиталом, знанием и жизнью как одну из главных метаморфоз и вместе с тем одну из основных напряженностей, свойственных когнитивному капитализму.

Я считаю, что на новой, когнитивной фазе капитализм преобразует отношение капитал—труд в отношение капитал—жизнь². Мы имеем здесь дело с капиталистическим накоплением, которое отныне основывается уже не только на эксплуатации труда в индустриальном смысле, но и на эксплуатации знания, жизни, здоровья, свободного времени, культуры, межличностных отношений (включающих общение, социализацию, сексуальность), воображаемого, образования, среды обитания и т.д. Объектами купли-продажи уже являются не только материальные и нематериальные блага, но и формы жизни, коммуникации, стандарты социализации, образования, восприятия, места проживания, транспорта и т.д. Стремительное развитие сферы услуг напрямую связано с этой эволюцией; я имею в виду далеко не только промышленные услуги, но прежде всего механизмы, организующие и контролирующие «формы жизни». В условиях современного капитализма, с характерным для него бумом сферы услуг (образование, культура, исследования, информация, коммуникация, индивидуальные услуги), теоретическое разделение между производством (товаров) и воспроизводством (биологической и социальной жизни) становится несущественным, а то и несостоятельным. Производство и воспроизводство дополняют друг друга, переплетаются, границы между ними стираются. Говоря о мутациях в современной экономике, Сара Онгаро употребляла термин «про-

² Corsani A., Lazzarato M. Le revenu garanti comme processus constituant // Multitudes. 2002. No. 10.

изводственное воспроизводство»³. Несколько иначе вопросы о переменах в отношениях между экономикой, капиталом и жизнью рассматриваются другими экономистами, в частности, Робером Буайе⁴ и Кристианом Марацци⁵, которые говорят о возникновении «антропогенной» модели, а именно, модели создания человека человеком. Каушик С. Раджан предлагает термин «биокапитализм», имея в виду то центральное положение, которое заняли в нем науки о жизни⁶. Он анализирует в глобальном масштабе процессы со-производства научного и социального, наук о жизни и режимов экономической политики. В перемещении капитала в сферу наук о жизни он видит явный знак новой фазы капитализма.

Опираясь на эти работы, в первой части статьи я рассмотрю когнитивный капитализм как фазу реального подчинения биотехнонауки, отныне ориентированной на производство жизни, капиталу. Во второй части я проанализирую кризис кейнсианства и развитие неолиберальной политики как факторы, объясняющие мутации современного капитализма. Кейнсианская политика (прежде всего, в социальной сфере и в коллективном потреблении) сделала возможным в некотором смысле «автономизацию социального»: условия репродукции жизни (биологической и социальной) освободились от экономического и трудового принуждения (что выразилось, например, в доступе к системе здравоохранения, образования, культуре...), тогда как неолиберальная политика, проводимая на-

³ Ongaro S. Le donne e la globalizzazione. Domande di genere all'economia globale della ri-produzione. Ribbettino, 2001.

⁴ Boyer R. Croissance début de siècle. De l'octet au gene. Albin Michel, 2002 и Aux sources de la croissance, l'exemple américain // Cahiers Français. 2004. P. 323.

⁵ Marazzi Ch. L'amortissement du corps-machine // Multitudes. 2007. P. 27.

⁶ Rajan K. Biocapital. The Constitution of Postgenomic Life. Duke University Press, 2006.

чина с 1980-х годов, стремится снова подчинить экономической логике эти сферы человеческой деятельности, а заодно и весь спектр (в значительной степени национализированных) отраслей, таких, например, как научные исследования.

I. ГИПОТЕЗА О КОГНИТИВНОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Подход с позиций когнитивного капитализма не сводится к понятию «экономика знания». Напомню очевидное: с концептуальной точки зрения, между понятиями капитализма и экономики нет семантического тождества. Несводимость одного к другому вытекает хотя бы из того, что капитализмом мы называем социальную систему производства, основанную на частной собственности и на рыночной свободе, становление которой происходит в определенную историческую эпоху и в определенном месте: в Европе XVII в. Нельзя поэтому вести речь об абстрактной и внеисторической формах экономики. Анализ капитализма включает в себя рассмотрение социальных отношений производства и обмена, если под капитализмом понимать, как это делает Маркс, исторически обусловленный способ производства, характеризующийся определенным развитием привлекаемых им производительных сил и специфическими социальными отношениями производства. Экономические и институциональные аспекты, таким образом, неразделимы, но и не сводимы друг к другу: здесь имеется в виду не установление способа функционирования так называемых «естественных законов», но институциональные схемы, способствующие или препятствующие развитию социально-экономических отношений. Нет никакой «природы», зато есть «история». Подход с позиций когнитивного капитализма стремится проследить становление современного капитализма, воспроизводя его многоуровневую структуру и учитывая многообразие исторических фактов и местные институциональные решения.

Сколь глобальной ни была бы эта тема, анализ капитализма осуществляется нами из определенной точки: из Франции, а еще точнее, из Парижа. А это предполагает, что анализ будет частичным. Признание ограниченности подхода ни в коем случае не умаляет объективной достоверности анализа, а, скорее, напротив, выступает эпистемологическим принципом, обязательным для критического анализа системы, которая хотя и рассматривается в совокупности, но варьируется в зависимости от места. Таким образом, критическая теория когнитивного капитализма требует привлечения «локальных знаний» (*situated knowledges, savoirs situés*)⁷.

*Когнитивный капитализм, исторически
и территориально детерминированный
способ производства*

Если подходить с позиций марксизма, понятие капитала должно рассматриваться в трех измерениях.

⁷ Концепт «локальных знаний» возник на скрещении феминистской критики эпистемологии и фуколдианской критики знания/власти. Я понимаю его как радикальную альтернативу претензии на позицию всевидящего божественного ока, мешающей и общению, и производству знания, зато чреватой разнообразными идеологиями. Политика локальных знаний может служить и ответом релятивизму или цинизму, присутствующему в некоторых постмодернистских позициях (например, у Бруно Латура). По поводу локальных знаний, Донна Харауэй пишет: «Мы должны учиться через наши тела, наделенные цветным и стереоскопическим видением, соединять объективность с нашими теоретическими и политическими сканнерами и называть то, где мы находимся, а где — нет (а это такие измерения умственного и физического пространства, для которого у нас даже нет слов). Так [...] объективность оказывается связанной с особым и специфическим воплощением [embodiment], а вовсе не с ложным видением, обещающим трансцендирование любых пределов и любой ответственности.» *Haraway D. Situated Knowledges // The Science Question in Feminism. 1991.*

1. Капитал как совокупность средств производства. Капитализм характеризуется разделением труда и средств производства (работник отделен от средств производства и продуктов своего труда) и частной собственностью на эти средства производства. Различные правовые режимы, ведающие частной и коллективной (общественной) собственностью капитала как средств производства, могут оформляться в разнообразные конфигурации. В когнитивном капитализме (я еще вернусь к этому в последней части статьи) вопрос об интеллектуальной собственности приобретает очень важное значение, впрочем, как и приватизация сектора услуг, относящихся к биологической и социальной жизни. Это приводит к появлению того, что я называю «частной собственностью на средства жизни».

2. Капитал как денежная масса и логика капитала состоит в повышении ее стоимости на рынках и в ее накоплении. Рынок и инстанции, его регулирующие, а также денежные и финансовые институты могут принимать различные формы во времени и пространстве. Процессы финансиаризации, происходящие в течение последних двадцати лет, в глобальном масштабе взаимодействуют с процессами «дематериализации» основного капитала, свойственными когнитивному капитализму. Но они предполагают также и то, что не совсем строго можно назвать «приватизацией валюты»⁸, — новый тип отношений между государством и валютно-финансовыми институтами, намекающийся со времени принятия политического курса, вдохновленного монетаристскими теориями. Связь между интеллектуальной собственностью, нематериальными активами и финансиаризацией активов является еще не вполне изученной характеристикой когнитивного капитализма.

3. Наконец, капитал как социальное отношение производства, преобладающей формой которого ста-

⁸ Corsani A., Marazzi Ch. Conversation sur le biorevenu et sur la resocialisation de la monnaie // Multitudes. 2007. No. 27.

новится, в западных экономиках и начиная с XIX в., свободный наемный труд. Способы привлечения к труду, разделения труда⁹, а также воспроизводства условий существования наемных рабочих, не являются неизменными величинами в истории и создаются в результате взаимодействия институтов, их регулирующих, с конфликтами, их оспаривающими. Трудовое и социальное право, статус коллективного потребления (здравоохранение, образование, культура) играют решающую роль в структуре отношений наемного труда.

Таким образом, капитал как социальное отношение производства является сложной формой, которую нельзя рассматривать только с экономической стороны. Капитализм — это исторический процесс, не сводимый к экономической форме, претендующей на «чистоту» и независимость от институциональных форм регуляции социальных отношений производства и товарообмена. Экономическое и институциональное соединяются, дополняя друг друга, взаимодействуя, что приводит к появлению каждый раз новых пространственно-временных образований. Существует не один, а множество капитализмов, каждому из которых свойственны свои конфликты и напряженности. Необходимо через призму этих конфликтов и проблем увидеть мутации и метаморфозы сегодняшнего капитализма в экономико-институциональном плане и в его глобальных и локальных очертаниях. Гипотеза когнитивного капитализма не должна привести к некоторому «прогрессистскому» прочтению, к некоей естественной и детерминистской истории капитала. Но вопрос стоит не о том, лучше он или хуже других форм капитализма, а о том, чтобы понять его мутации и значение, смысл и возможности становления.

⁹ *Herrera R., Vercellone C. Transformations de la division du travail et general intellect / C. Vercellone (dir.), Sommes-nous sortis du capitalisme industriel? La Dispute, 2003.*

Наука и капитал: реальное подчинение «биотехнонауки»

Определение «когнитивный», приложенное к капитализму, не должно восприниматься в смысле когнитивных наук и когнитивизма. Оно просто подчеркивает центральный характер знания на новом этапе развития капитализма. Конечно, важная роль научного знания в накоплении капитала не является новшеством: уже переход от торгового и мануфактурного капитализма к капитализму был бы немыслим без завязавшихся еще в XVIII в. тесных отношений между наукой и товарным производством. В основе того, что историки называют промышленной революцией, лежат наука и капитал. Следовательно, надлежит еще уточнить связь между наукой и капиталом в новейшем капитализме и обосновать его определение как когнитивного.

Связь между накоплением (научных) знаний и накоплением капитала Маркс анализировал в рамках теории эксплуатации (и трудовой теории стоимости как закона прибавочной стоимости) и в перспективе анализа исторической динамики капитализма. В силу зависимого положения науки логика капитала позволяет беспрецедентное развитие производственных сил. По Марксу, капитализм способствовал развитию науки, и не только науки как абстрактного знания природы, но и в своем применении (технологии), приведшем к исключительному ускорению технического прогресса. На том этапе капитализма, который Маркс определяет как *реальное подчинение*, капитал непосредственно подчиняет трудовой процесс «производству товаров товарами»; однако он лишь *формально* подчиняет трудовой процесс в сфере «производства знаний знаниями». Сфера производства знаний и сфера производства товаров остаются разделенными, производство знаний остается вне поля прямой деятельности капитала, хотя он и может косвенно задавать их содержание. Знания производятся в «других

местах», за пределами фабрики, и Маркс их не рассматривает.

Марксов анализ основывался на концептуальном разделении между наукой и технологией, но следует иметь в виду, что его концепция технического прогресса, сложившаяся под влиянием гуманистических идей эпохи Просвещения, вполне вписывалась в господствовавшие тогда представления об отношениях между человеком и природой, природой и культурой, отношениях, основанных на разделении между ними. Когда Маркс говорит о техническом прогрессе и развитии производственных сил, он имеет в виду знания, способные изменить соотношение человек—природа посредством усложнения орудий производства, включающих в себя и знания. Другими словами, знания, произведенные в системе «производства знаний знаниями», проникают в систему «производства товаров товарами» через технологию, в форме машин. Так они оказываются воплощенными в орудия производства, в основной капитал.

Это ясно прочитывается на тех страницах «Экономических рукописей», где Маркс рассуждает о развитии производственных сил и об утверждении «general intellect» (всеобщий интеллект):

Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта [general intellect] и преобразованы в соответствии с ним¹⁰.

Однако Маркс и представить себе не мог произошедшего с тех пор перемещения науки и капитала в сторону самого жизненного процесса общества: сами

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 215.

условия этого процесса переходят под контроль капитала. Это перемещение к настоящему моменту еще не завершено, оно продолжается, существует в виде напряженности. Вызванные им проблемы тоже, разумеется, еще не решены. Впрочем, в историческом развитии нет и не может быть никакого детерминизма, способного указать нам, в каком направлении будут преодолены конфликты. Именно это перемещение я попытаюсь охарактеризовать как один из элементов перехода к когнитивному капитализму, и отталкиваясь я буду от проблемы «невоплощенности (*non-incorporation*) знания».

Имеется в виду, что с приходом новых информационных и коммуникационных технологий знания начинают циркулировать отдельно как от машины, так и от работника. Эти новые перспективы таят в себе как невиданные ресурсы эмансипации, так и гигантские возможности контроля над индивидами. Издержки на воспроизводство «невоплощенных» знаний приближаются к нулю. Отсюда новейшие стратегии, заключающиеся в том, чтобы не обременять себя мощными машинами, а продавать собственно знания. Так информатика все больше стремится избавиться от машин и торговать непосредственно «услугами» или же «software». Сходным образом фармоиндустрия ищет возможности больше не производить лекарства, а продавать «принцип действия». В итоге расходы на исследования снижаются, становясь в конечном счете смехотворно малыми по сравнению с затратами на рекламу¹¹. Другой симптом: снижение инновации при росте количества патентов. Контроль над знанием может в пределе привести к возможности принятия решений о предоставлении — или нет — права на жизнь. Фармоиндустрия, например, предпочитает борьбе с тропическими болезнями исследования в области омоложения. В этом, собственно, и состоит главное

¹¹ См. работы Ph. Pignarre.

новшество: существенные в когнитивном капитализме знания относятся к орудиям не производства, а воспроизводства биологической и социальной жизни.

Проблема невоплощенности знания поднималась уже в наших (с Э. Руллани) первых размышлениях о когнитивном капитализме¹², где ставился вопрос о мутациях, вызванных новыми технологиями. Так называемая «информационная революция», по мнению целого ряда авторов, радикально изменила ситуацию: вопрос об отношении науки и капитала теперь формулируется в терминах невоплощенности знаний в основном и переменном (труд) капиталах. По-настоящему новым в развитии капитализма не является ни информационная революция, ни тем более беспрецедентное развитие производительных сил (которое даже Маркс ошибочно считал нейтральным по отношению к культуре). Если развитие цифровых технологий можно рассматривать как средство, способствующее обращению знаний (научных, технических, культурных, художественных), не воплощенных ни в каких материальных носителях (машине или человеку), то смысл этой «невоплощенности» отнюдь не исчерпывается технологией, якобы оторванной от культурной и социальной сфер жизни, как если бы она была мыслима как область, независимая от политики и общества. Впрочем, она и не предполагает исчезновения ни механического капитала, ни живого тела коллективного работника. Каков тогда смысл идеи «невоплощенности»? Что она дает для характеристики современного капитализма?

Под знаниями в когнитивном капитализме понимаются не только непосредственные знания человека или те, что воплощены в его орудиях производства

¹² *Rullani E.* Production de connaissance et valeur dans le post-fordisme / *Multitudes*. 2000. No. 2 (интервью с А. Корсани). См. также: *Corsani A.* Le capitalisme cognitif: les impasses de l'économie politique / *Dir. Vercellone // Sommes-nous sortis du capitalisme industriel? La Dispute*, 2003.

(в марксовой терминологии, в основном капитале). Отношения между наукой, техникой и промышленностью не просто не строятся линейно: что более существенно, отношение между накоплением знаний и накоплением капитала уже не осуществляется (или осуществляется не только) через посредство товаров. В когнитивном капитализме производятся уже не столько товары, сколько живое — жизни, тела, органы, а также формы жизни. Невоплощенность может в таком случае пониматься как признак перехода от производства товаров к воспроизводству биологической и социальной жизни. В свете этого невоплощенность не означает дематериализацию. Напротив, когнитивному капитализму присуща глубокая вещественность, вещественность жизни и ее производства.

В этой новой фазе капитализма отношение между сферой производства знаний и сферой производства товаров, характерное для промышленного капитализма, претерпевает значительные изменения. Сфера производства знаний начинает прямо подчиняться капиталу. Гипотеза когнитивного капитализма подразумевает именно этот исторический разрыв: капитал подчиняет себе науку уже не просто формально, чтобы она лишь соответствовала его логике накопления, законам роста его стоимости внутри фабричной системы и в процессе производства товаров товарами. Повышение стоимости капитала теперь нацеливается на сферу производства знаний. Эта мутация влечет за собой ряд последствий. Прежде всего развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии науки (от капитала). Теперь в пору говорить о *биотехнонауке*, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой. Отношения «знание—сила» (Фуко), являющиеся сущностью научной практики, сегодня оказываются тесно связанными с самими отношениями производства и конфликтами, их пронизывающими.

Технологии, лежащие в основе нового капитализма, — это технологии генетические, био-, а также ком-

муникационные технологии, технологии видения и восприятия и информационные технологии — образуют с биотехнологиями различные гибридные формы. Метафора «киборг» прекрасно выражает эту гибридную связь: «киборг» — это кибернетический организм, продукт слияния органического и технического, плод различных исторических и культурных практик¹³. В этом смысле следует говорить о «биотехнонауке», которая реально (а не только формально) подчиняется капиталу при когнитивном капитализме.

Биотехнологии, здоровье, культура, образование, коммуникации лежат отныне в основе динамики экономики. Удельный вес этих секторов в глобальной экономике стремительно растет, и они привлекают наиболее значительные массы капитала¹⁴. В этих традиционно общественных секторах сегодня наблюдается процесс приватизации и концентрации: к проблеме частной собственности на средства производства добавляется вопрос о частной собственности на «средства жизни». Все эти новые «индустрии»

¹³ *Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. Routledge, 1991.*

¹⁴ Расходы на здравоохранение, образование, досуг и организацию быта и заботы неуклонно растут в течение последнего века. Особенно это ясно в США, при том что коллективные механизмы покрытия этих потребностей находятся в эмбриональном состоянии. В Европе возникновение этой модели (которую можно назвать антропогенной) проявляется в тех финансовых проблемах, с которыми сталкиваются различные системы социальной защиты (здравоохранение, пенсии и т.д.) и образования. То, что истолковывается как знак плохого управления, должно пониматься как свидетельство воздействия этой модели производства человека человеком. Жаль, что заданный уровень дискуссии не позволяет вскрыть этот мощный фактор, влияющий как на различные формы капитализма, так и на беднейшие экономики, для которых доступ к системам здравоохранения и образования образует подлинный рычаг для развития». См.: *Boyer R. Aux sources de la croissance, l'exemple américain // Cahiers Français. 2004. No. 323.*

здоровья, персональных услуг, «care», так называемые телесные индустрии, индустрия коммуникаций и развлечений — все они определяют лицо когнитивного капитализма.

В когнитивном капитализме трудовые конфликты (по поводу условий труда, распределения, социальных прав) разворачиваются параллельно с конфликтами по поводу того, что производится и что следует производить, т.е. касаются уже не просто трудовых отношений, но самого производственного выбора (наиболее явно это касается, например, военной, химической промышленности, биотехнологии, фармацевтики, но и культурной индустрии). В новых условиях капиталистическое производство сдвигается в сторону сферы воспроизводства, биологического и социального. Поскольку труд теперь более непосредственно направлен на жизнь и ее формы, конфликты с неизбежностью разыгрываются вокруг самого смысла труда. Речь идет не просто о доступе к знаниям, а, скорее, об ориентации биотехнонауки. Вопрос о объективности и нейтральном характере науки, так же, как и этические вопросы, потрясают основания установившегося порядка особенно в глазах тех, кто полагал, что живет в своем изолированном мире: в мире науки и высшего образования, в мире культуры и мире «ойкоса». Не случайно во Франции начало нашего века было отмечено двумя мощными социальными движениями: ученых и «работников зрелищных искусств»¹⁵.

¹⁵ «Работники зрелищных искусств» (*intermittents du spectacle*) — особый профессиональный статус, специфичный для французского социо-институционального контекста и оформленный на пересечении трудового и социального законодательств. Не будучи ни классическими служащими на окладе, ни «фриланс», работники зрелищных искусств — это работники с переменной занятостью, иногда сразу у нескольких работодателей, с варьирующимся в зависимости от проектов вознаграждением. Они могут наниматься по контрактам, отличающимся от классических. В современном виде статус существует с 1969 г. Он присваивается

II. К КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

Исследования вокруг гипотезы когнитивного капитализма подчеркивают ту принципиальную роль, которую сыграл кризис модели роста и фордистских трудовых отношений в переходе к новейшему капитализму. Мне представляется полезным понять этот кризис как кризис кейнсианства.

Капиталистическая экономика всегда была либеральной, т.е. организационным и регулирующим принципом выступал в ней свободный рынок. Кейнс, как он сам часто заявлял, также был либералом, однако для него не было секретом и возможное разрушительное влияние рынка на общество: согласно кейнсианской концепции, управлять необходимо по причине самого существования рынка. Неолиберальная политика, складывающаяся к 1980-м годам, отнюдь не вдохновляется либеральными идеями XVIII и XIX в., не пытается вернуться к либеральной концепции «laissez-faire» (невмешательства), преобладавшей вплоть до Кейнса, а представляет собой радикально новый концепт. Неолиберализм — это больше, чем свобода рынка, это «форма, при которой обществом управляет экономика», согласно оригинальной трак-

Окончание сн. 15

артисту, отработавшему в предыдущем году 507 рабочих часов, и позволяет ему получать стипендию между периодами работы, будь то концерты, спектакли или съемки. Он дает право на специфическое пособие по безработице, достаточно гибкое, чтобы гарантировать стабильный доход при принципиальной прерывистости занятости. Финансирование обеспечивается по принципу межпрофессиональной солидарности. Для огромного числа таких работников этот статус был спасением не только от нищеты, но и средством свободно выбирать интересующие их проекты и автономно распоряжаться разнообразными жизненными темпоральностями. Более подробно мы (совместно с М. Лаццарато) рассмотрим проблематику этой категории трудящихся в книге, которая выйдет в 2008 г. в издательстве «Amsterdam».

товке либеральной мысли, которую предложил Мишель Фуко¹⁶.

Моя гипотеза состоит в том, что с конца 1970-х годов экономическая и социальная политики, осуществляющие новую либеральную концепцию, участвуют в историческом переломе в развитии капитализма и способствуют появлению того, что мы называем, за неимением лучшего, когнитивным капитализмом. Я попытаюсь уточнить эту гипотезу, дав сначала характеристику неолиберальному повороту, чтобы затем показать влияние неолиберальной политики на сферы воспроизводства, труда и знания.

Фрибуржская школа неолиберализма: «приватизация» коллективного потребления и «индивидуализация» социальной политики

В лекциях 1978–1979 гг. Фуко предлагает курс об истории либерального дискурса от его зарождения в XVIII в. до начала 1970-х годов. Фуко видит в либерализме, скорее, «технику управления», чем экономическую или политическую доктрину. Под управлением здесь понимается «деятельность, состоящая в управлении поведением людей в государственных рамках и с помощью государственных рычагов»¹⁷. Перед политической экономией, отмечает Фуко, встает проблема ограничения политической власти. Политэкономия зарождается в середине XVIII в. как интеллектуальное орудие, определяющее критерии расчета и рациональности вообще, и таким образом предписывающее управляющему разуму его собственные границы. В некотором смысле она заменяет право, которое до сих пор ограничивало, правда лишь внешне, власть монарха. Однако объект политэкономии определяет-

¹⁶ Foucault M. Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France 1978/1979. Gallimard, 2004.

¹⁷ Foucault M. Ibid. P. 324.

ся двусмысленно: область политэкономии включает в себя как анализ производства и обращения благ, так и методы управления, способные обеспечить богатство нации. Фуко напоминает, что именно в статье «Политическая Экономия», написанной Ж.-Ж. Руссо для «Энциклопедии» Дидро, можно найти ясное определение политэкономии: как общего анализа власти (ее организации, распределения и разделения). Однако, уточняет Фуко, в политэкономии речь идет не о том, что оправдывает практику управления, а о самой этой практике и ее последствиях.

В XVIII и XIX вв. «натуралистическая» концепция преобладает: политэкономия видит в рынке выражение законов природы. Одним таким естественным законом является, например, перемещение «производственных факторов» в сферы наибольшей прибыли. «Законы рынка» мыслятся, таким образом, как «природные факты». Можно упомянуть также «природную склонность к обмену» А. Смита. Принцип «laissez-faire» становится преобладающим и начинает определять практику управления сообразно закону следования природе. Экономистам поручается выявление законов, которые должно соблюдать государство. Принцип «laissez-faire» преследует цель: «больше государства (т.е. более мощное государство) и меньше управления». Свобода рынка должна служить как пределом правительственного вмешательства, так и доказательством мощи государства.

Рынок рассматривается здесь как обмен, как место установления соответствий. «Истинную ценность» товаров определяет беспрепятственная торговля, подчиняющаяся законам природы. «Настоящая цена» формируется при помощи «естественных» рыночных механизмов. К тому же цены выступают мерой политики управления, а значит, мерой полезной стоимости правительства и его действий в условиях рыночной экономики. Поэтому, отмечает Фуко, речь идет, скорее, о «натурализме», чем о либерализме. Свободный

рынок, о котором говорят либералы, имеет дело со «спонтанностью» экономических механизмов. Чтобы могли действовать натуральные, спонтанные рыночные механизмы, вмешательство государства должно идти в том же направлении, что и производство свободы. Фуко замечает, однако, что свобода формируется каждую минуту и влечет издержки. Он дает кейнсианской политике следующую интерпретацию: это «инфляция» вмешательств, гарантирующих свободу рынка¹⁸ (а также свободу от того, в чем виделись две основные угрозы человечеству: фашизм и коммунизм), и «инфляция» компенсаторных механизмов, призванных составить противовес свободам.

Кризис кейнсианства в 1970-е годы — это кризис либерализма. Неолиберальная политика знаменует собой радикальное нововведение, ибо, как считает Фуко, неолиберализм подготавливает переворот в отношениях между экономикой и обществом. Теперь само общество будет производиться по законам экономики, сообразно экономической рациональности, с тем чтобы отменить социальную иррациональность капитализма, как предлагала Фрибуржская школа уже в 1940-е годы¹⁹. Другими словами, ставилась задача подчинить все общество логике и критериям рациональности (или рентабельности), действующим в экономике.

¹⁸ Поскольку безработица является фактором, ограничивающим свободу труда и потребления, умножение и распространение мер государственного вмешательства в занятость было призвано гарантировать свободы, необходимые для функционирования рынка.

¹⁹ Фуко в своих лекциях уделяет Фрибуржской школе не-малое место. Он подчеркивает теоретическое противостояние между ней и Франкфуртской школой, при том что обе исходили из проблематики «рациональной иррациональности» капитализма. Франкфуртская школа, в отличие от Фрибуржской, ставила целью определить новую *социальную* рациональность, которая могла бы отменить экономическую иррациональность.

Уточним, в чем именно неолиберальная мысль представляет собой поворот в либеральной мысли. Фуко датирует этот поворот как раз дискуссией, развернувшейся во Фрибуржской школе в конце 1940-х годов. С этого момента и по сегодняшний день либерализм, утверждает Фуко, ставит себе другие проблемы по сравнению с теми, которыми занимался классический либерализм. В классическом либерализме главной проблемой было,

как выделить пространство для рынка внутри данного политического общества. Неолиберализм же задался, напротив, вопросом, как осуществлять целокупную политическую власть по принципам рыночной экономики. Речь идет, таким образом, уже не о том, чтобы высвободить пространство, но чтобы перенести, спроецировать на искусство общего управления формальные принципы рыночной экономики²⁰.

Этот переворот начинается с некоторого числа концептуальных трансформаций, первая и главная из которых заключается в «разладе [dissociation] между рыночной экономикой, экономическим принципом рынка и политическим принципом “laissez-faire”».

Уже в либеральной мысли XIX в. с ее теорией чистой и идеальной конкуренции сущность рынка виделась не в обмене, а в конкуренции. Принципом рынка, следовательно, является уже не эквивалентность, а неравенство. Однако на базе «натуралистической» концепции либерализм XIX в. (как и XVIII) выводит из принципа рынка (понятого как обмен или как конкуренция) необходимость «laissez-faire». Новизна неолиберализма, таким образом, состоит в пересмотре «натуралистической наивности»: рынок подчиняется не законам природы, он не возникает самопроизвольно. Механизмы конкуренции не подчиняются стихийному порядку, который государство должно соблюдать как природ-

²⁰ Foucault M. Naissance... P. 137.

ную данность. Чистая конкуренция — это цель, и для ее достижения необходимо проведение «бесконечно активной» политики. Таким образом, речь идет не столько о развитии критики реализма в соответствии с гипотезами модели чистой и идеальной конкуренции (атомичность, однородность продукции, прозрачность информации, свободный доступ к рынку, свободное движение факторов производства), сколько о том, чтобы понять нормативную основу такой модели: она позволяет определить, какие действия правительства необходимы, чтобы подчинить конкурентной модели рынка все общество. Неолиберализм не основан на «laissez-faire»: «Свобода рынка, — писал Ропке, — требует активной и очень бдительной политики»²¹. Фуко цитирует затем важную фразу Микша: «Может статься, что при либеральной политике число экономических вмешательств будет таким же, как и при политике плановой, но природа их при этом будет различной»²². А у Ойкена находим уточнение этих различий: «Вмешиваться нужно не в механизмы рыночной экономики, а в условия рынка»²³. Управлять нужно не из-за существования рынка, а для него, чтобы сделать возможным его существование, чтобы он мог играть свою регулирующую роль и чтобы он мог стать, наконец, принципом политической рациональности. «Вмешиваться в условия рынка» означает, что правительство не должно вмешиваться в последствия рынка, не должно их исправлять (политикой общего блага), но что ему следует воздействовать на само общество и поэтому оно должно быть «руководством не экономикой, а обществом». Однако, добавляет Фуко, мы имеем дело не с рыночным обществом, а с обществом, «подчиненным

²¹ *Ropke W. Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart. 1942; переиздание фр. перевода: La crise de notre temps. Payot, 1962. P. 128.*

²² *Miksch L. Die Geldschöpfung in der Gleichgewichtstheorie // Ordo II. 1949. P. 327.*

²³ *Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. 1952. P. 336.*

динамике конкуренции (...). Речь идет о превращении рынка, конкуренции, и следовательно, предприятия, фирмы в то, что можно назвать формообразующей силой общества». Общество будет отныне формализовано по модели предприятия. Наконец, согласно фукольд-дианскому толкованию либеральной мысли, «целью неолиберальной политики является именно умножение, размножение модели предприятия внутри общественного тела»²⁴. Вмешательство приобретет, таким образом, не экономический, а юридический характер. Европейское строительство, прежде всего, в области экономики показательно в смысле неолиберальной ориентации своей политики.

Подобное прочтение немецкого неолиберализма позволяет лучше понять, какого рода теории оказывают в последние два десятилетия влияние на европейскую социальную политику (получившую во Франции новый импульс в последние годы, когда национальный союз предпринимателей предложил проект «Перестройка социальной сферы»). Неолиберальная социальная политика не может иметь целью равенство (ибо, следуя принципу конкуренции, компенсационное вмешательство не способствует нормальному функционированию регуляционных механизмов дифференциации). Вопрос ставится не о том, чтобы социализировать потребление (развитие коллективного потребления в таких областях, как здравоохранение, образование, культура) и доходы (дотационная политика), а, наоборот, об их «приватизации». С 1970-х годов в западных экономиках переворачивание отношений между экономикой и обществом начинает постепенно ориентировать социальную политику и приводит к тому, что сферы традиционного государственного вмешательства в области потребления и коллективного инвестирования (здравоохранение, информация, культура, образование, наука) превращаются в сферы, подчиненные экономической

²⁴ Foucault M. Naissance... P. 151–154.

логике и рациональности конкурентных рынков. Именно здравоохранение, информация, культура, образование и исследовательская деятельность лежат в основе нового капитализма.

Вместе с подчинением логике предприятия и конкуренции отраслей, имеющих прямое отношение к «воспроизводству биологической и социальной жизни», социальная защита также постепенно ориентируется на неолиберальные принципы индивидуализации социальной политики, а именно: «если следовать неолиберальной логике, социальная политика должна будет стать такой политикой, инструментом которой будет не перемещение доходов из одного места в другое в виде дотаций, но общая капитализация всех общественных классов»²⁵. Такая доктрина социальной политики легла в основу реформ системы пособий по безработице: пересмотр п. 8 и 10 «Общего положения о страховании по безработице» может служить наглядной тому иллюстрацией²⁶.

Неолиберальная социальная политика переворачивает вспять историческую тенденцию, отмеченную социальной историей и борьбой за социальные права: с развитием коллективного потребления и системы социальных дотаций «воспроизводство» выводилось из сферы трудового принуждения и рыночных рисков. Именно эта автономизация социальной сферы (явившаяся некогда важным завоеванием кейнсианской политики) и составляет для неолибералов социальную иррациональность: отныне они стремятся ее исключить, вернув в общество экономическую рациональность.

Если с неолиберальной точки зрения только рост (прирост) может гарантировать каждому индивиду-

²⁵ *Foucault M. Naissance... P. 149.*

²⁶ *Corsani A., Lazzarato M., Oliveau J. Intermittents du spectacle, du cinéma et de l'audiovisuel : les annexes 8 et 10, cas particulier d'une problématique plus générale. Comment financer la protection sociale dans le cadre de la discontinuité de l'emploi // Premier rapport general. 2005. Juillet. Rapport. 2005. Novembre.*

альное покрытие его рисков (пропорционально его инвестициям), то в моделях эндогенного роста²⁷ этот последний зиждется на инвестициях в знания и человеческий капитал. Однако эти модели исходят из того, что в отсутствие системы принуждения ничто не сможет гарантировать, что люди будут эффективно, с экономической точки зрения, использовать свое время и ресурсы. Так открывается простор для вмешательства в действия людей, простор для того, что Фуко назвал управлением поведением.

*Человеческий капитал или «человек-фирма»:
век живи — век учись*

Американский неолиберализм является частью либеральной традиции, восходящей к временам окончания гражданской войны. Эта традиция сильно отличается от либерализма европейского. «В Америке либерализм — это способ существования и мышления, а также нечто вроде утопического очага, который постоянно разгорается вновь»²⁸. Фуко замечает, что в либерализме находит свое выражение критика как справа, так и слева: справа — за все, что в плановых моделях экономики напоминает социализм; слева — за все, что есть в государстве от империализма и милитаристского духа.

Чтобы уяснить особенности американского неолиберализма, необходимо вернуться к ключевой эпи-

²⁷ Модели эндогенного роста суть результат размышлений над так называемым «остатком Солоу»: если попытаться объяснить рост одними только факторами капитала и труда, в результате получается некоторый остаток, достигаемый благодаря «техническому прогрессу». Он не приходит извне, но производится самим ростом. Поэтому связь между знанием и капиталом, накоплением знаний и накоплением капитала анализируется как внутренне присущая динамике роста.

²⁸ Foucault M. Naissance... P. 224.

стемологической мутации тридцатых годов, когда изменилось как поле, так и предмет экономического анализа. Эти мутации заметны уже в работах австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, для которого экономика выступает «наукой о человеческой деятельности». Эпистемологический сдвиг еще явственнее обнаруживается в определении, данном английским экономистом Лайонелом Роббинсом: «Экономика — это наука о человеческом поведении как отношении между целями и “редкими” средствами, которые могут быть использованы различными взаимоисключающими способами»²⁹. В свете этого сдвига, на котором основан весь американский неолиберализм, проясняется понятие человеческого капитала³⁰. Действительно, предметом экономического анализа выступает уже не процесс производства или накопления капитала, не оптимальное распределение ресурсов, а рациональное поведение человека. Этот эпистемологический сдвиг имел одним из своих важных результатов то, что поле экономической деятельности распространилось на всю сферу гуманитарных и социальных наук. Любое поведение человека, независимо от того, связано ли оно с экономикой, теперь должно быть подвергнуто экономическому анализу: семья, сексуальность, материнство, забота о ближнем, преступность...

В рамках американского неолиберализма экономическая теория труда становится теорией субъективного поведения работника³¹. Зачем он работает? Как использует свои ресурсы? Каковы эти ресурсы? Что

²⁹ *Robbins L. Essay on the Nature and Significance of Economic Science. 1932.*

³⁰ С новыми представлениями о человеке как человеческом капитале Фуко связывает политические проблемы, возникшие вокруг генетики: они ставятся, по Фуко, «в терминах роста, накопления и совершенствования человеческого капитала». См.: *Foucault M. Ibid. P. 235.*

³¹ *Schultz Th. Capital Formation by Education. 1960; Investment in Humain Capital. 1961; Becker G. Human Capital. A Theoreti-*

он делает для их увеличения? Именно с подобных вопросов и начинается создание теории человеческого капитала.

Теоретики неолиберализма исходят из того, что конечной целью всякого труда — самого факта, что человек выбирает или решает, трудиться, — является получение зарплаты (дохода). Разумеется, при таком взгляде обходятся молчанием исторические условия, при которых система заработной платы была навязана в качестве необходимости, как условие для доступа к деньгам и, следовательно, для обретения средств к существованию. Доход — то, что здесь рассматривается как цель и смысл труда, — определяется как продукт капитала, и, соответственно, капитал — как то, что может приносить доход. Но в нашем случае речь идет о капитале, наделенном двумя особыми свойствами: он состоит из знаний («знать»), навыков («уметь») и способностей («уметь-быть») и неотделим от личности. Это и есть так называемый человеческий капитал. По мнению неолиберальных теоретиков, такие ресурсы должны расти качественно и количественно, если ставится задача повышения их стоимости на конкурентном рынке труда. Поэтому создание человеческого капитала требует экономической рациональности, а также вложений в сферу образования, если человек принимает индивидуальный выбор вкладывать в развитие собственного «человеческого капитала»³². Именно это и имел в виду Фуко, когда говорил о том, что *homo œconomicus* превращается в «своего собственного предпринимателя» (*entrepreneur de lui-même*) в «обществе-предприятии».

Окончание сн. 31

cal and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 1964.

³² Критика такой позиции предпринималась и внутри либеральной теории. К. Эрроу считает, что система образования не приносит увеличения знаний, а служит (весьма дорогостоящим) фильтром отбора. Arrow K. Higher Education as a Filter // Journal of Public Economics. 1973. No. 2.

Претензии этих теорий на универсальность недооценивают сложность поведения и субъективных установок человека. Любое поведение, не вписывающееся в логику «капитализации своего я», должно быть приведено к рациональным нормам человеческого капитала. Так теория человеческого капитала, перенятая моделями эндогенного роста, приходит к осознанию необходимости государственного вмешательства. Наращивание человеческого капитала является условием экономического роста. Согласно этой теории, люди могут делать «неоптимальный» выбор в выделении времени на образование, и тогда необходимы меры, стимулирующие и направляющие ход образования, не говоря уже о собственно побуждении к образованию.

Таким образом, в перспективе, открытой американским неолиберализмом, вся образовательная система равняется на экономику и оценивается по критериям экономической рентабельности. «Управление поведением», о котором говорит Фуко, в данном случае выражается в стимулировании (а точнее, в принуждении) к образованию, ориентированному на нужды общества-предприятия. Человек, рассматриваемый как капитал, полностью подчиняется логике предприятия и конкуренции. Миф об обществе знания и свободной кооперации, ориентированном на общие ценности и «устойчивое развитие», окончательно развеивается.

*Права на интеллектуальную собственность:
произвести редкое в мире изобилия*

Другой вопрос, который ставится в неолиберальной политике: юридические механизмы защиты интеллектуальной собственности. Со строго аналитической точки зрения, знание не отвечает законам рынка, не составляет товара. Его рыночная стоимость не может поэтому иметь какую-то внутреннюю природу, но является производной от юридической системы, законов права. То, что знание не является обычным продук-

том, экономической теории известно по меньшей мере с 1930-х годов. Но уже в работах Джона Б. Кларка мы можем найти интересные размышления на этот счет. В своей «*The Philosophy of Wealth*» (1885) он утверждал, что знание, в отличие от товаров, не подчиняется закону убывающей прибыли, а также отмечал расширение движения добровольной кооперации, коллективного использования «неприсваиваемых» благ, таких как произведения искусства. Эта добровольная кооперация и распространенное «использование» таких неприсваиваемых благ рассматривалось тогда как источник прогресса. Спустя столетие, в 1962 г., К. Эрроу отмечал, что в экономическую науку трудно включить специфику изобретения, ибо речь здесь идет о «неделимом», «неприсваиваемом» в исключительное пользование ресурсе, который обретает в силу этого статус общественного блага³³.

Однако знания и изобретения отличаются, причем радикально, от материальных благ³⁴. Последние, в отличие от первых, можно трогать, присваивать, обменивать, потреблять. «Неприсваиваемый» означает, что знание, усвоенное тем, кто его получил, не становится от этого его исключительной собственностью и не убывает от использования. В этой неприсваиваемости знание обретает даже свой смысл, свою легитимацию. Только материальные товары могут быть индивидуально присвоены, потому что потребление разрушает их, что приводит к невозможности их использования другими. Это «блага-соперники»: обладание ими вызывает противостояние тех, кто на них претендует. Они могут быть только «моими или твоими», и попытка обобществить их систематически срывается в силу особой природы рассматриваемого объекта. Знание же

³³ Arrow K. Economic welfare and the allocations resources for inventions / Ed. R. Nelson // *The Rate and Direction of Activity: Economic and Social Factors*. Princeton University Press, 1962.

³⁴ Lazzarato M. *Puissance de l'invention. Les Empêcheurs de penser en rond*. 2002.

нельзя обменять по причине его неделимости и неприсваиваемости. В ситуации экономического обмена каждый может извлечь выгоду, но только расставаясь с тем, чем владеет. При обмене знаниями тот, кто их передает, не теряет их; социализируя их, он от них не избавляется. Наоборот, их ценность возрастает по мере того как они распространяются и усваиваются другими. Понятие обмена не выражает поэтому в полной мере смысла передачи знаний. Строго говоря, знание не может потребляться, так как его «потребление» не деструктивно. Напротив, оно приводит к созданию других знаний, которые могут, в свою очередь, распространяться в большем или меньшем масштабе: обращение становится основным моментом процесса производства.

Знания являются благами *общими* скорее чем «общественными». Общие блага не только неприсваиваемы, неделимы, подобно благам коллективным, таким как вода, воздух, природа: понятие общего отсылает к общению, отношению. Знание есть продукт отношения, оно не существует вне передачи и со-общения. Являясь общими благами, знания обладают одним замечательным свойством: они ускользают от логики редкости и экономического расчета, потому что, даже если их можно накапливать, заменять другими и разрушать, как товары, они подчиняются, тем не менее, другим законам. Только некоторая произвольная власть — например, режим интеллектуальной собственности — может воспрепятствовать общественному использованию знаний. Эта произвольная власть искусственно вводит принцип редкости, эффект которого антипродуктивен, ибо подавляет творческий характер коллективной связи и распространения знаний.

Учитывая эту специфику, говорить об *экономике знания* представляется апорией. Ибо знания антиэкономичны.

Экономика знания призвана быть экономикой обобществления и бесплатности; она есть полная противополо-

ложность экономики. Именно эту форму коммунизма она естественным образом принимает в научной среде. «Стоимость» знания измеряется не деньгами, но интересом, который это знание вызывает, распространением, которое оно получает. Следовательно, в основе капиталистической экономики знания находится антиэкономика, в которой нет места «товару», «товарообмену», «обогащению»³⁵.

Однако, как это ни парадоксально, в то время как политическая экономия, как никогда, настаивает на роли знаний в экономическом росте; в то время как политический дискурс объявляет своей приоритетной задачей создание «общества знания», — именно в это время количество патентов и других элементов интеллектуальной собственности стремительно и неуклонно растет, а юридическая система умножает свои механизмы контроля. Теоретическое обоснование это положение дел получает в моделях эндогенного роста, построенных на основе новаторской модели Пола Ромера (1990): на чисто конкурентно (т.е. без обеспеченной законом защиты временной монополии на инновативные изобретения) построенном рынке никто не станет производить знания. Следовательно, государству выпадает роль создателя инструментов принуждения: права на интеллектуальную собственность, которые обеспечивают «монопольную ренту» и являются таким принудительным толчком. Либеральная экономика, призывающая государство вмешаться? Парадокс здесь только кажущийся. Неолиберализм требует создания юридической охраны конкурентного рынка, который сам по себе, в природе, не существует: как я уже отмечала, либерализм неолибералов уже не натуралистичен. Неолиберализм прибегает к большому числу разнообразных механизмов создания рынка и общества предприятий, состоящих друг с другом в отношениях конкуренции.

³⁵ Gorz A. L'écologie, une éthique de la liberation // Ecorev. 2005–2006. No. 21 (интервью).

Тем более это касается знания. Его неотъемлемая характеристика как общественного и общего блага противоречит сути конкурентного рынка, управляемого отношениями неравенства, и обязывает создавать механизмы (систему интеллектуальной собственности), позволяющие существовать конкурентному рынку. Иначе говоря, еще менее того «в природе» может существовать рынок знаний, т.е. того, что по природе не является ни товарами, ни «редкими» благами, но государство может создать такой рынок своими юридическими актами.

Развитие и распространение бесплатных программ, технологий «peer to peer», по аналогии с борьбой за свободный доступ к тритерапии, которая ведется в ряде южных стран, являются лишь некоторыми яркими примерами новой природы конфликтов, пронизывающих когнитивный капитализм.

Я позволю себе резюмировать содержание этой статьи в *трех* положениях, касающихся когнитивного капитализма.

Первое: когнитивный капитализм соответствует этапу, который, перефразируя Маркса, можно назвать этапом реального подчинения биотехнонауки капиталу. Неологизмом «биотехнонаука» я попытался прежде всего передать, что категориальное разделение между наукой и обществом, между наукой и культурой, между наукой и политикой теряет свою четкость и что меняется сам способ «заниматься наукой»³⁶.

Второе положение касается природы знания, собственного современному капитализму. Центральное положение науки — для капитализма не новинка, но

³⁶ Как следует из анализа биолога и специалиста по истории научных знаний Доры Харауэй, начиная с 1970-х годов, технотехника все чаще проникает в политику и технику, природное и социальное, что оказывает существенное влияние на практику научной объективности. См.: Haraway D. Modest-Witness, Second-Millennium: Femaleman Meets Oncomouse: Feminism and Technoscience // Routledge. 1997.

на новой его фазе, которую мы называли когнитивной, это уже не те знания, которые относятся к ансамблю «человек и его орудия труда» (что составляло основу капитализма промышленного). Знания, задействованные в когнитивном капитализме, касаются биологического и социального воспроизводства жизни. Сама жизнь оказывается вовлеченной в производственный цикл. К напряжению и конфликтам вокруг труда в промышленном капитализме в когнитивном капитализме добавляются напряжение и конфликты, направленные на обеспечение так называемого устойчивого развития³⁷.

Отсюда мое *третье* положение. Гипотеза когнитивного капитализма отражает новый тип отношений между наукой, капиталом и жизнью, который должен рассматриваться двояко: как на уровне логики капитала и способов его накопления, так и на уровне мутаций капитализма, обусловленных неолиберальной политикой в сферах интеллектуальной собственности, образования, социальной политики и занятости.

Неолиберальная логика состоит вовсе не в отсутствии государственного вмешательства, а в изменении его характера. Модели эндогенного роста и их политическая поддержка наглядно иллюстрируют новую природу государственного вмешательства, где знанию отводится ключевое место. К этому я добавлю, что анализ неолиберальной концепции рынка, социальной политики и труда проливает свет на отношения капитал—жизнь в когнитивном капитализме. В нем демократическая проблема тесно связана с этической, и перед нами встает вопрос: как вписать биотехнонауку в проекты, нацеленные не на повышение конкурентоспособности, а на «устойчивое развитие»?

Перевод Людмилы Фирсовой

³⁷ Orozco A.P. La economía de icebergs, trabajos e (in)visibilidades // Transformaciones del trabajo desde una perspectiva feminista. Tierradenadie Ediciones, 2006.

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма?

— Это слишком человеческая логика. Ты же не экономист, Рама, ты вампир. Сосредоточься.

В. Пелевин¹

Наше политическое воображаемое сегодня настолько обнищало, что оно не в состоянии предложить нам пусть хоть идею общества, которое мы бы себе желали и за которое стоило бы бороться, что как раз и означает, что мы предоставляем неолибералам безраздельно решать, каким будет «будущее общество».

П. Дардо, К. Лаваль,
Э. Мухуб Мухуд²

1

В период излета оптимистического «волютаристского» эсхатологизма («Нынешнее поколение ... будет жить ...») общественный разум решил приструнить волю и выбрать для артикуляции общественного идеала формулы поосторожнее и пообтекаемее. На место энтузиазма масс во главу угла решено было поставить *научное управление обществом*³. Как всякая идеологи-

¹ Пелевин В. Амфир В. М.: Эксмо, 2006.

² Dardot P., Laval Ch., Mouhoub Mouhoub E. Sauver Marx? Empire, multitude, travail immatériel. P.: La Découverte, 2007.

³ Спорадически употреблявшееся и прежде (и не только по-русски — см. scientific management (of factory, economy, society etc.), восходящее по меньшей мере все к тому же Ф. Тэйлору, т.е. к рубежу веков), это выражение получило хождение по-

ческая мода, эта породила по всей стране массу книг, диссертаций, лекций и прочих «методологических семинаров», посвященных разным аспектам темы.

Наиболее же изощренный отряд философов⁴ выдвинул (в это же время или чуть позже) теорию «всеобщего труда». Имелась в виду некоторая псевдоконкретизация установки «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Всеобщим именовался труд, в идеале не мотивированный ничем, кроме тяги к реализации своих способностей. Его продукты предположительно не обменивались, а брались вволю (ну, или вплоть до исчерпания запаса). Теория эта не была придумана, а, как, впрочем, любая тогда теория, зижделась на Марксе. Например, на этом пассаже из него:

...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов⁵.

Окончание сн. 3

сле выхода одноименной книги известного философа (или, скажем, идеолога) и редактора «Правды» В.Г. Афанасьева (М.: Политиздат, 1968). Вскоре под этим названием стал издаваться (и издавался по 1980-е годы включительно; вышло не меньше 18 его выпусков) регулярный сборник Академии общественных наук при ЦК, а также — с вариациями — масса других изданий и монографий. Затем это выражение было заменено более скромным, уже не очень настаивавшем на научности: «социальное управление».

⁴ В этом «отряде», разумеется, не было никакого единства и состоял он из людей весьма разных. В качестве их представителей можно назвать Библера В.С., Батищева Г.С., Межуева В.М., Мареева С.Н.

⁵ Маркс, Энгельс. Сочинения. Т. 25 (1). С. 116.

Конечным продуктом, или *собственно* продуктом всеобщего труда, объявлялся сам его субъект, личность. Всеобщий труд противопоставлялся труду, традиционно *разделенному* на физический и интеллектуальный. Он был, конечно, прежде всего интеллектуальным, но *не в качестве* социально отделенного от материального, а в качестве освободившегося от векового проклятия физического труда. Дискуссии вызывали лишь частности: например, совпадает ли всеобщий труд с духовным производством в принципе или только сейчас, на исторически ограниченном отрезке времени, и т.д. Маркс отличал всеобщий труд и от *совместного*, как ограниченного только субъектами наличной кооперации, тогда как всеобщий труд брал в сотрудники все мыслящее человечество во всей его истории, живое и мертвое. Всеобщий труд — как и подобает труду творцов, изобретателей и открывателей — структурировался законами уже не рабочего, а свободного времени, поэтому никогда не терял своей конкретности, не редуцировался механизмом рынка к абстрактному труду. Моделью для него должна была служить наука, т.е. такая деятельность, где продукт неотчуждаем от производителя, где между производителями разных поколений и даже между живыми и мертвыми устанавливается бескорыстная кооперация, где обладание одним человеком неким продуктом не исключает других пользователей и т.п.

Озираясь четверть века спустя и совсем из другого зона и к тому же подключая оптику «когнитивных капиталистов», видишь в теории «всеобщего труда» уже не просто очередной «*theologoumenon*» так называемого интеллектуального марксизма. В ней видится попытка, пусть и чисто теоретическая, реванша интеллигенции: в стране, где пролетариат совсем еще недавно официально сменил гнев диктатуры на милость однопартийной системы, эта теория предлагала ни больше ни меньше как выбрать идеальной моделью труда — труд ученого! Она была неким сообщением,

адресованным власти: пора менять лошадей, пора ставить на науку, пора ценить не только рабочего, но и инженера (пока он еще не пошел в рабочие!), не только грубость силы, но и тонкость знания.

В вопросе о всеобщем труде коммунистические представления о собственности достигали предельной доходчивости. Если простому обывателю отказ от частной собственности непросто было применить к движимости и недвижимости, то зато всем было понятно, что нелепо посягать на обладание идеей или знанием, которое само выработано в неизбежной опоре на целые поколения известных и неизвестных лиц. Вскоре, когда официальные документы хором заговорили о научно-технической революции, теория «всеобщего труда» стала служить не столько оплотом сопротивления технологическому детерминизму (alias редукционизму), свойственному официальному дискурсу о «соединении НТР с преимуществами социализма», сколько прибежищем для анти-технотронщиков, для новых «гуманистов».

2

Имел ли Маркс в виду науку своего общества? Если да, то прав ли был он, полагая, что наука — видимо, в силу какого-то ей присущего этоса — не подчиняется общим экономическим законам? Если, нет, то считал ли он, что антиэкономическая экономика будущего общества будет равняться на — тоже идеальную — науку этого будущего общества? Оставим эти вопросы марксоведам и зададимся другим: в какой степени реальная советская наука могла быть моделью (или хотя бы иллюстрацией) всеобщего труда? В весьма большой. Например, интеллектуальная собственность действительно не защищалась никак и вообще не была темой, т.е. действительно советский ученый публиковал все, что мог, и брал сведения, какие только мог и где только мог. Сотрудниками выступали,

действительно, свои и чужие, живые и мертвые. Но у этой безусловной и безоговорочной кооперации были свои внешние пределы: железный занавес (правда, не абсолютно не проницаемый, и в обе стороны) и цензура, простиравшаяся от страшных тайн часто вполне мальчиш-кибальчишеского толка до технологических и оборонных секретов военно-промышленного комплекса, во многом составлявшего, кстати, политический и экономический смысл всей этой науки. Внутренних же пределов, пожалуй, что и не было: осененный не просто аурой, а таким символическим полярным сиянием, советский ученый с энтузиазмом отнимал у природы ее загадки, открывал и изобретал. И не только он: в меру сил, знаний и свободного времени (этого «подлинного времени развития творческих сил») открывал и изобретал и простой гражданин. Эта деятельность принимала в масштабах страны характер столь бурный и неистовый, что впору видеть в ней настоящую «проклятую часть», избыток, жертву, приносимую на алтарь будущего. Почтовые ящики академических и иных НИИ были переполнены разнообразнейшими предложениями — от усовершенствования открывашки до спасения цивилизации от очередного бедствия; заводские бюро рационализации и изобретательства были завалены проектами от мастеров и простых рабочих, необузданно использовавших, формализовавших, «кодировавших» в них свой опыт, свои «неявные» знания⁶. И такие знания отнюдь не были уделом одних только рабочих. Весь СССР был гигантским питомником по выращиванию такого «неявного знания». Теория никогда особенно не скрывала, что имела к практике отношение столь отдаленное, что без проницательности, наития, смекалки и подлинно одиссеевой находчивости пытаться

⁶ О важности этого «unorganized knowledge», наряду с М. Полани, писал Ф. Хайек: *Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society* // *Amer. Econom. Review*. XXXV. 1945. No. 4.

ориентироваться на практике индивиду было абсолютно безнадежно. И это касалось, конечно, далеко не только технических инноваций, но и повседневного поведения в социальном поле, организованном⁷ крайне запутанно, изоцирено, со специфическим административным коварством и огромным числом писанных (но не выполняемых) и неписанных (но строго выполняемых) правил.

С внедрением, как известно, было посложнее. Именно невнедряемость подавляющего большинства этих проектов воплощала их подлинно *бесполезный*, антиутилитарный, незаинтересованный характер. Их авторы воистину производили только самих себя, и певцы «всеобщего труда» лучшего удела для (советского) человека и выдумать не могли. Но достаточно ли человеку *такого* целеполагания? Можно ли было мечтать побороть отчуждение, отказавшись от созидания, т.е. искоренив самое овнешнение? Что было достигнуто несомненно, так это фатальное когнитивное отставание.

С момента революции (которая была и моментом начала, несомненно, одной из самых масштабных культурных революций в истории) в стране, где светская ученость и университет были еще феноменами молодыми (от силы двухвековой давности), наука стремительно набрала необыкновенно высокий символический статус. Он отливался и в некоторые материальные привилегии (одной из них было, например, вообще само существование Академии Наук), но в целом вознаграждение ученых было низким, низким не абсолютно, а относительно — по сравнению с зарплатой рабочих. А именно: оно было установлено на том уровне, который сочло нужным это научно-эгалитарное общество. И ученые порой роптали, как роптала самая массовая и самая ущемленная интеллигентская триада инженеров-учителей-врачей. Да что

⁷ Или, скорее, дезорганизованном: «хаосмотическом», сказал бы Делёз вслед за Джойсом.

толку? Самые «любимые артисты», самые популярные киноактеры и звезды эстрады гастролировали себе по неуютной стране с кипятильником в чемодане. Только поверхностный наблюдатель может увидеть в этом контрасте между высоким престижем и низкой оплатой противоречие. Во времена диктатуры пролетариата интеллигенция была готова работать за одно только данное ей разрешение трудиться в его интересах. Затем пролетариат стал взыскивать с нее за радость творческого труда и присвоение богатств, накопленных человечеством. В этом смысле гегемон показал себя не просто рачительным хозяином, но и расчетливым бухгалтером экономики удовольствий: сподобился творению, будь добр пожертвовать денежный эквивалент радости творчества в пользу многомиллионных ударников монотонного труда. Мы тебе уважение (плюс прожиточное пособие), ты нам бесплатный труд. И такой вот тонкий учет, заметьте, был проявлен еще в эпоху, когда будущие теоретики «когнитивного капитализма» еще «пешком под стол ходили».

Радость, однако, понималась не гедонистски, а преимущественно как «удовлетворение от выполненного долга», «глубокое удовлетворение» от вливания своего труда в труд своей республики и т.п. Пока идеология страны сохраняла инерцию революционного накала, это «упреждающее» или «опережающее» удовольствие (т.е. получаемое от наслаждения потомков, во имя которого выполнялся долг и вливался труд) обладало своей эффективностью. Ключевую роль в эрозии этого «бегства в будущее» сыграла война, стилизованная режимом в жертву во имя жизни как конечной цели. Отсюда и самоидентификация послевоенного поколения с той самой жизнью, во имя которой все эти ненеправильные жертвы были принесены. Это поколение потому тем легче и уверовало (или сделало вид, что уверовало), что именно оно и станет тем «нынешним поколением советских людей», которое «будет жить

при коммунизме». Оттепель носила поэтому уже четко ощутимый гедонистский оттенок.

Не настолько, однако, чтобы подсчитать, что инженер (врач, учитель) мог бы тянуть вверх общество и своим потреблением, будь у него к тому возможности. Сама идея потребления была чужда жертвенно-аскетическому духу «научного коммунизма», обреченного поэтому на раннее или позднее всемирно-историческое поражение в войне с цивилизацией удовольствия.

Вероятно, некорректно говорить вообще, применительно к социализму, об оплачиваемом труде. Зарплату можно назвать, скорее, гарантированным минимумом. Это, как мы теперь знаем, не совсем то или даже совсем не то, что «когнитивисты» называют «гарантированным социальным пособием» (*revenu social garanti*) или «пособием на существование» (*revenu d'existence*), потому что они предлагают давать его не за, а для, не как оплату за труд, а как условие будущей реализации, не как вознаграждение, а как трамплин. Иначе говоря, они представляют его себе безусловным, т.е. даваемым не за некий результат, а по факту «беды появления на свет», самого «несчастья родиться»⁸. Но они его предлагают своему обществу, обществу со структурной безработицей, а я здесь вспоминаю общество, где разумом и волей народа была введена структурная занятость, где работали практически все. Разница же в зарплате была — по меркам современного капитализма — ничтожной: между минимальной и максимальной (официальной) расхождение было, наверное, не больше чем в порядок. В этом смысле это действительно было эгалитарное общество.

Оторванность науки от производства была излюбленным мотивом партийной критики, но с высоты считанных истекших десятилетий видно, что именно этой — относительной — оторванности обязан успех

⁸ Я цитирую чорановское «*inconvenient d'être né*».

фундаментальных исследований. Была ли Марксова оценка науки констатацией или только чаянием, ясно, что он не мог предвидеть и не предвидел всех деталей последующего развития технoнауки. В значительной степени утратив ореол невинности (после катастроф XX в. сохранить его было трудно), наука в капиталистическом обществе активно пошла на превращение знания в товар, согласилась на отказ знанию в особом статусе. Превратившись в предприятие, наука и со знанием стала обращаться, как это положено с товаром: создавая монополии, играя на конкуренции, скрывая информацию, искусственно создавая редкость. Наука уже вовсе не ускользает от экономики, она стала новым полем экономической брани. Эти тенденции особенно усилились с 1990-х годов и, видимо, не случайно. Может быть, не абсурдно предположить, что не просто идеологический факт существования крупного социалистического государства, но, скорее, наличие мощной научной державы, игнорировавшей, в частности, весь патримониально-правовой комплекс защиты интеллектуальной собственности, служило по отношению к этим тенденциям некоторым естественным сдерживающим механизмом.

Социальный престиж советской науки был тем более высок, что наука представала передовым отрядом в стране, которая вся руководилась (и, предположительно, жила) по науке. Само выражение «научный коммунизм» было, по меньшей мере, двусмысленным и означало как специальную науку, изучавшую общественный идеал и средства его достижения (синоним «марксизма»), так и само общество — социализм (коммунизм), развивающийся и управляемый научно. Наука в таком обществе занимала место куда более важное, чем просто «производительной силы», пусть даже «главной». Она была ее «системным признаком»⁹.

⁹ На то, что для «научного управления обществом» необходим «системный анализ», указывал уже подзаголовок к упоминавшейся книге В.Г. Афанасьева.

Она образовывала фундамент, стратегию и религию¹⁰ страны. Даже альтернатива мыслила себя в терминах «системы»: это слово было ключевым и в хипповской тусовке, и наряду со словом «методология» в супертехнотронной игре Г.П. Щедровицкого, которая была тем же «научным управлением обществом», только управлением свободным, «незаинтересованным» и в упомянутом смысле «бесполезным».

С определенной стороны вопрос о знании — центральный для понимания как жизни, так и смерти советского строя. Можно представить себе его историю не только как «революцию, пожирающую своих детей», но и как «культурную революцию, роющую себе могилу». Обучив читать, писать и считать в кратчайшие сроки миллионы людей, режим не мог всерьез мечтать контролировать, как их дети и внуки распорядятся этими чреватými последствиями умения.

Применение науки и машин должно было освободить человека и его энергию. Здесь кончалась политэкономия и начиналась игра. Иначе говоря, здесь заканчивалось воображение теоретиков. Освободившимся от труда людям предоставлялась возможность заниматься самосовершенствованием и «бегать вприпрыжку по колокольчиковым полям». В ожидании коммунистического рая разрешалось и не очень-то убиваться на работе. Общая занятость и низкая производительность труда — две стороны одной медали. В рабочее время разрешалось бегать, прыгать, спать, расти над собой и «общаться» (в очередях и не только), т.е. то, что *собственно* ожидается от времени свободного.

Научный коммунизм был современником и, во многом, партнером индустриального капитализма. Ког-

¹⁰ Упомянем лишь научную харизму, которой идеология снабдила «корифея всех наук» и в разной степени других руководителей. Коллекционирование ученых степеней — занятие нередкое и до сих пор как среди политиков, так и среди бизнесменов.

да первый породил из своих недр скромный цветок теории «всеобщего труда», второй стал размышлять о *постиндустриальном* обществе. Каждый искал достойный выход из кризиса на практике и в теории.

3

Второе пришествие российского капитализма оказалось настолько внезапным, что по инерции он остался тоже немножко научным. Не только планирующий и контролирующий госаппарат во многом остался в структуре своей неизменным, но и «общие блага» (и прежде всего, высшее образование, наука) достались готовыми от прежних хозяев. Когда еще «*general intellect*» нынешнего общества станет вполне независим от своего предшественника? И каким еще он будет? Очевидно, что иным, совсем иным. Пока же за считанные годы изменился статус знания. По примеру героя «*Generation П*» не только поэты, но и ученые оказались вынуждены переквалифицироваться в управдомы и маркетологи. Процесс этот *не* специфичен для России и с падением коммунизма связан, в лучшем случае, косвенно: как разочарование в науке — социальной, а заодно и во всякой. По крайней мере, естествоиспытательский и инженерный задор свойствен сегодня куда больше молодежи в младоиндустриальных, чем в постиндустриальных западных странах.

Как следует из «когнитивистского» анализа, присвоение капиталом «общих благ» тоже отнюдь не российская черта. Она, наоборот, может быть возведена в некий закон экстернального (? экзогенного? гибридного?) развития: современный капитализм, как и предыдущий индустриально-колониальный, живет за счет присвоения *иного*: способностей индивида, общественных знаний, неявных умений и навыков и проч. Присвоение это связано всякий раз с насилием, только теперь все больше само право — защита интеллек-

туальной собственности — становится орудием этого насилия.

Излишне говорить, что и современный российский капитализм в этом смысле идет в ногу с международным: он тоже широко опирается на потенциал (прежде всего, образовательный) прежнего строя и в этом смысле абсолютно несамодостаточен. Предыдущее общество, действительно, не знало, что́ делать со своими инженерами. Но пока неизвестно, умеет ли нынешнее, *за пределами действия естественной инерции*, вообще их готовить. Впрочем, есть признаки того, что хотя ни обвал отечественной науки, ни коррупция высшего образования не остановлены, худшее, возможно, позади.

При взгляде через «когнитивную» призму на сам процесс перехода от старого строя к новому приватизация (как аналог конститутивного первоначального накопления) предстает, прежде всего, двумя своими основными «когнитивными» результатами. Во-первых, она представила *кооперацию* как нечто ненормальное и подлежащее нормализации (которая как раз и пришла в лице приватизации). На кооперацию легло тяжелое подозрение, что именно в ней и кроются все беды и исток экономической несостоятельности свергнутого общественного порядка. Приватизация стала — даром что дело происходит в «соборной» России — предельным в своей ясности знаком, сигналом и воплощением легитимации индивидуализма.

Во-вторых, сколь бы велика ни была в приватизации доля прямого насилия, определенная интеллектуальность — смекалка, хитрость, стратегическое мышление, здравый смысл, неординарность мысли — там тоже, несомненно, присутствовала. И вот другим важным результатом приватизации и стало то, что сам тип интеллектуальности, ее осуществивший, предстал теперь как основной, самый ценный, как критерий всех остальных. Эта «переоценка ценностей» имела следствием, что состоятельность *всякого* интеллектуала стала измеряться его обладанием *этим* типом

интеллектуальности. Лозунг «если вы такие умные, то чего вы такие бедные?» никогда не определял общую социальную атмосферу так полно, как сегодня. Считать ли феномен резкой валоризации маркетинговых способностей *в ущерб другим, в том числе и профессиональным*, болезнью роста и временной трудностью или же знаком новой эпохи?

Или другой вопрос, тоже касающийся того, как гений (российского) места сталкивается с гением (когнитивно-капиталистического) времени: необходимо ли, фатально ли считать наличие у страны богатых природных ресурсов фактором, способствующим сворачиванию ее «когнитивного» профиля? Действительно, не проще ли, не сподручнее ли похерить вместе с научной одержимостью предыдущего режима и его непомерные технологические и научные амбиции и спокойно встроиться в международное сообщество на правах бензозаправщика?

Если говорить о других переменах последнего двадцатилетия, то можно отметить бесспорное приращение экономического знания масс: от сугубо «научной» макрополитэкономии социализма (каждый тезис которой вопиял: «к реальной экономике я отношения ни имею!») произошел гигантский скачок к микроэкономической образованности. Эта последняя оказалась, особенно у молодого поколения, тесно переплетенной с высокой консуматорной компетенцией. Технология потребления выказала свою огромную не только знание-, но и время-емкость. Потребление стало съедать огромную часть так называемого свободного времени. Если при всей авторитарности прежнего режима, за пределами рабочего времени и в границах дозволенного (в пределах государственных границ, например), советский (молодой) человек сам определял (или тешил себя иллюзией, что определял) свой путь, то сегодняшнему (молодому) россиянину говорят, как жить, партия (которая по-прежнему — или снова — одна), реклама и телевидение. Российский капитализм и в

этом не специфичен, если не считать некоторого локального колера.

Ибо, если при социализме управление свободным временем было демонстративно нацелено на бесполезность, и в этой бесполезности, собственно, и виделся залог *свободы*, то новый капитализм отнесся к свободному времени граждан с присущим ему расчетом, извлекая из него выгоду, по меньшей мере, двоякую.

Во-первых, оказалось, что и его можно привлечь к производству, а именно: предлагая человеку учиться и переучиваться (что становится все нужнее и все ценнее производству); истолковывая как свободное то время, которое человек проводит *между* периодами занятости, т.е. в качестве безработного; заставляя его думать о работе 24 часа в сутки (ибо «думание» работника и думающие работники стали расти в цене); предлагая стирать грани между работой и досугом (в конце концов и там, и там сидишь перед экраном) и т.д. Во-вторых, работнику можно дать понять, что высший смысл и наилучшее использование свободного времени — это и есть потребление, что, в свою очередь, будет толкать вперед индустрию — как индустрию вообще, так и в частности специально для этих целей разработанную «индустрию свободного времени».

По «когнитивности» российский капитализм не отстает от западного и в том отношении, что породил массу новых высокоинтеллектуальных профессий или открыл неслыханный ресурс интеллектуальности в профессиях, дотоле считавшихся заурядными и рутинными. Конечно, поколению, сформировавшемуся в предыдущей парадигме (типа старорежимного автора этих строк), сразу трудно принять, что настоящими творцами стали считаться создатели рекламы (получившие, дабы не оставалось никаких сомнений, название *криэйторов*), а также разнообразные имиджмейкеры, фандрейзоры и прочие мерчендайзеры, а подлинное произведение искусства или культуры теперь положено видеть уже не в картине, спектакле, книге,

а — в «проекте». Но ведь это смещение *внутри* цеха интеллектуального труда типологически сходно с произошедшим в труде ручном на уровне перехода от мастера к мануфактуре, при расщеплении компетенции мастера на чистое знание и чистое исполнение. Подобно тому как *организатор* физического труда (предприниматель, менеджер, прораб) играет роль куда более важную в производстве, чем рабочий, так и галерист, и комиссар выставки играют роль значительно более важную, чем художник.

Некоторым (типа все того же брюзгливого автора) трудно принять близко к сердцу и новые заботы, присущие когнитивному капитализму. Например, тревогу деятелей «аудиовизуальных искусств», которые угрожают, если щедро не оплачивать их труды, вообще забастовать и *перестать творить*. Брюзгливая калоша склонна, не скрывая радости, видеть в таком исходе долгожданную, уже не чаянную перспективу пусть короткой, но передышки (а, может быть, даже и *тишины*). Но на то и существуют грамотные специалисты, чтобы как дважды два доказать не только глубокую политнекорректность и вящую реакционность, но и экономическую несостоятельность таких взглядов.

Кои автор нисколько не проповедует.

А всего только исповедует, дивясь тому, как за считанные десятилетия факел прогресса перешел из рук ученого, наивно полагавшего себя свободным от экономики, к «творцу», спокойно выменивающему свою свободу на наше рабство.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

АНДРЕ ГОРЦ
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректоры
НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ
ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 03.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 8,10
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1066. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

